

ВЕСТНИК

Брянского

государственного

университета

№3(65)
2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
(Категория журнала - K2).

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№3(65)
2025

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3 (65) 2025:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2025. 130 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блужану Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО

- 7 Алферова И.В.**
НОВОЗЫБКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1944-1947 гг.
СЛОЖНОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО
ПЕРИОДА
- 18 Блохин В.Ф.**
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НОВОЗЫБКОВСКОГО
АГРОПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1920-
е – 1930 гг.)
- 27 Гришук Н.В.**
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НОВОЗЫБКОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В УСЛО-
ВИЯХ ПЕРЕХОДА В СССР К ВСЕОБЩЕМУ
СРЕДНЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ (КОНЕЦ 1950-х –
СЕРЕДИНА 1970-х гг.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 33 Антюхова Е.А.**
КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
СТРАН БРИКС
- 40 Комлякова Ю.Ю.**
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2015-2025 гг.)
- 51 Красинский И. В.**
ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И ПРАКТИК ДОКАЗА-
ТЕЛЬСТВА («ВЫВОДА») ШЛЯХЕТСТВА В
ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
(КОНЕЦ XV – КОНЕЦ XVI вв.)
- 62 Кудрявцев В.Ю.**
СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ В РЕАЛИЗАЦИИ
РЕФОРМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ВЬЕТНАМ (1979-1986 гг.)
- 73 Макий В.Г.**
РЕСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
- 82 Меер Е. С.**
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮ-
ЦИИ В СЕРИИ КНИГ ОБ АЛОМ ПЕРВОЦВЕТЕ
БАРОНЕССЫ ЭММЫ ОРЦИ

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Розинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

93 Нагиев Г.Г.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

102 Чертовских М.Г.

ОБРАЗЫ ПОСТ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛЕГИРОВАНИЯ

110 Шинаков Е.А., Майоров А.А.

ОБ УГРОВСКОМ И ИНЫХ ВАРИАНТАХ ПЕРЕХОДА С ВЕРХНЕЙ ОКИ НА ВЕРХОВЬЯ ДНЕПРА И ВОЛГИ В ЭПОХУ ДРЕВНЕЙ РУСИ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 3(65) 2025: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2025. 130 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.3 – No.65 Scientific peer-reviewed journal SEPTEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF ACADEMICIAN I.G. PETROVSKII BRYANSK STATE UNIVERSITY

- 7 Alferova I.V.**
NOVOZYBKOV STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1944-1947. DIFFICULTIES OF THE RECOVERY PERIOD
- 18 Blokhin V.F.**
TO THE HISTORY OF THE CREATION OF THE NOVOZIBKOVSKY AGRO-PEDAGOGICAL INSTITUTE (1920s – 1930)
- 27 Grishuk N.V.**
THE TRANSFORMATION OF THE NOVOZYBKOV PEDAGOGICAL INSTITUTE DURING THE TRANSITION TO UNIVERSAL SECONDARY EDUCATION IN THE USSR (LATE 1950S – MID-1970S)

HISTORICAL SCIENCES

- 33 Antyukhova E.A.**
KEY AREAS OF JOINT COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE BRICS COUNTRIES
- 40 Komlyakova J. U.**
U.S. ACTIVITIES IN THE SETTLEMENT OF WATER-ENERGY PROBLEMS IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES (2015-2025)
- 51 Krasinski I. V.**
EVOLUTION OF FORMS AND PRACTICES OF PROOF («INFERENCE») OF NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (LATE XV – LATE XVI CENTURIES)
- 62 Kudryavtsev V.Y.**
SOVIET ASSISTANCE IN THE IMPLEMENTATION OF SCHOOL EDUCATION REFORM IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM (1979-1986)
- 73 Makiy V.G.**
CULTURAL HERITAGE RESTITUTION: HISTORY AND MODERNITY
- 82 Meer E.S.**
REPRESENTATION OF THE FRENCH REVOLUTION IN THE SCARLET PIMPERNEL SERIES BY BARONESS EMMA ORCZY
- 93 Nagiev G.G.**
THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF MEDIEVAL CITIES OF AZERBAIJAN

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

102 Chertovskikh M.G.

IMAGES OF POST-HUMAN ECONOMY: A HISTORICAL RETROSPECTIVE OF TECHNOLOGICAL DELEGATION

110 Shinakov E.A., Mayorov A.A.

ABOUT THE CROSSING ALONG THE URGRA RIVER AND OTHER OPTIONS FOR CROSSING FROM THE UPPER OKA RIVER TO THE UPPER REACHES OF THE DNIEPER AND VOLGA RIVER

УДК 378.095 – 311.313

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НОВОЗЫБКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1944-1947 гг. СЛОЖНОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

В статье представлена история восстановления Новозыбковского государственного педагогического института после освобождения Новозыбковского района от оккупации. Привлекаемые архивные материалы, сосредоточенные в фонде Наркомата народного просвещения Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), позволили выявить совокупность проблем материально-бытового и технического порядка, с которыми столкнулись администрация вуза, профессорско-преподавательский состав, контингент студентов в военные и в первые послевоенные годы. Кроме этого в статье уделено внимание особенностям и недостаткам в организации учебного процесса, в научно-исследовательской деятельности, в воспитательной работе со студенчеством вуза в указанный период, выявленным различного уровня проверяющими, а также попыткам администрации вуза преодолеть указанные недочеты и нарушения. Приведены количественные данные, иллюстрирующие динамику изменений профессорско-преподавательского состава. В статье присутствуют количественные и качественные характеристики контингента студентов, которые обуславливали специфику образовательного и воспитательного процесса. Представлена детальная картина повседневной жизни профессорско-преподавательского состава и студентов. Продемонстрировано как в результате усилий всего коллектива НГПИ преодолевались трудности восстановления, что позволило вузу уже в первые послевоенные годы начать реализовывать задачу по обеспечению региона педагогическими кадрами.

Ключевые слова. высшая школа, Новозыбковский государственный педагогический институт, оккупация, восстановление, учебный процесс, повседневность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-07-17

Введение. Масштабные изменения на фронтах Великой Отечественной войны в переломном 1943 г. послужили началом наступательной операции, в результате которой 25 сентября 1943 г. был освобожден город Новозыбков, а 27 сентября завершено освобождение Новозыбковского района. Коллективу Новозыбковского государственного педагогического института (НГПИ) предстояло решить в условиях еще продолжавшейся войны сложную задачу восстановления своей деятельности по обеспечению региона педагогическими кадрами, что, в свою очередь, являлось необходимым фактором возрождения школьной сети.

История советской высшей школы этого периода имеет достаточно обширную историографию, в рамках которой прежде всего уделялось внимание помощи со стороны вузов фронту, а также работе по подготовке специалистов, необходимых для оборонной промышленности. Так, известно, что несмотря на сложности военного времени высшее образование смогли получить в этот период 302

тыс. человек [5, с. 35-44]. В то же время процесс восстановления высших учебных заведений, оказавшихся в годы войны на оккупированных территориях, исследован фрагментарно и нуждается в дальнейшем изучении. В том числе это относится и к истории Новозыбковского государственного педагогического института.

Историография вуза практически ограничивается работами Г.П. Полякова, который исследуя становление и развитие Брянского государственного университета, уделит внимание и отдельным моментам непростого пути возрождения вуза в военное и послевоенное время – НГПИ в тот период [4, 6]. При этом историк задействовал документы, хранящиеся в Государственном архиве Брянской области (ГАБО), а также воспоминания свидетелей происходивших событий. Страницы прошлого учебного заведения, в том числе послевоенного времени, были восстановлены в монографии А.Г. Анищенко, Е.П. Гарбузовой, И.Е. Маловой [1]. На основе многочисленных

воспоминаний выпускников, материалов периодических изданий, фрагментов книг местных краеведов авторами было прослежено успешное и поступательное развитие БГУ им. И.Г. Петровского. Однако при этом сам по себе исторический контекст происходящего в силу особого жанра монографии, в которой деятельность вуза освещалась сквозь призму работы нескольких поколений преподавателей, не являлся объектом пристального изучения.

Между тем дальнейшее исследование вопроса с привлечением широкого круга документов представляется актуальным. На примере истории отдельного педагогического вуза выявляются проблемы военного и послевоенного функционирования системы высшего образования в целом и системы подготовки педагогических кадров в провинции в частности, причем в регионе, пережившем тяжелейшие годы нацистской оккупации, что, безусловно, придавало специфику восстановительному процессу. В то же время исследование демонстрирует особенности политики советского руководства в отношении высшего образования второй половины 1940-х гг., помогает проанализировать причины успехов и неудач, определить некоторые тенденции его последующего развития.

Объект и методы исследования. На основе документов, отложившихся главным образом в фондах Наркомата просвещения РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации, демонстрируются особенности организации учебного и научно-исследовательского процесса, формирования кадрового состава и набора студентов, повседневной жизни студенчества и преподавательского коллектива в военное и послевоенное время в Новозыбковском государственном педагогическом институте.

Методологической основой исследования явились принципы историзма и системности. Принцип историзма позволил выявить различные аспекты восстановления НГПИ в контексте конкретно-исторических условий периода, а также рассмотреть происходившие события в развитии и взаимосвязи. Принцип системности обусловил исследование регионального объекта в качестве подсистемы, генетически, структурно и функционально связанной с деятельностью всей советской высшей школы. Специальные методы исторического исследования: историко-генетический

и историко-системный, позволили выявить совокупность причин, обусловивших основные черты и характер послевоенного восстановления советской системы высшего образования, комплексно подойти к рассмотрению объекта исследования.

Результаты и их обсуждение. Согласно постановлению Совета народных комиссаров РСФСР № 1261 от 13 ноября 1943 г., Новозыбковский государственный педагогический институт (НГПИ) должен был быть восстановлен и введен в действие в декабре того же года [2, оп. 4, д. 1958, л. 2].

Новозыбковский государственный педагогический институт находился в системе Наркомата просвещения РСФСР и имел в своем составе 5 факультетов: языка и литературы, истории, физико-математический, естественный и географический. Находившийся при НГПИ Новозыбковский учительский институт (НУИ) включал четыре отделения: языка и литературы, физико-математическое, историческое и естественно-географическое. Кроме того, при НГПИ должны были открыться годичные областные курсы по подготовке учителей 5-7 классов и заочное отделение.

Перед началом Великой Отечественной войны институт располагался в 3 учебных корпусах площадью 4.544 кв. м. Из них: учебная площадь – 3.274 кв. м и административно-хозяйственная – 1.270 кв. м. Институту принадлежало 20 жилых домов, в которых размещались общежития студентов, квартиры профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала. Во время оккупации было разграблено, разрушено и сожжено до 90% кабинетов, лабораторий, аудиторий и мастерских. Фонд библиотеки был уничтожен на 50%. Учебные корпуса сохранились, но с голыми стенами без стекол и мебели. Было сожжено 6 жилых домов, остальные требовали ремонта. Стоимость восстановления учебных корпусов определялась в 644.025 руб., жилого фонда – в 1.159.109 руб., учебного оборудования – в 268.540 руб. Убытки, нанесенные библиотеке, исчислялись в 72.322 руб. [3, оп. 70, д. 4531, л. 23].

Тем не менее на основании просьбы Народного комиссариата просвещения РСФСР в СНК институту для проведения восстановительных работ в 1943 г. было выделено 87.5 тыс. руб. Причем эту сумму предполагалось потратить как на зарплату сотрудников (25.8

тыс. руб. от общей суммы), так и на отопление, освещение, водоснабжение, ассенизацию, содержание помещений в чистоте, почтово-телеграфные расходы и содержание транспорта – двух лошадей [2, оп. 4, д. 1958, л. 3]. Кроме этого в смете были заложены траты на командировки, пополнение библиотеки (выписку периодических газет и журналов), приобретение и ремонт учебного оборудования и организацию приема на учебный год.

С целью сохранения оставшегося имущества и зданий, а также разбора библиотеки по решению местных властей уже 1 октября 1943 г. был сформирован административно-обслуживающий персонал в количестве 21 человека [2, оп. 4, д. 1958, л. 2]. Из возвращавшихся в Новозыбковский институт студентов довоенного времени создавались факультетские бригады, которые разбирали завалы, по возможности ремонтировали помещения и инвентарь, наводили порядок. К началу занятий первый этаж главного корпуса был более-менее приспособлен для проведения занятий.

В дальнейшем ремонт главного здания проводился в основном силами стройконторы, которая к концу ноября 1944 г. смогла отремонтировать и застеклить наружные рамы, исправить двери, восстановить печное отопление и произвести побелку внутренних помещений. Физкультурный и зрительные залы оставались разрушенными. Корпус естественного факультета в основном восстанавливался силами студенчества и преподавательского состава [3, оп. 70, д. 4531].

Первый учебный год был весьма напряженным: начался с 20 января 1944 г. и продолжался без каникул до 15 сентября [3, оп. 70, д. 4463, л. 1]. Директором института с началом его восстановления был назначен Василий Павлович Гудков – до этого научный сотрудник Педагогической академии имени Н.К. Крупской. Заместителем директора по учебной части с марта 1944 г. числилась К.И. Семенова, заместителем директора по учительскому институту с ноября 1944 г. был К.Ф. Боченков. С февраля 1944 г. М.Ф. Циклинская работала главным бухгалтером. Кроме них административно-обслуживающий персонал состоял из помощника директора по хозяйственной части, управделами, машинистки, бухгалтера, пожарного, сторожей и уборщиц (в количестве 10 человек), курьера, конюха, заведую-

щей библиотекой, библиотекаря, секретаря заочного отделения, заведующего хозяйством.

Учебная часть состояла из деканов исторического, физико-математического, естественно-географического факультетов, факультета языка и литературы, секретарей по учебной части, секретарей факультета [3, оп. 70, д. 4463, л. 14]. В институте к началу работы числились один доктор наук, профессор, 4 кандидата наук, среди которых трое имели звание доцента и 31 ассистент или преподаватель. Число студентов на 1 января 1944 г. составило 494 чел. Причем план приема был недовыполнен на 16% (по плану предполагалось принять 585 чел.). Отсев за 1944 г. составил 67 студентов [3, оп. 70, д. 9144, л. 20].

В августе 1944 г. СНК РСФСР принял решение выделить в текущем году на проведение ремонтно-восстановительных работ и оборудование учебного здания и общежития Новозыбковского института 300 тыс. руб. [2, оп. 5, д. 1675, л. 5]. Принятие решения сопровождала длительная переписка между СНК и Наркомпросом. Последний аргументировал необходимость выделения денег тем, что занятия в Новозыбковском пединституте начались в разрушенных и неподготовленных помещениях. Примечательно, что главным доводом при принятии окончательного решения был следующий: за пять месяцев 1944 г. институт смог подготовить необходимую базу для проведения ремонтно-восстановительных работ, заготовил часть необходимых стройматериалов и заключил договор на изготовление оборудования [2, оп. 5, д. 1675, л. 4].

Первоначально планировалось выделить необходимую сумму за счет Иркутского института иностранных языков, который не смог к сроку выполнить строительные работы. В свою очередь Госплан РСФСР посчитал возможным выделение указанных средств за счет общего объема капитальных работ Наркомпроса на 1944 г. по Орловской области, которые были запланированы в сумме 3 млн руб. При этом освоено было на 1 июля 1944 г. только 890 тыс. руб., в том числе не были израсходованы деньги, предназначенные на восстановление педагогического института в Орле [2, оп. 5, д. 1675, л. 2]. В конечном счете выделение необходимой суммы произошло за счет сокращения ассигнований на капитальный ремонт Сталинградского пединститута.

По факту к октябрю 1944 г. институту на

восстановление было выделено около 100 тыс. руб. Занятия проводились в практически необорудованных аудиториях. Кабинеты русского языка, истории, математики, основ марксизма-ленинизма не имели ни учебного оборудования, ни учебных пособий. Оборудование кабинетов естественных наук не позволяло проводить лабораторные и практические занятия. В кабинетах и лабораториях отсутствовала специальная учебная мебель, а в аудиториях – столы и скамейки. Для обеспечения минимальных потребностей в мебели институту не хватало 100 столов и 300 табуреток. Зачастую студентам приходилось слушать лекции стоя [3, оп. 5, д. 1675, л. 4].

Книжный фонд института составлял 35.560 экземпляров книг – 50% книжного фонда, которым располагал институт до оккупации. Полностью отсутствовали учебники по Новой истории, по истории СССР, по экономической и физической географии. По немецкому языку имелось всего два учебника. По дисциплинам физико-математического и естественного факультета обеспечение учебной литературой было приемлемым – один экземпляр учебника приходился на 2-3 студента. Институт также нуждался в художественной литературе XIX, XX веков, классической иностранной литературе [3, оп. 70, д. 4531, л. 26]. Полностью отсутствовали географические карты и карты по истории. В библиотеке имелся читальный зал на 50 посадочных мест, который имел подписку на экземпляр одной центральной газеты.

Тяжелейшими были материально-бытовые условия проживания студентов и преподавателей. Подавляющее большинство студентов снимало угол в частных квартирах, причем плата составляла 100-150 руб. в месяц. Общежитие, в котором проживало около 100 человек, не было подготовлено к зиме, не были отремонтированы печи, не было дров, отсутствовал свет. Керосин и лампы студенты приобретали за свой счет. Проемы окон на 75% были заделаны кирпичом. Стены были покрыты слоем копти, не было хозяйственного инвентаря. Почти полностью отсутствовала мебель: столы, тумбочки, скамейки. По причине недостатка коек студентам приходилось спать по двое.

Для открытия общежития на 350 мест требовалось 350 коек, 350 табуреток, 50-60 столов. Для санитарно-бытового обслуживания

студентов не хватало бачков, ведер, умывальников, ламп и пр. хозяйственного инвентаря. Институт крайне нуждался в транспорте, а именно в машине и соответственно – в горючем для нее. Из 48 человек преподавательского состава к концу года были не обеспечены жильем только 5 человек. Большинство квартир нуждалось в ремонте [3, оп. 70, д. 4531, л. 27].

Дирекции института удалось организовать питание студентов и преподавателей. У них была возможность получать завтрак и обед из двух блюд. Бесплатно, правда иногда с переборами, выдавалось 500 г хлеба на человека в день. При этом студенты затрачивали по 2-2,5 часа на обед, так как не хватало на всех посуды и приборов. Всего имелось 40 тарелок, 60 жестяных мисок. Не было ложек, вилок и ножей. Санитарное состояние кухни и столовой признавалось неудовлетворительным. Преподаватели питались вместе со студентами.

Некоторым подспорьем в обеспечении продуктами питания института было подсобное хозяйство, за счет которого было выдано осенью 1944 г. сотрудникам, прибывшим из других областей и не имевшим собственных участков, участникам Великой Отечественной войны более 4 тонн овощей, в основном картофеля и капусты [3, оп. 70, д. 4531, л. 28]. Наркомпрос для профессорско-преподавательского состава выделил 12 комплектов «американских подарков», которые включали обувь, белье, верхнее платье, а Брянский облсовет прислал 510 вещей, которые были распределены между студентами, преподавателями и служащими [3, оп. 70, д. 4531, л. 28].

Материалы, сохранившегося в ГА РФ отчета НГПИ за 1944 г., включающие акт ревизии бухгалтерии Наркомпроса РСФСР финансово-хозяйственной деятельности вуза, представленные в Народный комиссариат просвещения в марте 1945 г., дополняют картину, в которой происходило восстановление работы учебного заведения.

План приема студентов на 1944/1945 гг. был перевыполнен. Перевыполнение произошло за счет возвращения на старшие курсы студентов, которые не успели закончить институт до начала военных действий и теперь получили возможность наверстать упущенное. В этом же году состоялся выпуск по учительскому институту в 37 человек [3, оп. 70, д. 9144, л. 34].

Контингент студентов на 10 ноября 1944 г. отражен в Таблице 1.

Таблица 1. [3, оп. 70, д. 4531, л. 1-32, л. 5]

Факультеты	Педагогический институт					Учительский институт			Всего
	I курс	II	III	IV	Итого	I	II	Итого	
Исторический	37	31	-	9	77	-	68	68	145
Языка и литературы	35	38	14	17	104	91	72	163	267
Естественный	11	23	13	8	55	-	-	-	55
Географический	30	-	9	-	39	-	-	-	39
Физико-математический	21	25	10	10	66	38	76	114	180
Естественно-географический	-	-	-	-	-	33	73	106	106
Итого:	134	117	46	44	341	162	289	451	792

На 1 января 1945 г. в педагогическом институте числилось 344, в учительском институте – 444 человек. Всего – 788 студента. На подготовительном отделении обучалось 67 человек. Контингент заочников насчитывал 1060 обучающихся. В подавляющем большинстве студенты являлись жителями Брянской области.

Из всего количества студентов по педагогическому институту было 340 стипендиатов, по учительскому – 442 [3, оп. 70, д. 9144, л. 40-41]. Плату за обучение в первом полугодии 1944/1945 гг. внесли 6 человек. Она составляла 150 руб. за семестр с человека.

Проверкой был выявлен перерасход денег по оплате проживания студентов, размещенных на частных квартирах, которых по плану предполагалось 419 человек, а в реальности оказалось намного больше.

В то же время институт из запланированной суммы в 28.600 руб., выделенной на содержание своих помещений, смог потратить только 6.676 руб. Недорасход объяснялся довольно просто: «отпущенные на освещение 10.000 руб. не были израсходованы ввиду того, что электростанция начала свою работу в декабре с. г.» [3, оп. 70, д. 9144, л. 35]. т. е. практически весь год институт работал без электричества. На отопление также была потрачена сумма меньше запланированной (всего лишь 11.686 руб.), «ввиду того, что институт добился плановой вывозки топлива через сельисполком и кроме того были изысканы возможности непосредственного получения топлива» [3, оп. 70, д. 9144, л. 35]. Безвозмездно от Наркомпроса была получена пишущая машинка стоимостью в 3.500 руб. Хозинвентарь, а именно: столы, топчаны, скамейки приобретались у артели «Химтруд».

Однако, отмечая усилия дирекции института по ликвидации последствий оккупации, ревизия выявила ряд нарушений. Так,

было отмечено, что из полученного институтом оконного стекла в размере 1000 кв. м было отпущено разным организациям 241 кв. м, сотрудникам – 37 кв. м. Артели «Химтруд», несмотря на запрет обменных операций, за топчаны и столы было выделено 52.6 кг гвоздей» [3, оп. 70, д. 9144, л. 44].

Не удовлетворил ревизию и акт на списание 60 л спирта, который, как следовало из документа, был разлит в результате автомобильной аварии. Из другого акта следовало, что еще 10 л спирта были переданы шоферу в счет перевозки груза из Брянска. Такое объяснение также было признано неудовлетворительным, так как было непонятно за какой именно груз был отдан спирт.

В качестве нарушения ревизия рассматривала и случаи приобретения различных предметов (двух ламп, двух поперечных пил, двух колонов, стекол для ламп, бумаги, копирки, блокнота, календаря и конской сбруи) на рынке у частных лиц [3, оп. 70, д. 9144, л. 43, 43 об.].

Примечательно, что наряду с недостатками, инвентаризация имущества выявила и его излишки на 10.980 руб. Это была стоимость по сути бесхозного инвентаря, который остался в городе после освобождения от оккупации и был собран сотрудниками института.

По итогам замечаний ревизии директор В.П. Гудков представил объяснительную записку, в которой совершенно справедливо указывал, что в условиях прифронтовой полосы, в которых пришлось восстанавливать работу института, нужно несколько «иначе подходить к вопросу» [3, оп. 70, д. 9144, л. 49-50]. Новозыбков до июня 1944 г. подвергался периодическим бомбежкам, поэтому проблема, например, остекления была непреодолимой. «Стекло было получено институтом от облисполкома за счет фондов горсовета, отпущенных на восстановление города, и институт считает совершенно

недопустимым, – отмечал директор, – имея на складах стекло не дать его городским организациям (горсовет, жел. дор. узел, фабрика) и тем самым приостанавливать их работу» [3, оп. 70, д. 9144, л. 49]. По мнению В.П. Гудкова, эти задачи не являлись по сути обменными операциями, а вынужденным заимствованием одной организации другой в чрезвычайной обстановке. Таким же образом он объяснял и передачу гвоздей: «...если бы мы не дали артели "Химтруд" гвоздей, то не получили бы столов, скамеек, топчанов... и тем самым не смогли подготовиться к новому учебному году. Приобретенные же на рынке вещи, были совершенно необходимы для занятий в институте, – отмечал директор, – так как «в городе электричества не было, приобретались лампы, иначе институт был вынужден прекратить занятия в вечернее время» [3, оп. 70, д. 4531, л. 49 об.].

Организация учебного процесса также сталкивалась с большим количеством сложностей. Показательны в этом отношении материалы обследования института, проведенного в ноябре 1944 г. бригадой, в которую были включены работники Брянского обкома и заведующие кафедрами Брянского лесохозяйственного института. Обследование проводилось при помощи бесед с администрацией института, деканами, заведующими кафедрами, группами студентов. Кроме этого члены бригады посещали лекции, семинарские, практические занятия преподавателей и пробные уроки студентов в городских школах. По итогам обследования для секретаря Брянского обкома партии А.П. Матвеева была составлена подробная справка о деятельности НГПИ [3, оп. 70, д. 4531, л. 1-32].

Бригада с особым вниманием подошла к проверке учебной и воспитательной работы института с контингентом студентов, 85% которого проживало во время оккупации Новозыбковского района на его территории, что требовало от дирекции и парторганизации института, по мнению проверяющих, «широкого развертывания всех многообразных форм воспитательной работы, охвата идейно-политическим и культурным влиянием каждого отдельного студента, идейно-политической целеустремленности содержания воспитательной работы, направленной на воспитание большевистских качеств у советского педагога» [3, оп. 70, д. 4531, л. 20]. Однако вывод бригады был однозначен: «фактическое состояние

воспитательной работы в институте не решает этих задач» [3, оп. 70, д. 4531, л. 20].

Действительно, радиоточки в здании института и в общежитии отсутствовали, поэтому у студентов не было возможности слушать радиопередачи. Газетная витрина также отсутствовала. В читальном зале, как отмечалось, выписывалась одна газета, однако помещение не отапливалось и в нем не было света, поэтому ни студенты, ни преподаватели его не посещали. За все время работы института было прочитано три публичные лекции: о международном положении, о стратегии и тактике Красной Армии и о А.П. Чехове, а также 4 доклада о задачах института в новом учебном году. Этими лекциями и докладами, как установила бригада было охвачено от 200 до 300 человек. Научно-технические и художественные кружки отсутствовали. Для подготовки художественной части вечера, посвященного 27 годовщине Октябрьской революции, были созданы хоровая и драматические группы студентов, которые прекратили работу сразу после проведения вечера [3, оп. 70, д. 4531, л. 20].

Ряд серьезных нарушений и недочетов бригада выявила и в организации учебного процесса. По штатному расписанию, утвержденному Всесоюзным комитетом по делам высшей школы (ВКВШ) на 1944/1945 гг., в институте должно было быть 64 преподавателя, из них 2 профессора – заведующих кафедрами, 12 доцентов – заведующих кафедрами, 13 доцентов кафедр, 19 старших преподавателей, 4 преподавателя, 19 ассистентов. Между тем, на 20 ноября 1944 г. в институте числилось 46 преподавателей (66% от штатного расписания), из них 3 профессора, из которых двое приезжали из Москвы, и два доцента [3, оп. 70, д. 4531, л. 6]. Не хватало квалифицированных работников для преподавания исторического и диалектического материализма, политэкономии, психологии, литературы XVIII, XIX, XX веков, общей физики, ряду математических дисциплин, истории. На военной кафедре не было ни одного работника. Отсутствовал специальный преподаватель физкультуры. При этом только 30 человек из профессорско-преподавательского состава имели стаж работы в вузе более 5 лет. Остальные же являлись молодыми и начинающими преподавателями.

По причине недостатка преподавателей

«институт вынужден был приглашать совместителей, оплачивая им почасно» [3, оп. 70, д. 9144, л. 34]. Нагрузка преподавательского состава превышала в большинстве случаев более 1000 часов в год при установленной норме в 700-800. При этом в нагрузку не включались часы по заочному отделению и одногодичным курсам, так что в действительности нагрузка преподавателей, особенно в период сессий заочников, доходила до трех ставок.

Восстановление института требовало частых поездок в областной центр, к тому времени – в Брянск, поэтому сумма, затраченная на командировочные расходы, была весьма внушительна – 10.293 руб. В то же время приходилось оплачивать приезды для проведения занятий преподавателей-почасовиков, не спешивших перебраться на постоянное место жительства в Новозыбков. Эти затраты составили 1077 руб. Тем же сотрудникам, которые решались на переезд с семьями, требовалось выплачивать подъемные [3, оп. 70, д. 9144, л. 34].

Бригада проверяющих обратила внимание, что для института было характерным «неравномерность прохождения дисциплин, не всегда объяснимая условиями, определяемыми приезжающими на короткие сроки преподавателями» [3, оп. 70, д. 4531, л. 9]. Многие предметы преподавались в короткие сроки по 4-6 часов ежедневно, что, по их мнению, не способствовало систематической работе студентов и приводило к поверхностному усвоению материалов. «Так, в прошлом учебном году сгущенно преподавался курс зоологии, по факультету языка и литературы, ряд литературных дисциплин преподавался лишь 2-3 летних месяца, во время приезда из Москвы доцента Баранова. По историческому факультету курс профессора Рюмина читался 4-6 часов ежедневно и т. д.» [3, оп. 70, д. 4531, л. 9], – отмечала бригада.

В институте не было стабильного расписания, оно составлялось еженедельно. Дисциплины преподавались по программам 1939–1940 гг. и не пересматривались в связи с начавшейся войной. Программы по некоторым дисциплинам отсутствовали. Не удовлетворило проверяющих и качество многих лекций и семинаров, которое, по их мнению, не соответствовало уровню вуза и «скорее приближается к уровню преподавания в средней школе» [3, оп. 70, д. 4531, л. 10]. Исклю-

чением являлись лекции доктора филологических наук профессора П.А. Росторгуева и кандидата физико-методических наук Г.С. Клебанова. Большинство же посещенных членами бригады лекций, являлись пересказами основного материала, почерпнутого из учебников, что не приучало студентов к активному творческому мышлению. Студенты, в свою очередь, стремились почти к стенографической записи материала. Эти студенческие конспекты являлись во многих случаях почти единственным пособием, по которому они осваивали дисциплину. Между тем, просмотренные некоторыми членами бригады записи студентов, представляли типичную картину: отличались нечеткостью формулировок, искажением смысла, отсутствием творческой переработки текста.

В то же время, несмотря на рабочий день преподавателей в 6-8 часов, кафедры русского языка, педагогики, истории уже в 1944 г. возобновили научные исследования. Наиболее значительной из них была работа зав. кафедрой русского языка, доктора филологических наук, профессора Павла Андреевича Расторгуева «История говоров на территории смоленских кривичей» [3, оп. 70, д. 4463, л. 1].

Отчеты Новозыбковского педагогического и учительского института последующих лет демонстрируют не простой путь возвращение вуза к реализации своих задач в нормальной, мирной обстановке. Так, к началу 1946/1947 учебного года занятия института размещались уже в двух корпусах (в главном – Ленинская, 11 и в малом – Мало-Ленинская, 11). В главном корпусе, имевшем 20 аудиторий, проводили занятия физико-математический, исторический и литературный факультеты, а в малом, так называемом биологическом корпусе, имевшем 8 аудиторий, находились факультеты естествознания и географический.

Вуз по-прежнему испытывал недостаток в учебных помещениях, в которых нужно было проводить занятия 45 групп, поэтому одно время работал в две смены. Однако перебои с электроосвещением и невозможность достать в Новозыбкове качественный керосин для керосиновых ламп заставил вернуться к занятиям в одну смену и заниматься в столовой, читальне, кабинетах кафедр и в подсобных помещениях.

Значительно увеличилось в учебных

аудиториях количество мебели: столов, табуреток, скамеек, но ее все равно не хватало. При этом «вся мебель сделана местными кустарями по деревенскому образцу и имеет некрасивый вид и очень непрочная» [3, оп. 71, д. 7390, л. 3], – отмечалось в отчете института за 1946/1947 учебный год в Главное управление высших учебных заведений (ГУВУЗ). Недостаток мебели приводил к тому, что студенты на свои занятия перетаскивали ее из одной аудитории в другую, а в результате она быстро ломалась.

В кабинетах физики, химии, зоологии, ботаники, географии, основ марксизма-ленинизма появилось оборудование. Мастерские, организованные при кафедре физики и на факультете естествознания, занимались ремонтом, а иногда и изготовлением оборудования. Оно было «еще далеко от вузовского», но уже давало возможность пусть и с большим

напряжением со стороны профессорско-преподавательского состава проводить практические и лабораторные занятия. У факультета естествознания появились ботанический и большой фруктовый сады.

Усложняло пополнение и обновление оборудования большая дальность расположения Новозыбкова от Москвы, где только его и можно было достать. Тем не менее, в 1946/1947 учебном году его удалось приобрести более чем на 50 тыс. руб. Не могли полностью обеспечивать учебный процесс имевшиеся на тот момент в библиотеке свыше 40 тыс. книг и брошюр [3, оп. 71, д. 7390, л. 7].

На 15 сентября 1946 г. в вузе насчитывалось 970 студентов очного отделения. За прошедшие два года после Великой Отечественной войны значительно изменился их качественный состав (см.: Таблица 2).

Таблица 2 [3, оп. 71, д. 7390, л. 24]

Педагогический институт								
Факультет	Всего студентов	Из общего количества						
		членов ВКП(б) и кандидатов	членов ВЛКСМ	б/п	Участников ВОВ	Партизан	Награжденных	Проживавших на оккупир. терр.
Исторический	131	30	53	48	33	6	36	36
Языка и литературы	163	20	52	109	18	3	18	118
Физико-математич.	163	12	50	101	38	4	41	52
Естествознания	120	3	24	93	7	1	7	62
Географический	80	3	40	37	8	1	8	60
Итого:	657	50	219	388	104	15	110	328
Учительский институт								
Отделение	Всего студентов	Из общего количества						
		членов ВКП(б) и кандидатов	членов ВЛКСМ	б/п	Участников ВОВ	Партизан	Награжденных	Проживавших на оккупир. терр.
Историческое	53	7	11	35	18	2	13	27
Языка и литературы	75	2	15	58	9	2	6	43
Физико-математич.	101	1	15	85	20	1	21	47
Ест.-географ.	84	-	6	78	5	-	5	48
Итого:	313	10	47	256	52	5	45	165
Всего:	970	60	266	644	156	20	15	493

В институт поступали демобилизованные фронтовики, партизаны, жители, вернувшиеся из эвакуации. Конкурс на приемных экзаменах 1946 г. отсутствовал, что порождало

опасения в отношении качества предварительной подготовки поступающих. Однако сессии на первом курсе показали достаточно неплохие результаты. Перенесенные суровые испы-

тания военного времени положительно сказались на мотивации студентов, которые поступали в институт с целью получения предельно мирной профессии – учителя: «Большинство студентов-новичков правильно поняли свои задачи в высшей школе, быстро усвоили новые для них методы работы и с надлежащим усердием и серьезностью работали в году» [3, оп. 71, д. 7390, л. 7].

Реализовывал учебный процесс профессорско-преподавательский состав в количестве 83 человек, из них: 1 профессор-доктор наук, 1 профессор, 4 доцента-кандидата наук, 4 доцента, 2 старших преподавателей-кандидатов наук, 71 ассистент и преподаватель. С 3 октября 1946 г. в документах упоминается новый директор института фронтовик Яков Васильевич Демещенко [6, с. 18].

Произошли существенные изменения в организации обучения. К 15 августа 1946 г. были составлены рабочие планы и графики по всем дисциплинам, впервые за послевоенное время появилось стабильное расписание. Введен журнал учета выполнения преподавателями учебной нагрузки. В течение года проводилось взаимное посещение лекций и практических занятий с последующим обсуждением. Так, например, декан исторического факультета Т.Г. Гаур за год посетил 43 занятия у преподавателей своего факультета [3, оп. 71, д. 7390, л. 36]. Широко практиковалось проведение открытых лекций. В вечернее время на кафедрах стали работать студенческие и преподавательские кружки, которые по итогам работы проводили конференции, на которые приглашались учителя и представители различных городских организаций.

В октябре 1946 г. в институте был составлен план научно-исследовательской работы, который предусматривал соответствующую деятельность 34 человек профессорско-преподавательского состава. Предполагалось написание учебных пособий и учебников, статей. Повышать квалификацию и сдавать кандидатские экзамены планировали 22 человека. Значительную роль в активизации научно-исследовательской работы сыграли вновь приехавшие в 1946 г. на работу в институт 5 заведующих кафедрами и 15 преподавателей [3, оп. 71, д. 7390, л. 43]. Планировалось издание «Ученых записок» института.

В лучшую сторону изменилась и

внеучебная жизнь НГПИ. Учитывая, что в Новозыбкове был только один кинотеатр, а драматический театр работал только несколько месяцев в году, руководство вуза большое внимание уделяло художественной самодетельности. В течение года факультетами для всего вуза было организовано 23 вечера художественной самодетельности (из них 6 конкурсных и 4 юбилейных). Силами приезжих трупп в институте было проведено 7 концертов. Проводились коллективные просмотры фильмов и постановок в городском драмтеатре. В институтском клубе по пятницам кинопередвижкой демонстрировались фильмы. Все преподаватели и студенты были обеспечены газетами.

В свою очередь студенты проводили большую культурно-массовую работу в госпиталах для инвалидов Великой Отечественной войны, в школах, на предприятиях города, устраивая концерты художественной самодетельности и выступление агитбригады.

Конечно, за столь короткое время, прошедшее с окончания войны, невозможно было ликвидировать все недостатки учебной и воспитательной работы. В институте по-прежнему ощущался дефицит в остепененных преподавателях. Существенной проблемой являлась и текучесть студенческого контингента всех факультетов, когда немалая его часть отчислялась уже в первом полугодии. Зачастую причины носили материально-бытовой характер, так как поступившие студенты не могли финансово обеспечить свое обучение. Сохранявшийся состав имел характерную особенность, которая была отмечена в предоставленном отчете: «...подавляющее большинство студентов – это люди пришедшие из деревни, в большинстве своем никогда не бывших в городе крупнее Новозыбкова и знакомых с культурой большого города только по книгам. Это лежит определенным отпечатком не только на их внешнем виде и речи, но и на поведении, их представлениях» [3, оп. 71, д. 7390, л. 27]. В то же время в отчете отмечалось, что «облик и развитие студента очень меняется уже через год. К концу обучения в институте они становятся неузнаваемыми» [3, оп. 71, д. 7390, л. 28].

В заключении отчета резюмировалось: «Студенческий коллектив Новозыбковского

пединститута в массе своей представляет морально-здоровых людей, преданных своей родине и коммунистической партии, людей жадно поглощающих знания, даваемые институтом и мечтающие о применении этих знаний в жизни Советского государства» [3, оп. 71, д. 7390, л. 34].

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что за годы нацистской оккупации была практически полностью уничтожена материально-техническая база Новозыбковского государственного педагогического института. Сразу после освобождения города силами местных властей, администрации вуза, бывших студентов начались мероприятия по ее восстановлению. Несмотря на ограниченное финансирование восстановительных работ, институт смог приступить к образовательной деятельности в январе 1944 г. Уже в первый год своей деятельности в НГПИ была

проведена успешная приемная кампания, состоялся первый выпуск студентов, которые не успели закончить свое обучение до начала Великой Отечественной войны. В то же время в деятельности вуза изначально и на протяжении первых послевоенных лет, наряду с проблемами материально-бытового характера, отмечались кадровые проблемы, связанные с недостатком остепененных и опытных преподавателей, сложности научно-методического обеспечения, которые преодолевались с большим трудом. Тем не менее, несмотря на наличие серьезных проблем восстановительного периода, коллективом института была проделана большая работа по налаживанию учебной, научно-исследовательской, воспитательной деятельности, организации материально-технической базы для подготовки квалифицированных кадров – преподавателей общеобразовательных школ Брянской области.

Список литературы

1. Анищенко А.Г., Гарбузова Е.П., Малова И.Е. Памятные уроки педагогического образования, незабываемые имена и годы: монография. Брянск: Изд-во: ИП Шуклина Т.А., 2016. 524 с.
2. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. А 259.
3. ГАРФ. Ф. А 2306.
4. Поляков Г.П. Из истории БГУ. Новозыбковский государственный педагогический и учительский институт в 1932–1940 гг. // Русский сборник. 2006. С. 18–27.
5. Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа / Н. Л. Сиверцева // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 35–44.
6. Страницы истории БГУ (1930–2005 г.). НГПИ-БГПИ-БГПУ-БГУ. Автор-составитель – Г.П. Поляков. Брянск: РИО БГУ, 2005.

NOVOZYBKOV STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1944-1947. DIFFICULTIES OF THE RECOVERY PERIOD

This article presents the experience of restoring the Novozybkov State Pedagogical Institute after the liberation of the Novozybkov District from occupation. Archival materials, collected from the People's Commissariat of Public Education of the State Archives of the Russian Federation (GA RF), reveal a range of material, practical, and technical issues faced by the university administration, faculty, and student body during the war and in the immediate postwar years. Furthermore, the article focuses on the specifics and shortcomings in the organization of the educational process, research activities, and student education during this period, as identified by inspectors at various levels, as well as the university administration's attempts to overcome these shortcomings and violations. Quantitative data is provided illustrating the dynamics of changes in the faculty and staff. The article presents quantitative and qualitative characteristics of the student body, which determined the specifics of the educational and educational process. A detailed picture of the daily lives of faculty and students is presented. It demonstrates how the efforts of the entire NSPI team overcame the difficulties of recovery, enabling the university to begin fulfilling its mission of providing the region with teaching staff in the first post-war years.

Keywords: Novozybkov State Pedagogical Institute, occupation, restoration, higher education, educational process, everyday life.

References

1. Anishhenko A.G., Garbuzova E.P., Malova I.E. Pamyatny`e uroki pedagogicheskogo obrazovaniya, nezaby`vaemy`e imena i gody`: monografiya. Bryansk: Izd-vo: IP Shuklina T.A., 2016. 524 s.
2. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. A 2306. Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR.
3. GA RF. F. A 259. Sovet Ministrov RSFSR (SOVMIN RSFSR).
4. Polyakov G.P. Iz istorii BGU. Novozy`bkovskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij i uchitel`skij institut v 1932 – 1940 gg. // Russkij sbornik. 2006. S. 18-27.
5. Stranicy istorii BGU (1930 – 2005 g.). NGPI-BGPI-BGPU-BGU. Avtor-sostavitel` – G.P. Polyakov. Bryansk: RIO BGU, 2005. 41 s.
6. Siverceva N. L. Velikaya Otechestvennaya vojna i vy`sshaya shkola // Sociologicheskie issledovaniya. 1995. № 5. S. 35–44.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alferova Irina Victorovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

УДК 378.095 – 311.313

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НОВОЗЫБКОВСКОГО АГРОПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1920-е – 1930 г.)

Автор статьи рассматривает на опубликованных и впервые введенных в научный оборот материалах историю создания Новозыбковского педагогического института, ставшего историческим предшественником Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (БГУ). Обращение к исследованиям, имеющим ярко выраженный юбилейно-исторический акцент, к публикациям, а главное – документам, раскрывающим исторический контекст эпохи, позволяет сформировать корпоративную «автобиографию», начиная с момента зарождения учебного заведения. Восстановление исторических этапов развития вуза способствует консолидации университетского сообщества, связывая преподавателей и студентов разных поколений, представляя университет внешнему окружению, подтверждая его общественный статус. Акцент в статье делается на наличие объективных причин, послуживших основанием для создания нового учебного заведения, располагавшегося вплоть до середины 1970-х гг. в городе Новозыбкове. Важной задачей предпринятого документального анализа является сохранение исторической памяти, восстановление событий прошлого в качестве информационной основы для будущих исследований истории БГУ.

Ключевые слова: Советская Россия, историческая память, народное образование, единая трудовая школа, агропедагогический институт, университет, учебно-воспитательная деятельность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-18-26

Введение. Наряду с общей политической историей страны в прошлом БГУ присутствует несколько этапов, которые логически выстраивают периоды его развития и задают логику изложения исторического материала: до войны и после, до переезда в Брянск и после, до присвоения звания «университет» и после. Неотъемлемыми этапами в развитии учебного заведения выступает деятельность администраторов-ректоров, с именами которых связаны изменения в жизни института и университета. Важнейшей составляющей эволюции НАПИ-НГПИ-БГПИ-БГПУ-БГУ выступают структура и номенклатура факультетов, постоянно пополняющийся список «славных имен» тех, кто трудился в учебном заведении.

Сегодняшний юбилей университета является кульминационной точкой, от которой сегодня мы «отматываем» в обратном направлении историю вуза для определения начал, которые послужили основой для современного учебного заведения, являющегося на сегодняшний день ведущим в регионе. Сама юбилейная дата указывает на конкретный год и день, от которого ведется отсчет.

Советское государство на протяжении

1920-х гг. предприняло ряд экспериментальных попыток, направленных на поиск оптимального пути к достижению скорейшего социалистического переустройства страны. При этом основные принципы системы образования объявлялись незыблемыми, поскольку они должны были стать средством подготовки и воспитания нового человека: «Нам нужен оформленный Новый Человек с чеканным коммунистическим мировоззрением в области хозяйственной, политической и идеологической жизни СССР» [15, л. 1]. На первое место выходили задачи обеспечения общего политического образования, подкрепленные профессиональными знаниями. Одновременно утверждалось мнение, что старая дореволюционная школа не подходила для достижения главной цели, потому начался процесс конструирования новой революционной традиции в рамках системы образования.

Объект и методы исследования. История зарождения Брянского государственного университета через своего предшественника – Новозыбковский педагогический институт, тесным образом связана с ключевыми основами советской системы формирования си-

стемы начального, среднего и высшего образования. Воссоздать этот процесс невозможно без официальных документов высших партийных и государственных органов, материалов делопроизводства, во многом носящих установочно-директивный характер, статистики, отчетов, личных дел преподавателей, сотрудников и студентов, хранящихся в архивах Смоленска, который являлся центром Западной области, созданной с 1 октября 1929 г. и куда вплоть до осени 1937 г. входили Брянск и Новозыбков.

После 1937 г. новым областным центром для этих городов стал Орел. Документы Народного комиссариата просвещения хранятся в Москве – в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Эти материалы позволяют воссоздать процесс конструирования сверху советской высшей школы, отражают реальное воплощение этого конструктора на местах.

Объемный пласт документов, связанных с деятельностью вуза, хранит Государственный архив Брянской области (ГАБО) и Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО), являющийся филиалом ГАБО.

Исследование истории БГУ осуществляется на основе интеграции макро- и микроподходов, через использование методов локальной истории. Автор исходит из наличия «объективных» признаков и характерных черт в истории рассматриваемого учебного заведения, сохраняющиеся в практике сегодняшнего дня.

Результаты и их обсуждение. Уже 25 августа 1918 г. на I Всероссийском съезде по просвещению, проходившем с 26 августа по 4 сентября 1918 г. в Москве в здании Высших женских курсов (ныне Московский государственный педагогический университет), была выдвинута идея «отмирания школы». С отчетом о деятельности Наркомпроса там выступил комиссар народного просвещения А.В. Луначарский, который заявил о том, что после своего назначения на должность он обратился к учителям с идеей новой школы, «нарисовав перед ними широкую картину школьной реформы». По его словам, ответом на этот призыв к работе «был бешенный преступный учительский саботаж, между народом и учительством запала взаимная враждебность и непонимание» [7].

В своей речи на съезде А.В. Луначарский также объявил, что Комиссариат просвещения подошел к моменту окончательной выработки принципов реформы школы: «Школа будет трудовой; ребенок должен помнить, что труд – это стихия, в которой живет все общество. Он с детства должен чувствовать себя сотрудником социалистического общества, но при этом мы должны сохранить педагогический характер этого сотрудничества» [7].

На съезде по просвещению в духе реформирования школы также выступил тогда еще никому неизвестный представитель от Рязани, недавний выпускник историко-филологического факультета Московского университета В.Н. Шульгин. Доклад получил одобрение Н.К. Крупской, предложившей ему перейти на работу в Народный комиссариат просвещения. Там он в последующие пять лет трудился в должности заместителя заведующего отделом реформ школ, а затем стал директором Института методов школьной работы.

В Институте изучались возможности воздействия на формирование личности, определялись ценностные ориентиры в воспитании нового человека, для чего проводились исследования в области влияния окружающей среды на итоги воспитательной работы. В коммунистическом будущем, считал В.Н. Шульгин, школа станет школой-заводом, школой-колхозом [2, с. 26]. К середине 1920-х гг. им была сформулирована идея отмирания школы. Отменялась классно-урочная система, предметное преподавание, при отсутствии оценок и отметок учащимся, домашних заданий. При этом автор теории обвинял в антимарксизме всех, кто не разделял его взгляды [16, с. 11].

Школа-завод и школа-колхоз явились основой для подготовки в них будущих педагогов. С 1930–1931 учебного года все пединституты страны были разделены на три большие группы. Индустриально-педагогические были ориентированы на подготовку молодежи городов и рабочих поселков к работе в фабрично-заводском производстве (для фабрично-заводских семилеток и городских средних учебных заведений). Агропедагогические институты должны были готовить учителей для школ в сельской местности: школ крестьянской молодежи (ШКМ) с сельскохозяйственным уклоном. Психолого-педагогические институты за-

нимались подготовкой преподавателей педагогических дисциплин для педтехникумов, рабфаков, школ ФЗУ.

Воплощением идей В.Н. Шульгина явилась также подготовка в 1923 г. Государственным ученым советом (ГУСом) учебных программ для полной семилетней общеобразовательной школы «схемы ГУСа». Основным их принципом являлось «развитие связи школы с жизнью», с одновременным отказом от предметного принципа изложения учебного материала.

Знания должны были получаться на примерах из мира природы, человеческой жизни или политической практики. Например, в школе первой ступени на третьем году обучения в Брянске предлагалась тема «Деревня», с выделением подтем: «советское хозяйство», «коллективное хозяйство» [15, л. 174]. Учитель при этом мог применять любые доступные способы обучения, наравне со стандартными: чтением, письмом, счётом, измерением и другими. Вплоть до 1934 г. в школах история не изучалась в качестве отдельного предмета. Революционно настроенные методисты говорили даже о ее полном упразднении, хотя власти понимали, что история необходима как средство идеологического воспитания молодого поколения [2, с. 25]. Однако она, наряду с советским правом, политэкономией, экономической географией, экономической политикой и историей социализма, являлась лишь частью обществоведения, трактовавшего общественное развитие как смену общественно-экономических формаций.

Вскоре после введения «программ ГУСа» стали очевидными пробелы в знаниях учащихся, которые отличались поверхностностью, стала очевидной бесперспективность внедрения бригадных методов занятий, не приносивших ожидаемых результатов. Делегаты Первого всесоюзного съезда учителей в январе 1925 г. отмечали, что у детей нет прочных знаний по русскому языку, чтению и математике, а нарком просвещения вынужден был признать кризис комплексного метода. Во второй половине 1920-х гг. руководство Наркомпроса окончательно осознало необходимость пересмотра комплексных программ, и к 1927–1928 учебному году в них уже присутствовали задачи получения систематизированных знаний по грамматике, орфографии, арифметике, что выдвигало требование

соответствующей подготовки учителей.

Для высшей школы 1920-х гг. было характерно регулярное изменение структуры, ежегодные пересмотры учебных планов, постепенное вытеснение лекционных курсов и их замена практическими занятиями. Наблюдалось падение престижа университетского образования. Университет представлялся на страницах печати и в официальных документах хаотичным объединением различных факультетов и отделений, не вполне пригодных для решения актуальных хозяйственных задач. В результате было предпринято его разделение на специализированные, преимущественно технические, и практически ориентированные институты [6, с. 48]. Соответственно, происходило размывание стандартов обучения в высшей школе.

После июльского 1928 г. Пленума ЦК ВКП(б), на котором было принято Постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗа)», система образования оказалась в центре внимания партийных органов. Решение пленума выдвигало в качестве первоочередных задач улучшение дела подготовки новых специалистов в высших технических учебных заведениях, «которые могли готовить в более сокращенный срок инженеров и техников с более резко выраженной специализацией и со значительной производственной практикой» [8, с. 350]. Одновременно в системе образования был выявлен ряд серьезных недостатков.

В том же 1928 г. был принят и с 1 октября вступил в действие план развития народного хозяйства на пятилетний период, а в апреле 1929 г. на XVI конференции ВКП(б) было заявлено, что его осуществление «связано с преодолением огромных трудностей внутреннего и внешнего порядка» [13, с. 25]. В условиях централизованной индустриализации и коллективизации страна в том числе столкнулась с острым дефицитом квалифицированных специалистов.

В журнале «Народное просвещение» за 1928 г. была помещена сводка об уровне обеспеченности производства среднетехническими кадрами в РСФСР и определены возможности удовлетворения этих запросов на ближайшие 5 лет. Потребность в индустриально-технических работниках исчислялась в 26 тыс. человек при возможности подготовки их в учебных заведениях в количестве 23 тыс.,

т.е. недостаток исчислялся всего 3 тыс. работниками. Нехватка специалистов в социально-экономической сфере определялась в 25 тыс. человек, при возможностях подготовки – 9 тыс. Дефицит составлял 16 тыс. работников. Лучше всего обстояло дело в подготовке специалистов сельского хозяйства. Потребность исчислялась в 16 тыс. 266 человек, но за счет выпускников учебных заведений ее можно было сократить до 272 человек.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в вопросе подготовки педагогических кадров. Учебные заведения в состоянии были выпустить 15 тыс. 894 специалиста, при потребности в 78 тыс., т.е. дефицит составлял свыше 40 тыс. человек [9, с. 108]. Если принять во внимание, что выпускная группа учебного заведения в тот период насчитывала 30 готовых специалистов [15, л. 2], то на ближайшие 5 лет дефицит не только не сокращался, но даже увеличивался.

Для обсуждения насущных проблем и координации действий 20-26 апреля 1928 г. был созван VI Всероссийский съезд заведующих отделами народного образования. По его итогам на заседании бюро Брянского губернского комитета ВКП(б) 10 августа 1928 г. было принято решение об открытии одного педагогического техникума в Брянске с фабрично-заводским уклоном и политико-просветительного отделения при Новозыбковском политехникуме, с созданием при нем подготовительного отделения [15, л. 160]. В связи с расширением сети техникумов и увеличением их пропускной способности остро встал вопрос о дополнительной подготовке педагогических кадров в высшей школе.

В конце 1920-х гг. экспериментальная педагогика была вытеснена унификацией всех учебных программ, а теория «отмирания школ» была объявлена «левым уклоном». Это не означало, что система народного образования, так как она сложилась с начала Октябрьской революции, к 1930-м гг. стала пересматриваться. Декларируемые принципы оставались незыблемыми: «Коммунистический человек должен иметь ясное понимание связей, соотношений, закономерностей развития социалистического общества и должен овладеть суммой практических навыков и умений в области той или иной конкретной деятельности – отсюда необходимость наряду с общим по-

литическим образованием обеспечить в достаточной мере развитие и профессионального образования» [15, л. 1]. Таким образом, предлагалось кардинально изменить лишь пути достижения этой неосуществимой задачи.

В сентябре 1929 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление «Об организации начального сельскохозяйственного образования в сельских школах и об улучшении постановки сельскохозяйственного образования в школах крестьянской молодежи». На его основании в течение ближайших пяти лет планировалась организация хозяйственного образования во всех сельских школах: «Работа по сельскохозяйственному обучению в этих школах (как в летний, так и в зимний периоды) должна стать такой же неотъемлемой частью школьных занятий, как и вся общеобразовательная и воспитательная работа» [11].

Народному комиссариату по просвещению РСФСР и местным исполнительным комитетам предписывалось «обеспечить путем развертывания соответствующей сети в районах сплошной коллективизации и при крупнейших коллективных хозяйствах общедоступность обучения подростков и молодежи в дневных или вечерних школах крестьянской молодежи» [11]. Совместно с Народным комиссариатом земледелия РСФСР предлагалось разработать специальные мероприятия по подготовке педагогов для школ крестьянской молодежи, а также по подготовке «новых кадров педагогов-агрономов» [11].

С 1929 по 1931 г. количество вузов в СССР выросло со 152 до 701 [1, 53]. Увеличение их числа происходило на основе двух параллельных процессов: с одной стороны за счет создания узкоспециализированных учебных заведений из многопрофильных (например, из Саратовского университета было сформировано семь институтов [1, с. 53]), с разделом зданий, книжных фондов и т.д., с другой стороны – путем проектирования новых образовательных организаций на основе расширения направлений деятельности уже существовавших учебных заведений. Так это произошло в Новозыбкове, где агропедагогический институт был развернут на базе созданного в 1920 г. политехнического техникума, в составе которого находилось сельскохозяйственное отделение. Политехникум располагал солидной сельскохозяйственной ба-

зой в 350 га пахотной земли, 25 рабочих лошадей, 45 га фруктового сада, земли под огород, 100 голов крупного рогатого скота, 20 свиноматок. Имелось два трактора, две сноповязалки, две молотилки [3, д. 2, л. 17].

В июле 1930 г. в Наркомпрос и Наркомзем РСФСР было направлено письмо за подписью директора института Петра Николаевича Некрасова, в декабре 1929 г. направленного Наркоматом просвещения из Смоленска в Новозыбков на должность директора политехникума [14, с. 4], в котором отмечалось, что «после реорганизации политехникума в педагогический институт, последний, борясь за создание мощной сельскохозяйственной базы для обеспечения надлежащей подготовки кадров, принял в целом всю агро-общественную работу на районе, сумел рядом мероприятий включиться в текущую уборочную и посевную компании с большими техническими возможностями» [3, д. 2, л. 17]. В документе давалось разъяснение сути «агро-общественной работы». «Весной 1930 г. политехникум полным составом отправился в агрокультпоход, взяв под своё общественно-агрономическое воздействие прилегающие к нему по территории восемь районов сельских советов с площадью 32300 га. В результате общественно-экономической работы агроучасток культпохода был коллективизирован на 17,5% при 9% в среднем по району, 7,5% по округу и 7% по области» [3, д. 2, л. 17]. Таким образом реализовывались намеченные планы сплошной коллективизации, продолжение осуществления которых переходили в ведение вновь созданного института.

Важным фактором, способствовавшим росту числа педагогических учебных заведений, также являлось постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», принятом на основании решений XVI съезда ЦК ВКП(б) 25 июля 1930 г. В нем выдвигалась задача установить всеобщее и обязательное начальное обучение для всех детей, в возрасте от 7 до 10 лет в объеме не менее 4-летнего курса, с последующим распространением обязательности начального обучения для переростков от 11 до 15 лет на основе ускоренных форм обучения в 1931–1932 гг. Планировалось также приступить к введению всеобщего обязательного обучения в объеме школы-семилетки в промышленных городах, фабрично-за-

водских районах и рабочих посёлках, установив обязательность обучения в школе-семилетке для выпускников начальных школ 1930 г. Предусматривалось «усилить развёртывание школ колхозной молодёжи как дневных, так и вечерних» [10, с. 594].

В третьем пункте постановления было отмечено: «В целях обеспечения школ всеобщего обучения необходимыми педкадрами: а) срочно развернуть сеть и контингенты пединститутов, педтехникумов, а также специальных педагогических курсов и прочих форм подготовки педагогов» [10, с. 594-595].

Предусматривалось, что государство предоставит бесплатную и доступную образовательную среду для всех детей, вне зависимости от их социального или экономического положения. Для достижения поставленной цели планировалось открытие начальных школ в каждом районе и деревне по всей стране с единым учебным планом и программой для всех регионов страны. Постановление обязывало родителей и опекунов отправлять своих детей на обучение. Таким образом, с экспериментами, направленными на ликвидацию «привычной» школы было покончено и началась интенсивная работа по увеличению числа подготовленных для работы в школе учителей. Однако «экспериментаторский дух» оказался еще достаточно прочен и без него не удалось обойтись при создании педагогического института в Новозыбкове.

В августе 1930 г. в Наркомпрос СССР из Новозыбкова за подписью директора института Петра Николаевича Некрасова было направлено письмо с сообщением о том, что с 1930/1931 учебного года с 1 октября приступает к своей работе вновь организованный Новозыбковский агропедагогический институт (НАПИ) [3, д. 1, л. 11].

В другом письме, подготовленном П.Н. Некрасовым в Наркомпрос отмечалось, что формирование института и двух рабфаков (дневного и вечернего), на которых обучалось 246 человек, началось 24 июля 1930 г. [3, д. 2, л. 77]. В этом же документе были перечислены существовавшие на тот момент отделения: общественно-агрономическое, механизации сельского хозяйства, защиты растений, животноводства. Вместе с рабфаком и педтехникумом институт составлял единый учебный комбинат.

Общее число студентов первого курса на

этих отделениях составляло 107 человек. Набор на отделение полеводства планировалось осуществить весной 1931 г. [3, д. 2, л. 77]. Агрономы-педагоги проходили практику на Новозыбковской спичечной фабрике «Волна революции», а в весенних условиях – в учхозах и колхозах Новозыбковского района.

По «Именному списку членов Совета Новозыбковского Агро Пединститута (название института в документе. – Авт.)» можно судить о преподавательском составе и о предметах, преподаваемых в институте. Из 43 его членов значились директор – Пётр Николаевич Некрасов и его помощник – Степан Петрович Дейнека (оба обозначены как педагоги). Заведующие отделениями: механизации сельского хозяйства, животноводства, защиты растений, заочно-курсового сектора, рабфака. Профессора кафедры языка (Аркадий Степанович Мадуев) и математики (Владимир Иванович Попов). Доценты кафедр: биологии (Евгений Михайлович Воронцов), растениеводства (Владимир Васильевич Маргорин). Доценты кафедр литературы (Гавриил Сергеевич Федосеев) и политической экономии (Архип Дмитриевич Рева) проживали в Москве.

В Совет также входили преподаватели: русского языка и литературы, родного языка, методики языка, истории классовой борьбы, немецкого языка, математики, физики, химии, ботаники, биологии, физической географии, сельскохозяйственной экономики, графического искусства, а также сельскохозяйственного машиноведения, материаловедения, растениеводства, ФИЗО. Ассистенты кафедр: географической истории Запада и России, политэкономии, химии. Командир полка и заместитель командира полка являлись преподавателями военных дисциплин.

В соответствии с директивой ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) об организации при вузах работоспособных Советов из представителей профсоюзов, учреждений, хозорганов, производственно связанных с вузом, а также профессуры и студенчества, в марте 1931 г. в состав Совета был включен заведующий **районным отделом народного образования, заведующий ЦРК общепита, а также три учителя и два колхозника из Манюковского колхоза.**

На 1 июля 1931 г. Новозыбковский агропедагогический институт имел отделения:

общественно-агрономическое, механизации сельского хозяйства, полеводства, животноводства, а также подготовительное и двухгодичные батрацкие курсы [5, д. 233, л. 18]. Перед институтом были поставлены задачи: готовить преподавателей для школ колхозной молодежи, обучать на рабфаке кадры студентов из рабочих и крестьян, повышать квалификацию школьных работников, вести научно-исследовательскую работу.

Учебные планы работы агропединститута (при трехгодичной подготовке) были разбиты на четыре цикла и каждый из них должен был дать определённый комплекс знаний и навыков:

1-й семестр: установка политико-политехническая (экономполитика проводится в первом и пятом семестрах для того, чтобы ознакомить студентов с изменяющейся действительностью);

2-й семестр: имеет установку агрономического характера;

3-й семестр: работа над историческими дисциплинами и на этой основе проработка лингвистического и литературного материала;

4-й семестр: прорабатывается сельскохозяйственная экономия, практика в колхозах, массовая политпросветработа, в этом же семестре имеется педцикл, связанный с практикой в школах крестьянской молодёжи (ШКМ);

5-й семестр: продолжение педагогической подготовки;

6-й семестр: почти сплошная практика в колхозах и ШКМ» [3, д. 1, л. 34].

После постановления ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. произошли очередные изменения в системе всего высшего образования, на этот раз приблизившие учебные заведения к современному виду. В постановлении, за подписью председателя ЦИК Союза ССР М.И. Калинина, было сказано о том, что «в практике проведения в жизнь решений партии и правительства народными комиссариатами и самими втузами, вузами и техникумами были допущены извращения, которые выразились главным образом в одностороннем внимании к количественному росту сети и учащихся при недостаточном внимании к вопросам качества учебной подготовки, а также в чрезмерном дроблении специальностей» [12, с. 668].

Центральный исполнительный комитет

Союза ССР констатировал неправильное применение так называемого «бригадно-лабораторного метода», как всеобщего и обязательного при проработке всех учебных дисциплин. Результатом явилось снижение индивидуальной ответственности студентов учебных заведений, «обезличка в учебной работе, равнение на слабых и отстающих и установление в ряде случаев порядка, при котором непосредственное общение учащегося с профессурой заменялось учебными занятиями студента с малоквалифицированным руководом или бригадиром» [12, с. 672].

Среди принятых по этому поводу мер запрещались всякие коллективные зачеты студентов, вводились дифференцированная форма оценки успеваемости студентов в зависимости от характера дисциплины и метода преподавания, зачетные сессии два раза в год, в конце осеннего и весеннего семестра, дипломные работы, специальные аттестаты с характеристикой успеваемости оканчивающих учебное заведение.

При комплектовании высшей школы предусматривались вступительные испытания (в том числе для выпускников рабфака) по математике, химии, физике, родному языку и обществоведению. Отмечалось, что «единоначалие в учебных заведениях проводится неудовлетворительно и до настоящего времени наблюдается вмешательство студенческих организаций (партийных и профессиональных) в административно-учебные распоряжения дирекций втузов, вузов и техникумов» [12, с. 675]. Отмечалось, что за всю учебную и административно-хозяйственную деятельность втуза, вуза и техникума единолично отвечает директор. В этой связи была определена необходимость издать в законодательном порядке типовой устав вуза.

Осенью 1932 г. в соответствии с новым курсом в сфере деятельности высшей школы была осуществлена реорганизация института. Новый директор института Яков Васильевич Панфилов в отчёте о работе Новозыбковского пединститута за период с 1931 по 1934 г., предоставленном в Новозыбковский горсовет, отмечал, что «основная задача четырёхгодичного института заключается в

том, чтобы подготовить преподавателей для полной средней школы, и техникума по физике и биологическим дисциплинам» [4, д. 333, л. 2]. При институте также имелся учительский институт «с двухлетним сроком обучения, подготовляющий преподавателей для неполной средней школы по химико-биологическим и по физико-математическим дисциплинам» [4, д. 333, л. 2].

В 1932 г. из профиля института выбросили «агро» и институт остался просто «пед-институтом». По словам Я.В. Панфилова, «с осени 1932 г. – эта "левацкая" установка отброшена, институту придана ясная и чёткая целевая установка» [4, д. 333, л. 2]. Однако на этом реорганизация не была закончена. В августе 1933 г. из института перевели литературное отделение – 55 человек в Смоленский пединститут, в сентябре 1934 г. туда же было переведено историческое отделение в количестве 58 человек. В сентябре 1934 г. институт перешёл на факультетский принцип организации своей работы. «Теперь четырёхгодичный институт существует в составе двух факультетов: естественного с одним биологическим отделением и физико-математическим с двумя отделениями – физическим и математическим» [4, д. 333, л. 2].

Заключение. Задача современной интерпретации истории вуза, на наш взгляд, состоит не в попытках приукрасить картину его становления, отмечая достижения и не замечая сложности, проблемы и, порой, далеко не позитивные тенденции в реализации задач педагогического просвещения. Важно показать, что проблемы, как раз и составляли важную часть эволюции учебного заведения, преодолевшего сложные периоды в своем прошлом развитии и достигшего очевидных успехов в настоящем. Непростая история вуза, который существовал в контексте перипетий истории страны, в свою очередь отразилась в памяти тех, кто трудился и получал образование в нем. Это коллективное диахронное воспоминание является основой единой вузовской корпорации и превращает для всех причастных Брянский государственный университет в место памяти.

Список литературы

1. Аврус А.И. История российских университетов: очерки. М., 2001. 168 с.
2. Богачёв А.В., Захарова Л.Б. Концепция развития системы народного образования в Советской России в 1920-е годы // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). С. 21–28.
3. ГАБО – Государственный архив Брянской области. Ф. 1113. Оп. 1.
4. ГАБО. Ф. 448. Оп. 1.
5. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 301. Оп. 2.
6. Дмитриев А. Переизбрание советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41–64.
7. Известия. 1918. № 184. 27 августа.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 350.
9. Народное просвещение. 1928. № 4. С. 108.
10. О всеобщем обязательном начальном обучении (Постановление ЦК ВКП(б) от 25/VII 1930 г.) // ВКП(б), Советская власть, комсомол и профсоюзы о культурном строительстве. М.: Работник просвещения, 1930. С. 593–596.
11. Об организации начального сельскохозяйственного образования в сельских школах и об улучшении постановки сельскохозяйственного образования в школах крестьянской молодежи (Постановление СНК РСФСР от 25/IX 1929 г.) // Еженедельник НКП РСФСР. 1929. № 42. Ст. 1063.
12. Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. Отдел первый. № 68. 25 сентября 1932 г. С. 668.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сборник документов за 50 лет. Т. 2. 1929 – 1940 гг. М., 1967.
14. Страницы истории БГУ (1930–2005 г.) НГПИ-БГПИ-БГПУ-БГУ. Автор-составитель – Г.П. Поляков. Брянск: РИО БГУ, 2005.
15. Центр документации новейшей истории Брянской области (далее – ЦДНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1897.
16. Шульгин В.Н. О целях школы // На путях к новой школе. 1927. № 9. С. 11–15.

TO THE HISTORY OF THE CREATION OF THE NOVOZIBKOVSKY AGRO-PEDAGOGICAL INSTITUTE (1920s – 1930)

The author examines the history of the creation of the Novozybkovsky Pedagogical Institute, which became the historical predecessor of the Bryansk State University, based on published and first introduced into scientific circulation. Academician I.G. Petrovsky (BGU). Turning to research with a pronounced jubilee-historical emphasis, to publications, and most importantly, to documents that reveal the historical context of the era, allows us to form a corporate "autobiography", starting from the moment the educational institution was founded. The restoration of the university's historical stages of development contributes to the consolidation of the university community, connecting teachers and students of different generations, presenting the university to the outside world, and confirming its social status. The article focuses on the existence of objective reasons that led to the establishment of a new educational institution, which was located in the city of Novozybkov until the mid-1970s. An important objective of the documentary analysis is to preserve historical memory and restore past events as an information basis for future research on the history of BGU.

Keywords: Soviet Russia, historical memory, public education, unified labor school, agro-pedagogical institute, university, educational activities.

References

1. Avrus A.I. Istoriya rossijskikh universitetov: ocherki [History of Russian Universities: Essays]. M., 2001. 168 s.
2. Bogachyov A.V., Zakharova L.B. Koncepciya razvitiya sistemy narodnogo obrazovaniya v Sovetskoj Rossii v 1920-e gody [The concept of development of the public education system in Soviet Russia in the 1920s] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki. 2015. № 2 (26). S. 21–28.

3. GABO – Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoj oblasti [State Archives of the Bryansk Region]. F. 1113. Op. 1.
4. GABO. F. 448. Op. 1.
5. GA RF – Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russian Federation]. F. 301. Op. 2.
6. Dmitriev A. Pereizbranie sovetskogo universiteta [Re-election of the Soviet University] // Logos. 2013. № 1 (91). S. 41–64.
7. Izvestiya. 1918. № 184. 27 avgusta.
8. KPSS v rezolyucii i resheniyakh s"ezdov, konferencij i Plenumov CK [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee]. T. 4. M., 1984. S. 350.
9. Narodnoe prosveshchenie. 1928. № 4. S. 108.
10. O vseobshchem obyazatel'nom nachal'nom obuchenii [On universal compulsory primary education] (Postanovlenie CK VKP(b) ot 25/VII 1930 g.) // VKP(b), Sovetskaya vlast', komsomol i profsoyuzy o kul'turnom stroitel'stve. M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1930. S. 593–596.
11. Ob organizacii nachal'nogo sel'skokhozyajstvennogo obrazovaniya v sel'skikh shkolakh i ob uluchshenii postanovki sel'skokhozyajstvennogo obrazovaniya v shkolakh krest'yanskoj molodezhi [On the organization of primary agricultural education in rural schools and on improving the organization of agricultural education in schools for peasant youth] (Postanovlenie SNK RSFSR ot 25/IX 1929 g.) // Ezhenedel'nik NKP RSFSR. 1929. № 42. St. 1063.
12. Postanovlenie CIK SSSR «Ob uchebnykh programmakh i rezhime v vysshej shkole i tekhnikumakh» [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR “On educational programs and regime in higher education and technical schools” of September 19, 1932] ot 19 sentyabrya 1932 g. // Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR, izdavaemoe Upravleniem delami Soveta narodnykh komissarov Soyuza SSR i STO. Otdel pervyj. № 68. 25 sentyabrya 1932 g. S. 668.
13. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam. V 5 t.: Sbornik dokumentov za 50 let [Party and government decisions on economic issues. In 5 volumes: A collection of documents covering 50 years]. T. 2. 1929 – 1940 gg. M., 1967.
14. Stranicy istorii BGU (1930–2005 g.) [Pages of the history of BSU (1930–2005)]. NGPI-BGPI-BGPU-BGU. Avtor-sostavitel' – G.P. Polyakov. Bryansk: RIO BGU, 2005.
15. Centr dokumentacii novejshej istorii Bryanskoj oblasti (dalee – CDNIBO) [Center for Documentation of Contemporary History of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1897.
16. Shul'gin V.N. O celyakh shkoly [About the goals of the school] // Na putyakh k novoj shkole. 1927. № 9. S. 11–15.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета, E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valeriy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: blohin.val@yandex.ru

Гришук Н.В., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НОВОЗЫБКОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА В СССР К ВСЕОБЩЕМУ СРЕДНЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
(конец 1950-х – середина 1970-х гг.)**

Юбилей высших учебных заведений является важным фактором как подведения итогов практической деятельности вуза за предыдущие годы, так и активизации посвященных ему научных изысканий. Предстоящий 95-летний юбилей Брянского государственного университета, крупнейшего вуза региона, его летопись, традиции представляют с одной стороны историю высших педагогических учреждений страны, с другой, отражают особенности развития конкретного учебного заведения. Статья посвящена проблемам реорганизации педагогических вузов в период с конца 1950-х – до середины 1970-х гг. в СССР, существенным фактором которой явилась реализация концепции всеобщего среднего образования. На примере регионального вуза, Новозыбковского педагогического института (в будущем Брянского государственного университета), показаны особенности структурных преобразований высших педагогических учреждений. Расположение педагогического вуза на юго-западе области, его удалённость от областного центра, создавали трудности в комплектовании кафедр кадрами высшей квалификации, в формировании контингента студентов, а в перспективе – учителей школ Брянщины. В исследовании рассказывается о процессе перемещения вуза в областной центр, о проблемах, возникших в ходе переезда.

Ключевые слова: Новозыбковский педагогический институт, педагогические вузы, всеобщее среднее образование, реорганизация педагогических вузов.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-27-32

Введение. Проблематика развития системы высшего образования и изменения государственной политики в этой сфере не теряет своей значимости. Изучение опыта функционирования высших учебных заведений позволяет оценивать основные тенденции развития отрасли и определить направления реформирования, наметить пути преодоления недостатков, минимизировать риски. В условиях реформирования системы высшего образования, происходящей в настоящее время, опыт, накопленный вузами, а также роль педагогических вузов в подготовке квалифицированных кадров для общеобразовательной школы, представляет особую ценность. Её определяет с одной стороны, значимость учителя в процессе школьного образования, с другой, масштабность количественных показателей и роли педагогических университетов и институтов в системе высшего образования страны в целом. В СССР педагогический вуз имелся практически в каждом областном центре. Всего педагогических вузов в стране на 1974 г. было около 200 [11, с. 5].

Период в развитии высшего образования с конца 1950-х – начало 1970-х гг. отличается переломный характер, что свойственно и нынешнему времени. Развитие НТП, потребности экономики страны формировали запрос на квалифицированные кадры [4, с. 145]. В этих условиях возрастание требований к подготовке учителей было во многом продиктовано государственной политикой, направленной на становление системы всеобщего среднего образования, что в свою очередь, в основном, предопределила трансформацию высшей педагогической школы в стране.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает система высшего педагогического образования в СССР с конца 1950-х – начала 1970-х гг. Новизна определяется тем, что в настоящее время, несмотря на обширную историографию по вопросам развития высшего образования в советский период, многие проблемы и аспекты деятельности вузов, особенно региональных оказались вне сферы осмысления. В исследовании предпринимается попытка проследить

взаимосвязь между эволюцией государственной политики в сфере высшего педагогического образования и деятельностью конкретного регионального вуза. Данное исследование опирается на историко-хронологический метод, который позволяет разделить общие проблемы на частные конкретные вопросы её составляющие и рассмотреть в историко-хронологическом аспекте. Принцип объективности позволил добиться более взвешенных оценок роли объективных и субъективных факторов в структуре преобразований педагогических вузов. Сравнительно-исторический метод позволил изучить основные тенденции развития педагогических вузов в тесной связи с историческими реалиями времени.

Результаты и их обсуждение. В рассматриваемый период система высшего педагогического образования прошла следующие этапы в своём развитии: первый этап (конец 1950-х – первая половина 1960-х гг.) связан с началом реализации Постановления 1958 г. о переходе к обязательному 8-летнему образованию [3, с. 115]. Второй этап (вторая половина 1960-х – середина 1970-х гг.) характеризуется реализацией и постепенной корректировкой тенденций предшествующей эпохи в связи с приходом нового политического руководства страны. Ориентиром выступает Постановление ЦК КПСС и Совета министров «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» 1972 г. [6, с. 158]. К середине 1970-х гг. в основном был завершён переход к всеобщему среднему образованию и к этому времени около 90% молодёжи имели среднее образование [1, с. 185].

Вместе с тем, реализация этих постановлений на местах, в регионах убедительно и наглядно показывает сложность, противоречивость исполнения указанных Постановлений. В то время как на общесоюзном уровне обсуждался вопрос о всеобщем среднем образовании, в некоторых регионах ещё не была завершена полная ликвидация неграмотности среди взрослого сельского населения. Так, в 1963 г. на заседании Брянского сельского обкома КПСС обсуждали вопрос о завершении ликвидации неграмотности среди сельского населения Брянской области [8, с. 75]. В ходе рассмотрения этого вопроса отмечалось, что по состоянию на 1 января

1963 г. в Брянской области насчитывалось 815 неграмотных взрослых, а малограмотных – 1283 человека. На этом же заседании было принято решение: «В период подготовки к новому учебному году будут приняты меры к открытию 3-4 классов при вечерних школах сельской молодёжи» [8, с. 76].

Реализовать решение руководства страны о переходе к обязательному среднему образованию требовало значительных усилий и системных мер. Реорганизация высших педагогических институтов и университетов являлась одной из них. В истории высшего образования этот период (вторая половина 1960-х – середина 1970-х гг.) получил название «университетизации», то есть процесс резкого увеличения количества университетов за короткий срок. В итоге к середине 1970-х гг. в крупнейших и наиболее значимых центрах РСФСР и союзных республиках были открыты более трети всех университетов в СССР [7, с. 75]. В марте 1960 г. было принято решение руководством страны об объединении двух педагогических вузов: Московского городского им. В.П. Потёмкина и Московского государственного им. В.И. Ленина [10, с. 53]. Объединение, укрупнение, реорганизация коснулась и многих региональных высших учебных заведений, педагогических в первую очередь. Наряду с объективными трудностями, через которые проходило большинство вузов были и специфические обстоятельства, обусловленные конкретной, региональной спецификой.

В 1969 г. Брянский областной комитет КПСС и облисполком вышли с ходатайством в Министерство просвещения РСФСР о переводе Новозыбковского государственного педагогического института в город Брянск. После рассмотрения ходатайство было поддержано. Поручением от 13 марта 1969 г. № I-460м Совет министров РСФСР подтвердил своё согласие с предложением Министерства просвещения РСФСР о переводе института в город Брянск после завершения строительства комплекса зданий для высшего учебного заведения [2, с. 3]. В ходатайстве подробно указывались причины и обосновывалась необходимость переезда педагогического вуза.

Новозыбковский государственный педагогический институт являлся единственным в

Брянской области высшим учебным заведением, осуществлявшим подготовку учительских кадров для общеобразовательных школ области. Он был образован в 1930 г., а Брянская область – в 1944 г. Город находится у юго-западных границ области, в непосредственной близости от Белоруссии и Украины, и такая территориальная особенность расположения педагогического вуза оказывала существенное влияние на кадровый состав учительства Брянщины. В институт поступала значительная часть молодёжи, проживавшей в Черниговской, Гомельской и других областях Белоруссии и Украины, тогда как выпускники северных и восточных районов Брянской области и города Брянска подавали заявления в педагогические институты городов Орла, Смоленска, Москвы, с которыми имелись более удобные транспортные связи, чем с Новозыбковским педагогическим институтом. Молодые специалисты, окончившие педагогические институты других областей, как правило, не закреплялись на работе в Брянской области. Все эти обстоятельства создавали большие трудности в комплектовании школ педагогическими кадрами, в особенности общеобразовательных школ, расположенных в сельской местности (на 1975/1976 учебный год в сельских школах по основным предметам в 4-10 классах работало с высшим образованием лишь 62,4% учителей) [2, с. 4].

Кроме того, материальная база Новозыбковского педагогического института не отвечала требованиям высшего учебного заведения. Так, студенты трёх факультетов (физико-математического, иностранных языков, русского языка и литературы) в количестве 1340 человек занимались в приспособленном здании бывшей гимназии с полезной площадью 3,5 тыс. кв. метров, где не имелось ни одной поточной аудитории и лаборатории, удовлетворявшей принятым нормам. Студенты биолого-химического факультета (380 человек) размещались в более худшем здании, в котором ни одна из лабораторий не соответствовала санитарно-гигиеническим и техническим нормам. Несмотря на арендуемые в городе помещения и частичное использование комнат в студенческих общежитиях, предназначенных для отдыха и самостоятельной работы студентов, институт работал в две смены.

В городе Новозыбкове имелось всего 9

средних и восьмилетних школ с контингентом учащихся в 4-10-х классах – 4 тысячи человек, что создавало реальные трудности в проведении педагогической практики.

Удалённость педагогического института от областного центра создавала трудности в комплектовании кафедр кадрами высшей квалификации. В институте не было ни одного доктора наук, низкий процент кандидатов наук и доцентов (36,4%), особенно на кафедрах факультетов иностранных языков и физико-математического [2, с. 5]. Таким образом, отсутствие педагогического института в областном центре отрицательно сказывалось на всей системе переподготовки и повышения квалификации учителей области.

В 1971 г. было начато и в 1975 г. завершено строительство в городе Брянске учебного корпуса для педагогического института на 2525 студентов, общежития на 1074 места, гаража, вивария и жилого дома на 100 квартир, из которых 69 выделялось к 1 марта для профессорско-преподавательского состава института. В 1975–1976 гг. также была построена столовая на 530 посадочных мест, выделены ещё 100 квартир для преподавателей. Для оснащения учебных корпусов и общежитий были приобретены оборудование, мебель на общую сумму 750 тыс. рублей. Таким образом, была подготовлена материальная база для перевода всех факультетов педагогического института из г. Новозыбков в город Брянск в 1976 г.

Министерство просвещения РСФСР считало целесообразным постепенное перебазируание педагогического института, что давало возможность бесперебойно обеспечить учебный процесс и выполнить учебные планы на всех факультетах. Переезд начался после зимней зачётно-экзаменационной сессии 1975/1976 учебного года. Студенты 1-4 курсов физико-математического факультета в количестве 502 человека переехали в Брянск, а студенты 5 курса заканчивали обучение в Новозыбкове (120 человек). Преподаватели, обеспечившие учебный процесс на новой базе, были временно поселены в общежития, а с марта получили квартиры. Перевод студентов факультетов иностранных языков, русского языка и литературы и биолого-химического в количестве 880 человек, слушателей подгото-

вительного отделения (100 человек) и транспортировка оборудования и инвентаря в город Брянск были завершены к 15 июля 1976 г.

В 1975/1976 учебном году в Новозыбковском педагогическом институте работало 198 преподавателей, из них профессоров – 1, доцентов, кандидатов наук – 78. Из числа преподавателей не изъявили желания переехать в город Брянск по различным причинам – 33 человека.

Все здания и сооружения, принадлежавшие Новозыбковскому педагогическому институту, были переданы на баланс Брянского областного отдела народного образования для использования под педагогическое училище.

Вскоре постановлением правительства институту было присвоено имя академика АН СССР Ивана Георгиевича Петровского – уроженца Брянской области, выдающегося учёного и общественного деятеля, крупного математика, Героя Социалистического труда, дважды лауреата Государственной премии, почётного доктора ряда иностранных университетов, свыше 20 лет руководившего МГУ имени М.В. Ломоносова (Постановление Совета Министров РСФСР от 18.08.1976 г. № 460). Теперь вуз получил официальное название «Брянский государственный педагогический институт имени академика И.Г. Петровского» (Приказ Министерства просвещения РСФСР от 28.08.1976 г. за № 239).

После переезда педагогический институт получил новый импульс для развития: реорганизовывались старые и создавались новые кафедры, был воссоздан исторический факультет (в 1978 г.), в 1979 г. был открыт факультет педагогики и методики начального образования. В 1970-е годы 90 выпускников вуза поступили в аспирантуру, а 60 человек за это время защитили кандидатские диссертации [5, с. 31]. К 1978 г. в структуре БГПИ функционировало 27 кафедр и 6 факультетов. В 1978 г. Министерство просвещения РСФСР избрало Брянский педагогический институт

местом проведения координационного совещания ректоров пединститутов и директоров педучилищ, позднее – республиканской и всесоюзной конференций.

Брянский государственный педагогический институт стал не только основным учреждением для подготовки педагогических кадров высшей квалификации для Брянской области, но и важнейшим центром общественной и культурной жизни региона. Переезд вуза, реорганизация позволили в целом решать поставленные задачи по введению всеобщего среднего образования в Брянской области. Расширение материальной базы, увеличение профессорско-преподавательского состава, рост кафедр и факультетов вуза позволил нарастить количество преподавателей для средней школы области. Существенно увеличилась численность студентов заочных отделений педагогического института. Вопрос о переходе к всеобщему среднему образованию в области регулярно поднимался на заседаниях Брянского обкома КПСС [9, с. 14-18], где отмечалась ведущая роль педагогического института в решении этой важнейшей государственной задачи.

Заключение (выводы) Исследование деятельности педагогических вузов в конце 1950-х – середине 1970-х гг., их реорганизации на примере одного регионального вуза позволил раскрыть взаимосвязь развития всех ступеней образования с экономическими, социальными процессами страны. Существенное влияние на развитие системы высшего педагогического образования, особенно педагогических институтов, оказывали изменения в системе среднего общего образования. Реорганизация регионального педагогического вуза, переезд в областной центр, обновление материальной базы позволили в рамках Брянской области решить кадровый вопрос в деле введения всеобщего среднего образования.

Список литературы

1. Барабина И.А. Государственная политика в сфере школьного образования в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Экономика и политика. 2014. № 2(3). С. 10-13.
2. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 46. Д. 6787. Л. 3-8.
3. Закон СССР от 28 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1991. 562 с.

4. Кочетов А.Н. Профессиональное образование в 1960–1980-х гг. // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 143-158.
5. Поляков Г.П. Страницы истории БГУ (1930–2005 гг.). НГПИ-БГПИ-БГПУ-БГУ. Брянск: РИО, БГУ, 2005. 41 с.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 463 от 20 июля 1972 г. «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» // Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1991. 562 с.
7. Хаминов Д.В. Организация новых университетов в азиатской части СССР как выстраивание центр-периферийных отношений (вторая половина 1960 – первая половина 1990-х гг.) // Новый исторический вестник. 2022. № 4(74). С. 75-83.
8. Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). Ф. 5191. Оп. 1. Д. 29. Л. 76. Брянский сельский обком КПСС «О завершении ликвидации неграмотности среди населения области». 15 августа 1963 г.
9. ЦНИБО. Ф. 1649. Оп. 10. Д. 146. Л. 14-18. Справка о проделанной работе в 1974 году по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи Брянской области. 15.02.1976 г.
10. Чистова А.В. МГПИ им. В.И. Ленина в системе высшего образования в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: диссертация ... кандидат исторических наук. М., 2006.
11. Шушарина О.П. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере высшего образования в 1953–2003 гг. М., 2004. 226 с.

THE TRANSFORMATION OF THE NOVOZYBKOV PEDAGOGICAL INSTITUTE DURING THE TRANSITION TO UNIVERSAL SECONDARY EDUCATION IN THE USSR (late 1950s – mid-1970s)

Anniversaries of higher education institutions are an important factor both in summing up the results of the university's practical activities over the past years and in stimulating dedicated research. The upcoming 95th anniversary of Bryansk State University, the largest university in the region, its annals and traditions represent the history of higher pedagogical institutions in the country and, on the other hand, reflect the specific development of a particular institution. This article examines the reorganization of pedagogical universities in the USSR from the late 1950s to the mid-1970s, a significant factor in which was the implementation of the concept of universal secondary education. Using the example of a regional university, Novozybkov Pedagogical Institute (later Bryansk State University), this study highlights the structural transformations of higher pedagogical institutions. The pedagogical university's location in the southwest of the region and its remoteness from the regional center created difficulties in staffing its departments with highly qualified personnel, developing a student body, and, ultimately, a teacher pool for Bryansk schools. The study describes the process of relocating the university to the regional center and the challenges that arose during the move.

Keywords: Novozybkov Pedagogical Institute, pedagogical universities, universal secondary education, reorganization of pedagogical universities.

Refereces

1. Barabina I.A. Gosudarstvennaya politika v sfere shkol'nogo obrazovaniya v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [State policy in the field of school education in the mid-1950s – early 1960s] // *Ehkonomika i politika*. 2014. № 2(3). S. 10-13.
2. GA RF – Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii. [State Archives of the Russian Federation] F. 259. Op. 46. D. 6787. L. 3-8.
3. Zakon SSSR ot 28 dekabrya 1958 g. «Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'nejshem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR» [Law of the USSR of December 28, 1958 "On Strengthening the Connection between School and Life and on the Further Development of the Public Education System in the USSR"] // *Narodnoe obrazovanie v SSSR*. Sb. dokumentov. 1917–1973 gg. M., 1991. 562 s.
4. Kochetov A.N. Professional'noe obrazovanie v 1960–1980-kh gg. [Vocational education in the 1960s–1980s] // *Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 4-5. S. 143-158.

5. Polyakov G.P. Stranicy istorii BGU (1930–2005 gg.) [Pages of the history of BSU (1930–2005)]. NGPI-BGPI-BGPU-BGU. Bryansk: RIO, BGU, 2005. 41 s.
6. Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR № 463 ot 20 iyulya 1972 g. «O zavershenii perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu molodyozhi i dal'nejshem razvitiu obshcheobrazovatel'noj shkol'Y» [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR No. 463 of July 20, 1972 "On the completion of the transition to universal secondary education for young people and the further development of comprehensive schools"] // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sb. dokumentov. 1917–1973 gg. M., 1991. 562 s.
7. Khaminov D.V. Organizatsiya novykh universitetov v aziatskoj chasti SSSR kak vystraivanie centr-periferijnykh otnoshenij (vtoraya polovina 1960 – pervaya polovina 1990-kh gg.) [The organization of new universities in the Asian part of the USSR as a means of building center-periphery relations (second half of the 1960s – first half of the 1990s)] // Novyj istoricheskij vestnik. 2022. № 4(74). S. 75-83.
8. Centr novejshej istorii Bryanskoj oblasti (CNIBO) [Center for Contemporary History of the Bryansk Region (TsNIBO)]. F. 5191. Op. 1. D. 29. L. 76. Bryanskij sel'skij obkom KPSS «O zavershenii likvidatsii negramotnosti sredi naseleniya oblastI». [Bryansk Rural Regional Committee of the CPSU "On the Completion of the Elimination of Illiteracy Among the Population of the Region"]. 15 avgusta 1963 g.
9. CNIBO. F. 1649. Op. 10. D. 146. L. 14-18. Spravka o prodelannoj rabote v 1974 godu po zaversheniyu perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu molodyozhi Bryanskoj oblasti. 15.02.1976 g. [Report on the work completed in 1974 to complete the transition to universal secondary education for young people in the Bryansk region. February 15, 1976.].
10. Chistova A.V. MGPI im. V.I. Lenina v sisteme vysshego obrazovaniya v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh gg.: dissertatsiya ... kandidat istoricheskikh nauk. [Lenin Moscow State Pedagogical Institute in the Higher Education System in the Mid-1950s – Early 1960s: Dissertation ... Candidate of Historical Sciences] M., 2006.
11. Shusharina O.P. Gosudarstvennaya politika SSSR i Rossijskoj Federatsii v sfere vysshego obrazovaniya v 1953–2003 gg. [State policy of the USSR and the Russian Federation in the field of higher education in 1953–2003] M., 2004. 226 s.

Об авторе

Гришук Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: natalia.ivako@yandex.ru

Grishuk Natalia Vasilyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia). E-mail: natalia.ivako@yandex.ru.

Антюхова Е.А., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия)

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВМЕСТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН БРИКС¹

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с образовательным сотрудничеством стран БРИКС. Особый акцент сделан на выявление ключевых направлений межгосударственного сотрудничества в новых политических реалиях. Анализу подвергнуты национальные системы образования стран, стоявших у истоков объединения БРИКС. Наряду с положительными моментами указаны и проблемные вопросы, требующие своего решения. В статье сделан важный вывод о том, что имеющийся коллективный потенциал позволяет рассматривать сферу образовательного сотрудничества БРИКС как важную основу для дальнейшего формирования качественно нового формата международных образовательных отношений.

Ключевые слова: образовательное сотрудничество, страны БРИКС, глобальное образовательное пространство, универсальные глобальные компетенции, институциональное партнерство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-33-39

Введение. В условиях трансформации глобального образовательного пространства, постепенного формирования нового полицентричного международного порядка образовательное сотрудничество между странами становится все более важным компонентом межгосударственного взаимодействия.

Образование изначально относилось к значимым инструментам геополитики в продвижении национальных интересов государства на мировой арене. Вполне очевидно, что в новых складывающихся политических реалиях, когда успешное развитие общества и государства невозможно без развития, в том числе, образовательного сегмента, именно образовательная дипломатия становится одним из определяющих акторов в диалоге между странами.

Вот почему Россия всегда уделяла сфере образования одно из первостепенных мест. Как и другие ведущие акторы мировой политики Россия заинтересована в развитии глобальных образовательных платформ.

В последние годы все более глубокий системный характер приобретает образовательное сотрудничество России в альянсе госу-

дарств БРИКС. Данное объединение представляет собой площадку для масштабного диалога различных культур. Широкий ресурсный потенциал обуславливает возможность развития совместных инициатив и образовательных проектов, а также объединение усилий для выработки новых инновационных подходов в сфере развития образовательных систем стран участниц. Взаимодействие в сфере образования является одним из ключевых оснований для дальнейшего углубления интеграции усилий членов БРИКС, направленных на модернизацию сферы науки и образования.

В рамках принципов многополярности и устойчивого развития сотрудничество стран БРИКС ориентировано на развитие межкультурного диалога, повышение качества и доступности образования, формирование универсальных глобальных компетенций.

Результаты и их обсуждение. Важным принципом образовательного сотрудничества в рамках БРИКС является необходимость учета особенностей образовательных моделей стран-участниц, основанных на местной социокультурной традиции. Данные особенности во многом определяют характерные черты националь-

¹ "Статья опубликована в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы и перспективы культурного и образовательного сотрудничества стран БРИКС» по гранту МГИМО МИД РФ на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук № КМУ-15 «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС»

© Антюхова Е.А.

© Antyukhova E.A.

ных образовательных моделей и стратегий развития образовательной сферы в отдельных государствах, входящих в объединение.

Имеющийся коллективный потенциал позволяет рассматривать сферу образовательного сотрудничества БРИКС как важную основу для дальнейшего формирования качественно нового формата международных образовательных отношений.

Среди наиболее значимых направлений сотрудничества в области образования является институциональное партнерство, представленное, в частности, деятельностью различного рода ассоциаций и сетей, таких как Сетевой Университет БРИКС, основной целью которого является подготовка высококвалифицированных и обладающих высокой мотивацией специалистов [9]. Сетевой Университет БРИКС является важной площадкой, обеспечивающей конструктивное и всестороннее взаимодействие представителей научного и академического сообщества, повышение академической мобильности, а также содействующей осуществлению ключевых компонентов образовательных миссий в странах БРИКС.

Данные институты являются важными механизмами, обеспечивающими практическую реализацию совместных образовательных программ, осуществление академических обменов студентами и учеными, координацию деятельности в сфере многосторонних научных проектов, функционирование общих исследовательских центров и лабораторий.

Наряду с Сетевым университетом БРИКС важным форматом взаимодействия стран-участниц в сфере высшего образования является Лига университетов БРИКС. Одной из ключевых целей данного сотрудничества является выработка общих методологических подходов организации образовательного процесса и критериев оценки его эффективности. Перспективным направлением взаимодействия становится также разработка общих стандартов подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных в приоритетных сферах социально-экономического развития стран-участниц БРИКС [8].

В последние годы функционирует механизм регулярных консультаций на уровне министерств образования и науки стран-членов БРИКС, в рамках которых координируются раз-

личные аспекты многостороннего сотрудничества, включая активизацию внедрения цифровых технологий в образовательном процессе.

По итогам XV саммита БРИКС, состоявшегося в августе 2023 г. в Йоханнесбурге, были достигнуты договоренности относительно дальнейшего углубления многостороннего сотрудничества в сфере трансформации высшего образования, нашедшие отражение в итоговых документах. В Йоханнесбургской декларации-II, в частности, подчеркивается полная поддержка странами-участниками дальнейшего развития цифровизации в сфере образования, «поскольку каждая страна БРИКС на национальном уровне стремится обеспечить доступность и справедливость образования, а также содействовать развитию качественного образования» [10].

Важным принципом образовательного сотрудничества в рамках БРИКС является необходимость учета особенностей образовательных моделей стран-участниц, основанных на местной социокультурной традиции. Данные особенности во многом определяют характерные черты национальных образовательных моделей и стратегий развития образовательной сферы в отдельных государствах, входящих в объединение.

Специфической особенностью российской образовательной стратегии является приоритетное развитие высокотехнологичных направлений, а также компетенций, непосредственным образом связанных с развитием инновационной экономической модели. [4].

Важным компонентом данной политики является также активное внедрение цифровых технологий и цифровая трансформация сферы науки и образования. В данной связи важно отметить активную поддержку, оказываемую федеральными органами власти Российской Федерации, развитию цифровой среды ключевых областей социально-экономического развития, включая сферу науки и высшего образования.

Определенный интерес представляет обращение к образовательной политике государств-основателей БРИКС. Если обратиться к их опыту, то, например, в системе ключевых внешнеполитических задач КНР образовательное сотрудничество в рамках БРИКС рассматривается в качестве важного элемента «мягкой силы» и расширения собственного

международного влияния (Hand book of higher education in the BRICS countries, 2022).

Кроме того, китайским руководством уделяется значительное внимание внедрению передовых цифровых технологий в образовательный процесс на различных его уровнях [7]. К настоящему моменту КНР является лидером в сфере венчурного инвестирования в образовательной сфере. Наличие крупнейшего в мире рынка образовательных услуг побуждает китайское руководство к активизации усилий по расширению доступности образования [3].

На роль одного из мировых лидеров в сфере внедрения в образовательном процессе передовых инновационных технологий все более активно стремится выдвинуться Индия.

В последние годы индийским руководством приняты принципиально важные решения, ориентированные на максимально эффективную адаптацию национальной образовательной системы к требованиям глобальной образовательной среды, а также формирование собственной уникальной образовательной модели, построенной с учетом социокультурных и этнолингвистических особенностей индийского общества. Вместе с тем, объективные потребности научно-технологического развития обуславливают стремление индийского руководства к активному развитию кооперации с государствами-партнерами в рамках БРИКС.

Развитие сотрудничества в образовательной сфере, а также внедрение передовых образовательных моделей является одним из стратегических приоритетов латиноамериканских государств, включая, в первую очередь, входящую в объединение БРИКС Бразилию.

К настоящему моменту Бразилия занимает лидирующие позиции в регионе по критерию эффективности реализации государственных программ развития современной инфраструктуры и подготовки высококвалифицированных кадров для ключевых сфер социально-экономического развития. Реализация ряда масштабных образовательных проектов сочетается с активной поддержкой бразильским руководством сотрудничества бразильских вузов с иностранными государственными и частными партнерами, ориентированного на расширение цифровизации и внедрение передовых образовательных технологий.

В данной связи развитие кооперации в

рамках БРИКС рассматривается в Бразилии в качестве одного из основных инструментов модернизации национальной системы высшего образования [5].

Одним из приоритетных направлений образовательной стратегии стран БРИКС является интернационализация высшей школы и государственная поддержка развития международного сотрудничества вузов.

В Российской Федерации, КНР и Бразилии реализуются инициативы, направленные на повышение конкурентоспособности ведущих университетов в рамках глобального образовательного пространства (проекты «5-100», «211», «Science Without Borders»).

Важным компонентом образовательной политики Индии и ЮАР является развитие экспортного потенциала национальных образовательных систем (программы «Study in India», «Study South Africa»).

В последние годы наблюдается тенденция к дальнейшему расширению масштабов академической мобильности в рамках многосторонних образовательных отношений, реализуются программы сетевого образования, осуществляется целый ряд совместных образовательных проектов, направленных на повышение конкурентных позиций стран БРИКС в рамках международного образовательного пространства.

Следует отметить, что институциональные механизмы БРИКС играют заметную роль в реализации задач образовательной стратегии ЮАР, ориентированной на расширение доступности образования для представителей различных расовых групп и преодоление ряда проблем структурного характера, обусловленных социально-экономическими и историческими факторами.

Наряду с этим, приоритетным направлением образовательной стратегии ЮАР является активизация интеграции системы высшего образования в глобальное образовательное пространство и дальнейшее повышение академической мобильности студентов.[6].

Несмотря на определенное расхождение интересов, страны БРИКС демонстрируют готовность к поиску баланса и взаимовыгодных решений. Об этом свидетельствует последовательное расширение повестки взаимодействия, а также создание новых координационных механизмов.[1].

Реформы систем образования, проводимые в странах БРИКС, отличаются широкой вариативностью моделей, отражающих конкретные особенности политических и социально-экономических процессов. Совершенствование институциональных основ сотрудничества стран БРИКС в сфере образования ориентировано на преодоление ряда объективных трудностей, осложняющих эффективную реализацию потенциала многостороннего сотрудничества [2].

К их числу следует отнести, в первую очередь, сохраняющееся существенное расхождение в характере приоритетов образовательной стратегии государств, входящих в объединение, а также асимметрию их ресурсных потенциалов, являющуюся заметным препятствием для их равноценного участия в реализации совместных образовательных проектов. Существующий дисбаланс интересов осложняет согласование актуальной повестки многостороннего сотрудничества, а также определение его наиболее приоритетных направлений.

Объективным фактором, накладывающим заметное воздействие на реализацию потенциала образовательного сотрудничества в рамках БРИКС, является наличие языковых и культурных барьеров, препятствующих полноценной коммуникации и взаимопониманию участников образовательных обменов и совместных образовательных проектов. Согласно существующим экспертным оценкам, социокультурные отличия между странами БРИКС значительно превышают уровень, существующий в рамках традиционных академических партнерств (Erasmus, Fulbright и др.). В связи с этим актуальным направлением развития образовательного сотрудничества в рамках БРИКС является развитие межкультурных компетенций студентов и преподавателей, а также адаптация содержания образовательных программ к особенностям социокультурной среды отдельных стран-участниц.

Решение актуальных проблем и преодоление существующих ограничений, препятствующих полноценной реализации широких потенциальных возможностей взаимодействия стран БРИКС в сфере образования, требует комплексных и последовательных усилий как в рамках отдельных государств, так и на уровне межгосударственного сотрудничества.

Важнейшим направлением данной политики призвано стать согласование приоритетных направлений образовательной стратегии и обеспечение синхронизации политики стран, входящих в международное объединение области развития образования и науки.

В данной связи принципиальную значимость представляет оформление согласованных концептуальных рамок образовательного сотрудничества, отражающих общее видение партнерами по международному объединению дальнейших перспектив, базовых принципов и механизмов взаимодействия в образовательной сфере.

Значимым условием дальнейшего повышения эффективности взаимодействия стран БРИКС в сфере образования является синхронизация нормативно-правовой базы, регулирующей различные аспекты образовательного процесса, а также гармонизация его институциональной среды.

Перспективным решением, в данной связи, представляется формулировка согласованных принципов регулирования образовательного процесса, ориентированных, с одной стороны, на передовые международные практики, а с другой - предполагающая следование национальным особенностям отдельных государств-участников международного объединения.

Данные принципы должны быть ориентированы, в том числе, на унификацию критериев лицензирования и аккредитации образовательных программ, синхронизацию подходов к оценке качества образовательного процесса, а также взаимное признание документов о высшем образовании.

Наряду с этим представляется необходимым дальнейшее увеличение финансирования совместных образовательных и исследовательских проектов за счет привлечения как средств национальных бюджетов стран-участниц, так и инвестиций со стороны частных инвесторов, а также международных организаций и фондов.

К числу других приоритетов дальнейшего совершенствования механизмов многостороннего образовательного сотрудничества в рамках БРИКС следует отнести развитие социального и человеческого капитала, обеспечивающего повышение эффективности системы академического взаимодействия.

В данной связи важным компонентом совместных образовательных программ призвано стать формирование у преподавателей и студентов компетенций кросс-культурной коммуникации, а также командной работы в международном коллективе. Реализации данной задачи призваны способствовать программы краткосрочной мобильности, а также механизмы академического наставничества и сетевые платформы коммуникации.

Заключение. Образовательное сотрудничество становится все более важным компонентом взаимодействия стран-членов БРИКС. В тоже время, оно выступает значимым фактором дальнейшей трансформации

глобального образовательного пространства в контексте процессов постепенного формирования нового международного порядка.

В рамках принципов многополярности и устойчивого развития сотрудничество стран БРИКС ориентировано на развитие межкультурного диалога, повышение качества и доступности образования, формирование универсальных глобальных компетенций.

Имеющийся коллективный потенциал позволяет рассматривать сферу образовательного сотрудничества БРИКС как важную основу для дальнейшего формирования качественно нового формата международных образовательных отношений.

Список литературы

1. Альтбах Ф., Райсберг Л. Интернационализация высшего образования: движущие силы и реальность // Международное высшее образование. 2019. № 97. С. 8-10.
2. Антюхова Е. А. Акторные модели глобальной образовательной политики // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 158-168. URL: <https://mgimo.ru/upload/2020/06/actor-models-of-global-educational-policy.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Антюхова Е.А., Касаткин П.И. (2020) Цифровой вектор глобальной образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета, 2020, № 13(5). С. 331-351. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-vektor-globalnoy-obrazovatelnoy-politiki/viewer> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
5. Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке // Латинская Америка, 2023, №3. С. 34-48. - DOI 10.31857/S0044748X0024415-5 URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0024415-5-1/> (дата обращения: 14.10.2025).
6. Машкина О.А. Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017. №2. С. 40-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-strategii-razvitiya-vysshego-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Трапезников В., Зиновьева Е. Нейросети и генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: международный опыт и российская практика. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neiroseti-generativnyy-ii-v-vysshem-obrazovanii-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/?sphrase_id=152719421 (дата обращения: 14.10.2025).
8. Шилова Е.С. Экспорт российского образования в странах БРИКС: тенденции и перспективы в современных условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки. 2024. №1. С. 7—26. doi: 10.5922/gikbfu-2024-1-1. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/cc3/2_7-26.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
9. Федчук А.А. Тенденции развития образования как важнейший фактор политики сотрудничества стран БРИКС // Вестник университета. 2015. №13. С. 248-253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-obrazovaniya-kak-vazhneyshiy-faktor-politiki-sotrudnichestva-stran-briks> (дата обращения: 18.10.2025).
10. XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности Сэндтон, Гаутенг, ЮАР Среда, 23 августа 2023 года. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/08/brics-declaration-2023.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

KEY AREAS OF JOINT COOPERATION IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE BRICS COUNTRIES

The article is devoted to topical issues related to educational cooperation between the BRICS countries. Special emphasis is placed on identifying key areas of interstate cooperation in the new political realities. The national education systems of the countries that stood at the origins of the BRICS association have been analyzed. Along with the positive aspects, problematic issues that need to be resolved are also indicated. The article draws an important conclusion that the existing collective potential allows us to consider the sphere of BRICS educational cooperation as an important basis for the further formation of a qualitatively new format of international educational relations.

Keywords: educational cooperation, BRICS countries, global educational space, universal global competencies, institutional partnership.

References

1. Altbach F., Raisberg L. (2019) Internacionalizaciya vy'sshego obrazovaniya: dvizhushhie sily i real'nost' [Internationalization of higher education: driving forces and reality] // International Higher Education. № 97. pp. 8-10.
2. Antyukhova E. A. (2020) Aktorny'e modeli global'noj obrazovatel'noj politiki [Actor models of global educational policy] // Polis. Political research. No. 3. C. 158-168. URL: <https://mgimo.ru/upload/2020/06/actor-models-of-global-educational-policy.pdf> (date of request: 19.10.2025).
3. Antyukhova E.A., Kasatkin P.I. (2020) Cifrovoy vektor global'noj obrazovatel'noj politiki [Digital vector of global educational policy] // Bulletin of MGIMO University. No. 13(5). pp. 331-351. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-vektor-globalnoy-obrazovatelnoy-politiki/viewer> (date of request: 18.10.2025).
4. Baykov A.A. (2012) Sravnitel'naya integraciya. Praktika i modeli integracii v zarubezhnoj Evrope i Tixookeanskoj Azii [Comparative integration. The practice and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia]. M.: Aspect Press. 256 p.
5. Vinogradova E.A. (2023) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i narastayushhie kiberugrozy v Latinskoj Amerike [Artificial intelligence technologies and growing cyber threats in Latin America] // Latin America. No. 3. pp. 34-48. - DOI 10.31857/S0044748X0024415-5 URL: <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0024415-5-1/> (date of access: 14.10.2025).
6. Mashkina O.A. (2017) Strany BRIKS: strategii razvitiya vy'sshego obrazovaniya [BRICS countries: strategies for the development of higher education] // Bulletin of the Moscow University. Episode 20. Pedagogical education. No. 2. pp. 40-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-strategii-razvitiya-vysshego-obrazovaniya/viewer> (date of request: 19.10.2025).
7. Trapeznikov V., Zinovieva E. (2024) Nejroseti i generativnyj iskusstvennyj intellekt v vy'shem obrazovanii: mezhdunarodnyj opyt i rossiyskaya praktika [Neural networks and generative artificial intelligence in higher education: international experience and Russian practice]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neyroseti-generativnyy-ii-v-vysshem-obrazovanii-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/?sphrase_id=152719421 (date of request: 14.10.2025).
8. Shilova E.S. (2024) Eksport rossiyskogo obrazovaniya v stranax BRIKS: tendencii i perspektivy v sovremennyx usloviyax [The export of Russian education in the BRICS countries: trends and prospects in modern conditions] // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser. Natural and medical sciences. No. 1. pp. 7-26. doi: 10.5922/gikbfu-2024-1-1. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/cc3/2_7-26.pdf (date of request: 15.10.2025).
9. Fedchuk A.A. (2015) Tendencii razvitiya obrazovaniya kak vazhnejshij faktor politiki sotrudnichestva stran BRIKS [Trends in the development of education as the most important factor in the policy of cooperation between the BRICS countries] // Bulletin of the University. No. 13. pp. 248-253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-obrazovaniya-kak-vazhneyshiy-faktor-politiki-sotrudnichestva-stran-briks> (date of request: 18.10.2025).

10. XV BRICS Summit (2023) Joxannesburgskaya deklaraciya-II. BRIKS i Afrika: partnerstvo v interesax sovmestnogo uskorenno rosta, ustojchivogo razvitiya i inklyuzivnoj mnogostoronnosti Se`ndton, Gauteng, YuAR Sreda, 23 avgusta [The Johannesburg Declaration-II. BRICS and Africa: Partnership for Joint Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism Sandton, Gauteng, South Africa Wednesday. August 23]. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/08/brics-declaration-2023.pdf> (date of request: 16.10.2025).

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна - доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России), просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация. E-mail: e.antyukhova@gmail.com.

Antyukhova Ekaterina Andreevna - Dr., Associate Professor, Professor, Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University); 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation; E-mail: e.antyukhova@gmail.com.

УДК 94(5/6) «2015/2025»:332.2:627.1

Комлякова Ю.Ю., кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2015-2025 ГГ.)

Центральная Азия, охватывающая бассейн Аральского моря и включающая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, столкнулась с критическим дефицитом водных ресурсов после распада Советского Союза. Управление водными ресурсами стало фрагментированным, что привело к конкуренции между новыми независимыми государствами. В таких условиях страны центральноазиатского региона нуждались во внешней помощи и посредничестве. После окончания холодной войны Соединенные Штаты оказались единственной сверхдержавой способной выступить в качестве третьей силы в вопросах урегулирования подобного рода конфликтов, и учитывая их геополитическую заинтересованность в регионе американское присутствие сохранилось вплоть до сегодняшнего дня. Однако учитывая тот факт, что для урегулирования водноэнергетических проблем региона требуются внушительные денежные вливания Соединенные Штаты действовали не напрямую, а через Агентство США по международному развитию. При этом главной целью такого американского участия была переориентация стран региона на партнерство в США, создание противовеса влиянию России и Китая в регионе, использования республик как плацдарма для урегулирования Афганского кризиса и, в целом, для продвижения американских ценностей в регионе.

Ключевые слова. Водные ресурсы, США, Центральная Азия, USAID, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-40-50

Введение. Центральная Азия всегда была регионом, страдающим от дефицита воды. На территории Центральной Азии (бассейн Аральского моря) расположены пять государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, водные ресурсы которых оцениваются в 170 км. куб. в год. В регионе находятся реки: Амударья, Сырдарья, Зерафшан, Мургаб, Пяндж, Вахш, Чу, Иртыш, Или и другие, а также озера: Аральское море, Балхаш, Иссык-Куль и другие. Основные ледовые запасы находятся в горах Казахстана и Таджикистана, и истоки основных центральноазиатских рек находятся именно там. Большая часть водных ресурсов использовалась для орошения земель всех республик региона, что стало одной из причин взаимозависимости между государствами [3, с. 160].

То, что в советское время было единым подходом к управлению бассейном, превратилось в нескоординированную конкуренцию между странами, расположенными выше

по течению (Кыргызстан, Таджикистан и Афганистан), и странами, расположенными ниже по течению (Узбекистан, Туркменистан и Казахстан). Гидрологическая инфраструктура распределена между различными независимыми государствами. В результате система управления водными ресурсами не является коллективной и кооперативной. Решения о распределении водных ресурсов, которые в советское время принимались централизованно, теперь находятся в ведении региональных, национальных и межгосударственных институтов. Неудивительно, что распределение водных ресурсов и энергии между различными секторами и пользователями неэффективно. Вода лежит в основе производства продуктов питания и энергии, экологической безопасности и обеспечения средств к существованию для населения региона. Она обеспечивает 5–28 % ВВП стран за счёт орошаемого земледелия и почти 30 % совокупного производства энергии в ЦАР. В настоя-

щее время в бассейне Амударьи, включая Афганистан, используется почти 95 % всех водных ресурсов, имеющихся в водосборном бассейне [12].

Объект и методы исследования. Объектом данного исследования является деятельность США по урегулированию водно-энергетических проблем в странах Центральной Азии в период 2015-2025 гг., включая проекты, инициативы и механизмы взаимодействия с региональными государствами. Предметом выступают механизмы, формы и методы реализации американской политики в сфере водно-энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии, особенности их влияния на региональную ситуацию и взаимодействие с другими международными акторами. При написании статьи использовался системный метод – для изучения взаимосвязей между различными аспектами водно-энергетического сотрудничества, структурный метод – для анализа организационной составляющей американских проектов, геополитический анализ – для определения места водно-энергетических проектов в общей стратегии США в регионе, а также историко-сравнительный, статистический методы и метод кейс-стади.

Результаты и их обсуждение. Постсоветский переход от административных границ к государственным усугубил проблемы делимитации и распределения водно-энергетических ресурсов. Обретение независимости странами Центральной Азии обострило вопросы их распределения между регионами и странами. Контроль и регулирование трансграничных водных ресурсов являются критически важными аспектами, которые приводят к напряжённости и конфликтам на национальном, локальном и региональном уровнях.

В этой связи с 1991 года водные вопросы в регионе стали предметом внешней политики и дипломатии. Бассейн Аральского моря с двумя его основными реками — Амударьей и Сырдарьей — находится на территории шести стран: пяти государств Центральной Азии и Афганистана. Центральнoазиатские республики начали строить свою государственность в 1991 году, и водные вопросы всегда были в центре межгосударственных отношений.

Как следует из классической теории политического реализма Р. Арона [1] и Г. Моргентау [19], как и любой другой конфликт,

водные конфликты в Центральной Азии вызваны расхождением интересов вовлеченных сторон. В Центральной Азии проблема распределения водных ресурсов имеет жизненно важное стратегическое значение для каждой прибрежной страны и часто используется в качестве рычага давления в международных отношениях [17]. В отличие от нефти и газа, вода по-прежнему воспринимается как «бесплатный ресурс». Она часто используется без учёта жизненно важных интересов других прибрежных государств, различных водозависимых отраслей.

После распада Советского Союза был создан ряд учреждений водного хозяйства регионального уровня для поддержания соглашений советского времени. Среди них - Межгосударственная Комиссия по координации водных ресурсов, созданная в 1992 году [5]. Страны Центральной Азии в этот период устремились в сторону большей самодостаточности и независимости во всех экономических сферах, включая водоснабжение, энергетику, сельское хозяйство и т. д., а также создали новые национальные агентства по водным ресурсам, инфраструктуру и системы управления. В большинстве случаев эти системы были непохожими друг на друга и несовместимыми, что создавало значительную нагрузку на ограниченные водные ресурсы региона [14], [7].

Согласно исследованию ООН и Всемирного банка, в Центральной Азии наблюдается низкая продуктивность использования воды, неэффективность орошения и потери воды. Уровень продуктивности использования воды в регионе оценивается от 5 до 16 центов США за м³. Только 40 % воды, забираемой из рек, доходит до орошаемых участков [24], [6]. На такие показатели повлияло множество факторов, среди которых недостаточный уровень образования и нехватка квалифицированных кадров в сфере водоснабжения, «утечка мозгов» вызванная низкой заработной платой и непривлекательными профессиональными возможностями. Система образования в регионе в целом и образование в сфере водопользования и экологии в частности, сохранившееся с советских времен, пришли в упадок и, в некоторой степени, исчезли за годы независимости. Следовательно,

национальные системы образования в постсоветских государствах требуют серьезной трансформации и реформирования [12].

Устойчивое и долгосрочное финансирование водного сектора является важнейшим условием эффективного управления водными ресурсами в ЦАР. Однако ни одно из государств не смогло найти приемлемое и долгосрочное решение проблемы финансирования водного сектора. Минимальные потребности в восстановлении и реконструкции водной инфраструктуры ЦАР оцениваются в 20–25 млрд. долларов США [12].

В октябре 2015 года Региональный экологический центр для Центральной Азии (РЭЦЦА) и Правительство США инициировали инновационный многострановой проект, направленный на укрепление сотрудничества в области водных ресурсов и внедрение принципов комплексного управления водными ресурсами (КУВР) посредством наращивания потенциала, обмена передовым опытом, создания сетей, поддержки национальных реформ в водном секторе и создания институтов на местном уровне в нескольких общих трансграничных водосборных бассейнах [10]. Из отчетов данной организации следует, что ее задачей является рассмотрение текущего положения дел и планируемые изменения в секторах водоснабжения во всех пяти государствах, входящих в центрально-азиатский регион, а также в Афганистане [9]. Исходя из риторики председателя Совета управляющих РЭЦЦА, директора Института исследования пустыни Министерства охраны природы Туркменистана М. Дурикова: «РЭЦЦА содействует сотрудничеству между неправительственными организациями, государственными органами, бизнес-сообществом и другими заинтересованными сторонами по решению проблем охраны окружающей среды на национальном и региональном уровнях с целью поощрения свободного обмена информацией, оказания помощи неправительственным экологическим организациям и другим заинтересованным сторонам, расширения участия общественности в принятии решений и, таким образом, обеспечения дальнейшего развития демократических гражданских обществ в странах Центральной Азии» [8]. Исходя из вышеизложенного сле-

дует заключить, что деятельность данной организации сводилась, преимущественно к развитию академической включенности, организации различных дискуссионных площадок, в том числе на ежегодных заседаниях Совета управляющих программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), встречах в рамках конвенций по проблемам водопользования, глобального потепления, биоразнообразия, опустынивания, конференций министров «Окружающая среда для Европы», программы «Экологизация экономик стран Восточного партнерства» (EaP GREEN), платформы «Образование для устойчивого развития», Межправительственной научнополитической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES) и соответствующих заседаниях ОЭСР и ЕЭК ООН. Однако механизмов регулирования водных проблем, которые могли бы способствовать решить проблемы обеспечения водой данный Центр не реализовывал.

С приходом к власти в США президента Д. Трампа в 2017 г. по инициативе государственного департамента стали реализовываться новые форматы участия Соединенных Штатов в урегулировании водноэнергетических проблем в странах Центральной Азии, которые не утрачивали своей актуальности с момента провозглашения независимости. Так, Агентство США по международному развитию (USAID), Министерство сельского хозяйства и водных ресурсов Узбекистана и Региональный экологический центр Центральной Азии запустили 17 апреля 2017 года в Ташкенте новый пятилетний проект по управлению водными ресурсами “Smart Waters”. Посол США в Ташкенте Памела Спратлен выступила со вступительным словом на мероприятии, в котором приняли участие более пятидесяти представителей водохозяйственных организаций, научных кругов, членов парламента, неправительственных организаций и международного сообщества доноров, заявив, что Smart Waters - это региональная программа USAID, направленная на совершенствование систем обучения управлению водными ресурсами для специалистов, академиков, исследователей и политиков в странах бассейна Аральского моря. Мероприятия по созданию сетей и наращиванию потенциала в рамках программы призваны

улучшить управление водными ресурсами на национальном и региональном уровнях и привести к улучшению трансграничного сотрудничества и сокращению потерь воды в Узбекистане и Центральной Азии [21]. Smart Waters стремилась создать в Центральной Азии и Афганистане команду профессионалов, способных управлять общими водными ресурсами, чтобы на справедливой основе увеличить экономическую ценность воды в долгосрочной перспективе в условиях изменения климата и других факторов давления, понимать ценность такой практики и доверять друг другу. USAID создало 13 Советов по управлению малыми бассейнами (SBC), которые работают на восьми малых трансграничных реках и принимают непосредственное участие в управлении водными ресурсами. SBC представлены местной администрацией губернатора, органами здравоохранения, чрезвычайными службами, пограничным контролем, ассоциациями водопользователей, научными кругами, гражданским обществом и СМИ [28]. Также программа Smart Water позволяла отслеживать количество и качество используемой воды в странах Центральной Азии. Речь идёт об установке счётчиков воды, информация с которых поступает в центр обработки данных. Установка американских счётчиков на всех реках региона позволила американцам полностью контролировать водные ресурсы Центральной Азии.

Данная программа реализовывалась в рамках Глобальной водной стратегии правительства США (2017 г.) [23]. Целями данной стратегии были сокращение конфликтов путем развития сотрудничества в области общих водных ресурсов и укрепления управления, финансирования институтов водного сектора, поддержка и укрепление суверенитета и независимости государств Центральной Азии, как в отдельности, так и в рамках региона, а также содействие налаживанию связей между Центральной Азией и Афганистаном [28, с.2].

К 2020 году USAID провела закрытие региональной программы Smart Waters, направленной на коллективное решение вопросов управления водными ресурсами. В рамках пятилетней программы было создано 13 Малых бассейновых советов на восьми не-

больших трансграничных водосборах в странах Центральной Азии и Афганистане. Более 2800 экспертов по водным ресурсам приобрели навыки водной дипломатии и углубили знания о водосберегающих технологиях во время мероприятий, организованных в рамках проекта Smart Waters. Также было передано Государственному комитету по управлению водными ресурсами Туркменистана четырнадцать единиц автоматизированного оборудования для измерения расхода воды. Это оборудование было установлено на четырнадцати участках вдоль реки Мургаб в Марыйском велаяте [16].

В 2020 г. Агентство США по международному развитию запустило новую пятилетнюю программу для Центральной Азии под названием «Региональные водные ресурсы и уязвимая окружающая среда» общей стоимостью 24,5 млн. долларов США. Основная цель программы — укрепление регионального сотрудничества в области общих водных ресурсов и решение текущих и возникающих экологических проблем в пяти странах Центральной Азии — Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Проект был призван способствовать стабильности, экономическому процветанию и сохранению здоровых экосистем в Центральной Азии за счёт решения важнейших проблем в водном, энергетическом и сельскохозяйственном секторах, а также за счёт устранения факторов уязвимости к изменению климата [16].

USAID имеет богатый опыт поддержки водного сектора в Центральной Азии. За последнее десятилетие организация сыграла ключевую роль во внедрении принципов комплексного управления водными ресурсами и продемонстрировала преимущества сотрудничества и эффективного управления ресурсами. USAID также усилила участие общественности в управлении водными ресурсами и внесла свой вклад в подготовку нового поколения управленцев и технических специалистов в Центральной Азии. Новая водная программа USAID основана на результатах, достигнутых благодаря предыдущим инвестициям USAID в региональное водное сотрудничество. Программа координирует свои усилия с другими международными донорскими проектами и ищет возможности для максимального

воздействия на развитие. Она также работает с рядом местных и региональных партнеров для наращивания местного потенциала, содействия сотрудничеству, проведения демонстрационных мероприятий и поддержки рыночных решений частного сектора.

В марте 2021 г. USAID предоставили финальный отчет по проекту Smart Waters в Центральной Азии, осуществляемому Региональным экологическим центром Центральной Азии (РЭЦЦА) [18]. Согласно данного документа РЭЦЦА заключила контракт с независимой сертифицированной аудиторской фирмой ООО "PCM Таджикистан" на проведение аудита. Аудиторская фирма заявила, что провела проверку в соответствии с общепринятыми государственными стандартами аудита и Руководством USAID по финансовому мониторингу для иностранных организаций. Однако она не полностью соответствовала требованиям о наличии программы непрерывного профессионального образования и внешних проверок качества. Согласно приводимым данным общая сумма взносов по проекту составила 1 395 290 долларов США. Однако значительная часть этих отчетов содержит информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с Законом о коммерческой тайне, 18 U.S.C. 1905 [11], и Законом о свободе информации Исключение четвертое, 5 U.S.C. 552(b)(4) («коммерческая или финансовая информация, полученная от лица, обладающего привилегиями или конфиденциальной информацией») [22].

Безусловно, что помощь США в разрешении столь важных проблем была остро необходима государствам Центральной Азии в первое десятилетие независимости и продолжает оставаться актуальной и сейчас. Однако принимая во внимание целый спектр причин заинтересованности Соединенными Штатами в государствах региона, таких как геополитический фактор, связанный со стремлением США к установлению контроля над Хартлендом, конфронтация с Российской Федерацией и Китаем по вопросам влияния в странах региона, использование технического потенциала центральноазиатских республик как плацдарма для военных операций в Афганистане и т.д. можно прийти к выводу, что подобного рода помощь и участие не были безвозмездными, хотя это и не столь очевидно на первый взгляд.

В Стратегии США в Центральной Азии на 2019-2025 гг. открыто говорится о том, что «тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будут способствовать продвижению американских ценностей и служить противовесом влиянию региональных соседей» [25]. Цели, сформулированные в данном документе не новы. Ранее подобные приоритеты в отношении стран региона были сформулированы Ф. Старром, основателем американского Института Центральной Азии и Кавказа, затем госсекретарем США Х. Клинтон в стратегии «Новый шелковый путь» [13].

Однако следует отметить, что сами государства региона с осторожностью относились к подобным форматам сотрудничества, что также подчеркивается и самим Агентством: «Вместо того чтобы максимально использовать ресурсы и экономический потенциал и применять региональные подходы к решению региональных проблем, отдельные страны чаще всего отвергают эту организационную парадигму и вместо этого ищут способы подчеркнуть свои различия и продвигать собственные интересы и цели, а также заявлять о своей значимости и силе» [20, с.1-2]. Все это отражает сложную динамику сотрудничества в Центральной Азии. Несмотря на наличие общих проблем, таких как водный дефицит и экологические вызовы, страны региона часто ставят свои национальные интересы выше коллективных инициатив. Это может быть связано с историческими, политическими и экономическими факторами, а также с недоверием между государствами.

Учитывая, что Министерство обороны США также участвует в реализации стратегии, становится ясно, что цель этой идеи — дальнейшее порабощение стран региона и укрепление там неокOLONиальной стратегии. В северной части Амударьи США также прилагают все усилия для реализации проекта «Большая Центральная Азия». В середине 2021 года посольство США в Таджикистане объявило о запуске пятилетнего проекта по управлению трансграничными водными ресурсами в бассейнах рек Сырдарья и Амударья [28]. Этот проект также реализуется при поддержке Агентства США по международному развитию и имеет бюджет в размере 24 миллионов долларов. В проекте участвуют все страны Центральной Азии и Афганистан.

Несмотря на продолжающуюся нехватку пресной воды в самих центральноазиатских республиках, Соединенные Штаты стремятся перенаправить водные ресурсы региона в Афганистан, чтобы восстановить своё влияние в стране, которое явно пошатнулось после вывода войск НАТО в августе 2021 года [2].

В 2022 г. Соединенные Штаты приняли еще один документ “Глобальная водная стратегия на 2022-2027 годы” [26] которая касается различных стран и регионов мира, а также государств Центральной Азии. Во исполнение сформулированных стратегических задач, таких как соблюдение принципов справедливого и разумного использования и устойчивого водоснабжения во всем регионе Центральной Азии было выделено более 1 миллиарда долларов, которые должны быть распределены через USAID между странами-партнёрами по стратегии: Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Афганистаном — для предотвращения междонародных конфликтов из-за острой нехватки пресной воды, которая ожидается в ближайшем будущем. На данный момент осуществляется строительство канала Кош-Тепа в Афганистане, эксплуатация которого позволит увеличить объёмы орошения в засушливых районах страны и тем самым будет способствовать развитию сельского хозяйства в нескольких провинциях Афганистана [29]. Совершенно очевидно, что, когда канал Кош-Тепа начнёт функционировать, ситуация с дефицитом воды в этом регионе для Узбекистана и Туркменистана резко ухудшится. В долгосрочной перспективе это неизбежно приведёт к трениям, которые могут даже перерасти в прямые военные конфликты за водные ресурсы и привести к острой нехватке пресной воды в регионе между соседями. Именно в этом контексте Соединённые Штаты видят возможность сыграть свою роль, используя так называемую «водную карту» для достижения своих геополитических целей в Центральной Азии.

Более масштабная цель правительства США в этом противостоянии — снижение влияния России и Китая в регионе и усиление политической интеграции между государствами Центральной Азии, а также Афганистаном и Пакистаном. Не менее важно и то, что в рамках «Глобальной водной стратегии на

2022–2027 годы» «водная карта» даст Соединённым Штатам преимущество в экономическом сотрудничестве в Центральной Азии.

Кроме того, этот проект призван поставить под контроль США процессы экономического сотрудничества между Центральной Азией и Афганистаном. В результате ни в одной из пяти республик Центральной Азии не будет решена проблема обеспечения водными ресурсами, а вода будет поступать в Афганистан, что позволит американцам восстановить своё влияние на Кабул, а также улучшить отношения с правительством талибов. Поэтому лидерам постсоветских (и не только) республик следует уделять больше внимания интересам своих народов и учитывать реальные последствия помощи от западных партнеров.

При этом Соединенные Штаты напрямую не участвуют в урегулировании водно-энергетических проблем в регионе, а действуют через USAID. За последние 20 лет объем грантовой помощи USAID оценивался более чем в 2 миллиарда долларов США, и, что самое важное, до 2014 года она не была направлена на обеспечение энергетической безопасности и управление водными ресурсами [15].

На данный момент ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии становится всё более критической, и любое дальнейшее бездействие может привести к серьезным последствиям. По оценкам ООН и Глобальной комиссии по адаптации, если не принять меры, к 2050 году это приведёт к снижению регионального ВВП на 7–12 % [4].

Заключение (выводы). Такой подход приводит к фрагментации усилий по решению общих проблем и затрудняет реализацию эффективных региональных стратегий. Например, вместо совместного управления водными ресурсами, страны могут прибегать к односторонним действиям, что усугубляет существующие конфликты и создает новые.

Обеспеченность водными ресурсами необходима для полноценного функционирования государств региона. Фактически, тот, кто контролирует воду, контролирует Центральную Азию. Недостаток питьевой воды может спровоцировать социальные кризисы, межэтнические конфликты и даже военные столкновения между государствами региона. В таких условиях государство, берущее на

себя роль посредника в урегулировании подобного рода проблем, автоматически приобретает диктовать определенные правила игры, так как нет ничего более ценного чем мирное сосуществование, сохранить которое крайне сложно без посредничества третьей стороны. Также, принимая во внимание тот факт, что урегулирование подобного рода проблем является финансово затратным, то в начале 1990-х годов, так только водно-энер-

гетические проблемы стали актуальными после распада Советского Союза и, следовательно, плановой системы экономики, Соединенные Штаты, оказались единственным государством, которое было в состоянии взять на себя финансирование подобного объема, ко всему это еще и было созвучным геополитическим интересам США в регионе. Подобный политико-экономический уклад сохраняется и по сегодняшний день.

Список литературы

1. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. канд. полит. наук Даниленко В.И. – М.: NOTA BENE. 2000. – 880 с. с илл.
2. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. 14 июня 2021 г. [Электронный ресурс]: North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 16.06.2025).
3. Комлякова Ю.Ю. Гуманитарная политика США в странах Центральной Азии (1991-2001 гг.): Дисс....канд. ист. наук 07.00.03. – Белгород, 2017. – 220 с. (С. 160.)
4. Меры по борьбе с изменением климата [Электронный ресурс]: Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/key-findings> (дата обращения 17.06.2025).
5. Положение о межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии [Электронный ресурс]: Исполнительный комитет Международного фонда спасения Арала. URL: <https://ecifas.kz/pdf/3.-polozhenie-mkvk.pdf> (дата обращения 10.06.2025).
6. Проект управления водными ресурсами в Ферганской долине. Отчет социальной оценки [Электронный ресурс]: Министерство сельского и водного хозяйства РУз. Всемирный банк. World Bank Document. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/467401468319166901/pdf/SFG1614-EA-RUSSIAN-P149610-Box394827B-PUBLIC-Disclosed-12-24-2015.pdf> (дата обращения 14.06.2025).
7. Рахматуллаев Э. Водно-энергетическая проблематика Центральной Азии и превентивная дипломатия [Электронный ресурс]: Россия и мусульманский мир. 2008. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodno-energeticheskaya-problematika-tsentralnoy-azii-i-preventivnaya-diplomatiya> (дата обращения: 07.07.2025).
8. Региональный экологический центр Центральной Азии. Годовой отчет 2013 [Электронный ресурс]: Региональный экологический центр Центральной Азии. URL: https://www.carececo.org/news/Annual%20Report%202013_RUS.pdf (дата обращения 10.06.2025).
9. Региональный экологический центр Центральной Азии. Годовой отчет 2014 [Электронный ресурс]: Региональный экологический центр Центральной Азии. URL: <https://www.carececo.org/upload/CAREC%20Annual%20Report> (дата обращения 10.06.2025).
10. Региональный экологический центр Центральной Азии. Годовой отчет 2015 [Электронный ресурс]: Региональный экологический центр Центральной Азии. URL: https://www.carececo.org/upload/1/Annual%20report%20carec%20_rus_for%20web.pdf (дата обращения 10.06.2025).
11. 18 U.S. Code § 1905 - Disclosure of confidential information generally [Электронный ресурс]: Cornell Law School. Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/us-code/text/18/1905> (дата обращения 05.06.2025).
12. Abdullayev I., Strikeleva E. Water Sector Development in Central Asia and Afganistan: Status Review and Development Options [Электронный ресурс]: Almaty, 2020. URL: <https://riverbp.net/upload/iblock/a75/a758b6a4b7ffb21bbaa238636cf4304c.pdf> 39 p. (дата обращения 03.07.2025).
13. Clinton H. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. September 22, 2011 [Электронный ресурс]: U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения 17.06.2025).

14. Das, M. B. The Rising Tide: A New Look at Water and Gender, 2017 [Электронный ресурс]: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4451f8ac-965c-563c-8268-fc86d0625d58> (дата обращения 10.06.2025).
15. Gussarova A. Y. US Policy in Central Asia: Water-Energy Nexus Priorities [Электронный ресурс]: S. Zhiltsov, I. Zonn, A. Kostianoy, A. Semenov Water Resources in Central Asia: International Context. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-11205-9> (дата обращения 15.06.2025).
16. Kadyrova E. USAID launches new water program for Central Asia [Электронный ресурс]: News Central Asia. URL: <https://www.newscentralasia.net/2020/10/05/usa-id-launches-new-water-program-for-central-asia/> (дата обращения 03.07.2025).
17. Kurbonova Z. M., Saidov S. S. Security problems of the Central Asian region: water and energy aspect [Электронный ресурс]: International Journal of Professional Science №8-2021. – URL: <http://scipro.ru/article/03-08-2021> (дата обращения 02.07.2025).
18. Memorandum to USAID [Электронный ресурс]: Central Asia Regional Director, Christopher Edwards from USAID OIG Asia Regional Office USDH NFA Coordinator, James C. Charlifue /s/. Subject: Closeout Audit of Smart Waters Project in Central Asia Managed by Regional Environmental Centre for Central Asia, Cooperative Agreement AID-176-A-15- 00005, January 1, 2019, to September 30, 2020 (5-176-21-021-R) // Office of Inspector General, U.S. Agency for International Development. URL: <https://oig.usaid.gov/sites/default/files/2021-03/5-176-21-021-R.pdf> (дата обращения 04.06.2025).
19. Morgenthau H.J., Thompson K.W. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace / McGraw-Hill. – 1993. – 419 с.
20. Regional Development Cooperation Strategy (2015–2019) Oct 2014 [Электронный ресурс]: USAID. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/RDCSCentralAsia.pdf> (дата обращения 12.06.2025).
21. Smart Waters Project Launched [Электронный ресурс]: U.S. Embassy in Uzbekistan. URL: <https://uz.usembassy.gov/smart-waters-project-launched/> (дата обращения 02.07.2025).
22. The Freedom of Information Act (FOIA): An Introduction [Электронный ресурс]: Congressional Research Service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/secrecy/IF11450.pdf> (дата обращения 05.06.2025).
23. U.S. Global Water Strategy 2017-2022 [Электронный ресурс]: Agency for International Development. Federal Register. The Daily Journal of the United States Government. National Archives. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2021/09/21/2021-20366/us-global-water-strategy-2017-2022-meeting?mc_cid=0dde368538&mc_eid=6870de4e2e (дата обращения 02.06.2025).
24. United Nations World Water Development Reports [Электронный ресурс]: UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/reports/wwdr/en/reports> (дата обращения 14.06.2025).
25. United States Strategy for Central Asia 2019-2025 [Электронный ресурс]: Pentagonus. URL: https://pentagonus.ru/_ld/24/2441_United-States-S.pdf (07.06.2025).
26. US Global Water Strategy 2022-2027 [Электронный ресурс]: USAID. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-11/US-Global-Water-Strategy-2022.pdf> (дата обращения 08.06.2025).
27. USAID запускает новую программу для укрепления регионального сотрудничества по водным ресурсам в Центральной Азии [Электронный ресурс]: Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/usa-id-launches-a-new-program-to-strengthen-regional-water-cooperation-in-central-asia-ru/> (дата обращения 15.06.2025).
28. USAID's Central Asia Regional Water and Vulnerable Environment Activity [Электронный ресурс]: USAID's Central Asia Regional Water and Vulnerable Environment Activity Attachment J.1 URL: https://www.circleofblue.org/wp-content/uploads/2020/04/USAID_J.1StatementofObjectives.pdf (дата обращения 02.07.2025)
29. Wen X., Liu C. Comparative Analysis of Water-Energy Cycle Processes Based on High-Resolution Assimilation Dataset of the Water-Energy Cycle in China [Электронный ресурс]: Different Underlying Surfaces in Qinghai-Tibet Plateau. *Front. Earth Sci.* 8:576461. doi: 10.3389/feart.2020.576461. 2020. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/earth-science/articles/10.3389/feart.2020.576461/full> (дата обращения 08.06. 2025).

U.S. ACTIVITIES IN THE SETTLEMENT OF WATER-ENERGY PROBLEMS IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES (2015-2025)

Central Asia, which covers the Aral Sea basin and includes Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, has faced critical water scarcity since the collapse of the Soviet Union. Water resources management has become fragmented, leading to competition between newly independent States. In such circumstances, the countries of the Central Asian region needed external assistance and mediation. After the end of the cold war, the United States proved to be the only superpower capable of acting as a third force in resolving such conflicts, and given its geopolitical interest in the region, the American presence has remained until today. However, given the fact that significant monetary injections are required to resolve the region's water and energy problems, the United States did not act directly, but through the United States Agency for International Development. At the same time, the main goal of such American participation was to reorient the countries of the region towards partnership in the United States, create a counterweight to the influence of Russia and China in the region, use the republics as a springboard to resolve the Afghan crisis and, in general, to promote American values in the region.

Keywords. Water resources, USA, Central Asia, USAID, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan.

References

1. Aron R. *Mir i vojna mezhdru narodami* [Peace and war between nations]/ Pod obshchej red. kand. polit. nauk Danilenko V.I. – M.: NOTA BENE. 2000. – 880 s. s ill.
2. Zayavlenie po itogam vstrechi na vysshem urovne v Bryussele. 14 iyunya 2021 [Statement on the outcome of the summit in Brussels. June 14, 2021] [Elektronnyj resurs]: North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (data obrashcheniya 16.06.2025).
3. Komlyakova J.U. *Gumanitarnaya politika SSHA v stranah Central'noj Azii (1991-2001 gg.)* [The humanitarian policy of the United States in the countries of Central Asia (1991-2001)]: Diss....kand. ist. nauk 07.00.03. – Belgorod, 2017. – 220 s. (S. 160.)
4. Mery po bor'be s izmeneniem klimata [Measures to combat climate change][Elektronnyj resurs]: Organizaciya Ob"edinennyh Nacij. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/science/key-findings> (data obrashcheniya 17.06.2025).
5. Polozhenie o mezhgosudarstvennoj koordinacionnoj vodohozyajstvennoj komissii Central'noj Azii [Regulations on the Interstate Coordination Water Management Commission of Central Asia] [Elektronnyj resurs]: Ispolnitel'nyj komitet Mezhdunarodnogo fonda spaseniya Arala. URL: <https://ecifas.kz/pdf/3.-polozhenie-mkvk.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2025).
6. Proekt upravleniya vodnymi resursami v Ferganskoj doline. Otchet social'noj ocenki [Water resources management project in the Ferghana Valley. Social assessment report] [Elektronnyj resurs]: Ministerstvo sel'skogo i vodnogo hozyajstva RUz. Vsemirnyj bank. World Bank Document. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/467401468319166901/pdf/SFG1614-EA-RUSSIAN-P149610-Box394827B-PUBLIC-Disclosed-12-24-2015.pdf> (data obrashcheniya 14.06.2025).
7. Rahmatullaev E. *Vodno-energeticheskaya problematika Central'noj Azii i preventivnaya diplomatiya* [Water and energy issues of Central Asia and preventive diplomacy] [Elektronnyj resurs]: Rossiya i musul'manskij mir. 2008. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodno-energeticheskaya-problematika-tsentralnoy-azii-i-preventivnaya-diplomatiya> (data obrashcheniya: 07.07.2025).
8. Regional'nyj ekologicheskij centr Central'noj Azii. Godovoj otchet 2013 [Regional Environmental Center of Central Asia. Annual Report 2013] [Elektronnyj resurs]: Regional'nyj ekologicheskij centr Central'noj Azii. URL: https://www.carececo.org/news/Annual%20Report%202013_RUS.pdf (data obrashcheniya 10.06.2025).
9. Regional'nyj ekologicheskij centr Central'noj Azii. Godovoj otchet 2014 [Regional Environmental Center of Central Asia. Annual Report 2014] [Elektronnyj resurs]: Regional'nyj ekologicheskij centr Central'noj Azii. URL: <https://www.carececo.org/upload/CAREC%20Annual%20Report> (data obrashcheniya 10.06.2025).
10. Regional'nyj ekologicheskij centr Central'noj Azii. Godovoj otchet 2015 [Regional Environmental Center of Central Asia. Annual Report 2015] [Elektronnyj resurs]: Regional'nyj

ekologicheskij centr Central'noj Azii. URL: https://www.carececo.org/upload/1/Annual%20report%20carec%20_rus_for%20web.pdf (дата обращения 10.06.2025).

11. 18 U.S. Code § 1905 - Disclosure of confidential information generally [Elektronnyj resurs]: Cornell Law School. Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/us-code/text/18/1905> (дата обращения 05.06.2025).

12. Abdullayev I., Strikeleva E. Water Sector Development in Central Asia and Afganistan: Status Review and Development Options [Elektronnyj resurs]: Almaty, 2020. URL: <https://riverbp.net/upload/iblock/a75/a758b6a4b7ffb21bbaa238636cf4304c.pdf> 39 p. (дата обращения 03.07.2025).

13. Clinton H. Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. September 22, 2011 [Elektronnyj resurs]: U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/09/173807.htm> (дата обращения 17.06.2025).

14. Das, M. B. The Rising Tide: A New Look at Water and Gender, 2017 [Elektronnyj resurs]: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/4451f8ac-965c-563c-8268-fc86d0625d58> (дата обращения 10.06.2025).

15. Gussarova A. Y. US Policy in Central Asia: Water-Energy Nexus Priorities [Elektronnyj resurs]: S. Zhiltsov, I. Zonn, A. Kostianoy, A. Semenov Water Resources in Central Asia: International Context. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-11205-9> (дата обращения 15.06.2025).

16. Kadyrova E. USAID launches new water program for Central Asia [Elektronnyj resurs]: News Central Asia. URL: <https://www.newscentralasia.net/2020/10/05/usa-id-launches-new-water-program-for-central-asia/> (дата обращения 03.07.2025).

17. Kurbonova Z. M., Saidov S. S. Security problems of the Central Asian region: water and energy aspect [Elektronnyj resurs]: International Journal of Professional Science №8-2021. – URL: <http://scipro.ru/article/03-08-2021> (дата обращения 02.07.2025).

18. Memorandum to USAID [Elektronnyj resurs]: Central Asia Regional Director, Christopher Edwards from USAID OIG Asia Regional Office USDH NFA Coordinator, James C. Charlifue /s/. Subject: Closeout Audit of Smart Waters Project in Central Asia Managed by Regional Environmental Centre for Central Asia, Cooperative Agreement AID-176-A-15- 00005, January 1, 2019, to September 30, 2020 (5-176-21-021-R) // Office of Inspector General, U.S. Agency for International Development. URL: <https://oig.usaid.gov/sites/default/files/2021-03/5-176-21-021-R.pdf> (дата обращения 04.06.2025).

19. Morgenthau H.J., Thompson K.W. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace / McGraw-Hill. – 1993. – 419 с.

20. Regional Development Cooperation Strategy (2015–2019) Oct 2014 [Elektronnyj resurs]: USAID. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/RDCSCentralAsia.pdf> (дата обращения 12.06.2025).

21. Smart Waters Project Launched [Elektronnyj resurs]: U.S. Embassy in Uzbekistan. URL: <https://uz.usembassy.gov/smart-waters-project-launched/> (дата обращения 02.07.2025).

22. The Freedom of Information Act (FOIA): An Introduction [Elektronnyj resurs]: Congressional Research Service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/secretcy/IF11450.pdf> (дата обращения 05.06.2025).

23. U.S. Global Water Strategy 2017-2022 [Elektronnyj resurs]: Agency for International Development. Federal Register. The Daily Journal of the United States Government. National Archives. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2021/09/21/2021-20366/us-global-water-strategy-2017-2022-meeting?mc_cid=0dde368538&mc_eid=6870de4e2e (дата обращения 02.06.2025).

24. United Nations World Water Development Reports [Elektronnyj resurs]: UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/reports/wwdr/en/reports> (дата обращения 14.06.2025).

25. United States Strategy for Central Asia 2019-2025 [Elektronnyj resurs]: Pentagonus. URL: https://pentagonus.ru/_ld/24/2441_United-States-S.pdf (07.06.2025).

26. US Global Water Strategy 2022-2027 [Elektronnyj resurs]: USAID. URL:

<https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-11/US-Global-Water-Strategy-2022.pdf> (дата обращения 08.06.2025).

27. USAID запускает novuyu programmu dlya ukrepleniya regional'nogo sotrudnichestva po vodnym resursam v Central'noj Azii [USAID launches a new program to strengthen regional cooperation on water resources in Central Asia] [Elektronnyj resurs]: Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/usaids-launches-a-new-program-to-strengthen-regional-water-cooperation-in-central-asia-ru/> (дата обращения 15.06.2025).

28. USAID's Central Asia Regional Water and Vulnerable Environment Activity [Elektronnyj resurs]: USAID's Central Asia Regional Water and Vulnerable Environment Activity Attachment J.1 URL: https://www.circleofblue.org/wp-content/uploads/2020/04/USAID_J.1StatementofObjectives.pdf (дата обращения 02.07.2025)

29. Wen X., Liu C. Comparative Analysis of Water-Energy Cycle Processes Based on High-Resolution Assimilation Dataset of the Water-Energy Cycle in China [Elektronnyj resurs]: Different Underlying Surfaces in Qinghai-Tibet Plateau. *Front. Earth Sci.* 8:576461. doi: 10.3389/feart.2020.576461. 2020. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/earth-science/articles/10.3389/feart.2020.576461/full> (дата обращения 08.06. 2025).

Об авторе

Комлякова Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Komlyakova Julia Urievna - PhD in history, Associate Professor of the chair of World History, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: komlyakova@bsu.edu.ru

Красинский И.В., аспирант, Белорусский государственный университет (Беларусь)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И ПРАКТИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА («ВЫВОДА») ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (КОНЕЦ XV – КОНЕЦ XVI ВВ.)

В статье прослеживается эволюция процедуры подтверждения шляхетского статуса («вывод шляхетства») в Великом княжестве Литовском от конца XV до конца XVI в. Показано, как «жалобная» практика позднесредневековых волостей, опиравшаяся на память рода и поручительства локальной элиты, трансформируется в устойчивую судебно-канцелярскую процедуру, встроенную в нормы Уставы 1507 г. и Статутов ВКЛ 1529/1566/1588 гг. На материале актовых книг, привилеев и поздних актований реконструируется реальная доказательная процедура: сочетание кровных свидетелей «по отцу» и «по матери», «вердикта сообщества» («люди добрые»), древних грамот и листов, выписок из «пописов» и аттестаций должностных лиц; фиксируются роли присяги, гербового ввода и единичных иностранных аттестаций. Выявлено доминирование поводов, связанных с навязыванием «простых» повинностей и переводом в путную/подводную службу (в том числе в связи с волочной померой), а также устойчивый блок дел о «нагане шляхетства» и кейсы реабилитации после утраты актов. Аргументируется переход во второй половине XVI в. к механизму «отрицательного доказательства» (проверка «в книгах» как довод в пользу статуса). Делается вывод о корпоративизации сословия и формировании «минимального комплекта» доказательств как прикладного стандарта практики. Намечена программа дальнейших исследований: продление хронологии на XVII–XVIII вв., сопоставление литовской и коронной практик, конфессионально-этнический срез и анализ риторики чести.

Ключевые слова: вывод шляхетства; Великое княжество Литовское; шляхта; доказательства шляхетства; волочная помера; нагана шляхетства; социальная история; история Беларуси; история Литвы; история ВКЛ.
DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-51-61

Введение. Во второй половине XV – конце XVI в. в Великом княжестве Литовском складывается и последовательно институционализируется процедура подтверждения шляхетского статуса – «вывод шляхетства». Её возникновение было обусловлено размытием сословных границ в условиях ускоренной социальной мобильности и ростом имущественных коллизий, при разрешении которых правоспособность по праву шляхетства имела решающее значение. «Устава о выводе шляхетства за примовую» 1507 г. [9], а затем нормы Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. [21] установили порядок доказательства, включавший письменные титулы, свидетельства кровных родственников и «людей добрых» из местной шляхты, а также практики присяги и гербового ввода.

Исследовательская традиция, восходящая к М. К. Любавскому [15], И. Даниловичу [9], В. Семковичу [24], И. И. Лаппо [10] и Ф. И. Леонтовичу [11], надёжно очертила нормативное поле шляхетских свобод, компетенции земских и гродских судов, механизмы

корпоративной саморегуляции. Существенные наблюдения о доказательной стороне судебной практики предложены М. М. Улащичком [22] и А. И. Мальдзисом [16]; региональные своды А. Рахубы [23], публикации по Метрике ВКЛ [12; 13; 14; 18; 19; 20], энциклопедические и биографические статьи (А. Мацук) и разыскания по «нагане шляхетства» и сеймиковым процедурам (А. Винниченко [5], Е. С. Глинский [7; 8]) позволили уточнить источниковедческую базу. Вместе с тем эволюция собственно форм и практик «вывода» в XV–XVI вв., соотношение предписаний Статутов ВКЛ с реальными доказательствами и повседневной процедурой, а также частотность мотивов обращения остаются без внимания исследователей.

Настоящее исследование направлено на сопоставление нормативных предписаний со свидетельствами актовых книг [12; 13; 14; 18; 19; 20] и поздних актований [1; 2; 3; 4], то есть на реконструкцию фактической доказательной матрицы «вывода шляхетства» в XVI

веке – от ранних фиксаций в Метрике до решений канцелярии Стефана Батория. Эмпирической основой служит свод из 63 дел XV–XVI вв., в котором прослеживаются поводы к инициированию процедуры, набор реально используемых доказательств и судебные исходы. На этом материале выявляется доминирование сюжетов, связанных с навязыванием «простых» повинностей и переводом в путную/подводную службу (в том числе по результатам волочной померы [15]), устойчивый пласт дел об оскорблении чести («нагана шляхецтва» [7]), а также практики «восстановления прав» после утраты актов и случаи гербового ввода и пожалования [6].

Цель работы – показать эволюцию «вывода шляхецтва» в ВКЛ XV–конца XVI вв. через сопоставление статутных норм с реальной практикой и определить его социально-правовые функции в конфликтах собственности и чести. Исследование отвечает на следующие вопросы:

- какие мотивы инициировали «вывод» в XV и XVI вв. и как они коррелируют с фискально-административными реформами (прежде всего, волочной померой);

- как распределялись и сочетались ключевые виды доказательств – жалованные грамоты и листы, свидетельства кровных и «людей добрых», присяга, выписки из реестров, аттестации должностных лиц, гербовый ввод;

- каковы были реальные исходы разбирательств (доля подтверждений и отказов) и какие конфигурации доказательств чаще приводили к признанию шляхецтва;

- какую роль «вывод шляхецтва» играл в поддержании корпоративного порядка шляхты и в защите имущественных притязаний.

Объекты и методы исследования. Объект исследования – историческая практика «вывода шляхецтва» в Великом княжестве Литовском в конце XV – конце XVI вв. как социальный институт, обеспечивавший распределение прав и обязанностей внутри шляхетского сообщества и фиксировавшийся в актовых текстах.

Предмет исследования – формы и повседневные приёмы доказательства шляхецтва, их динамика и разновидности; поводы к инициированию «вывода»; состав и иерархия использованных доказательств; роль поветового социума

и должностных лиц в легитимации статуса; канцелярские формулы фиксации исходов.

Источниковая база и корпус наблюдений. В работу включены 63 сюжета с установленным исходом (XV в. – 6, XVI в. – 57), извлечённые из Метрики ВКЛ (книги судебных дел, земские и городские книги) [12; 13; 14; 18; 19; 20], великокняжеских привилеев и жалованных листов (Казимира, Александра, Сигизмунда Старого, Сигизмунда Августа, Стефана Батория) [9], статутных норм (Устава 1507 г.; Статуты 1529, 1566, 1588 гг.) [9; 21], а также поздних актований XVII–XVIII вв., сохраняющих тексты первичных решений [1; 2; 3; 4]. Единицей учёта служит «дело/эпизод», в котором прямо заявлен «вывод/очищение шляхецтва», либо этот смысл вытекает из фабулы: требование поставить свидетелей «по отцу и по матери», предъявление «древних грамот», апелляция к «людям добрым», проверка по книгам описей («пописы»), гербовый ввод, натурализация.

Хронологические и пространственные пределы – 1494–1598 гг. Конец 1490-х – первая полоса сплошной фиксации «вывода» в книгах канцелярии: в середине десятилетия появляются жалобы радунских, ейшишских и жемайтских «бояр-шляхты» с апелляцией к «старым листам» и поиском «в старых книгах» [13, с. 135; 145–146; 141–142]. Нижняя граница (1494) привязана к началу «александровского» канцелярского цикла и фиксирует доузаконенную «жалобную» фазу, из которой вырастает процедурный «вывод» [13]. Верхняя граница (1598) удерживает зрелое действие Статута 1588 г. [21] и предшествует сдвигу начала XVII в., когда усиливается обязательная документальность и меняется язык сеймовых подтверждений [11]; включение 1600-х исказило бы нормативный фон рассматриваемой практики.

География: главным образом территория нынешней Беларуси и Литвы (Трокский, Виленский, Гродненский, Слонимский, Браславский, Волковысский, Витебский, Пинский поветы; волости Жемайтии – Россиены, Тельшай, Шавляй, Паланга; Завилейский округ). Сопоставляются старые центры и приграничные зоны, наиболее чувствительные к волочной помере и переводам земян в «тягло».

Терминологический аппарат работы основан на оперировании следующими понятиями:

1. Вывод шляхетства – формализованное подтверждение принадлежности к шляхте по «Уставу» 1507 г. и Статутам ВКЛ.

2. Очищение / примова / нагана – триада поводов и ответов: сомнение (примова/нагана) порождает судебное «очищение»; отказ клеветника от слов влечёт санкции.

3. Кровные свидетели – родичи «по отцу» и «по матери» как «скелет» вывода; при вымершей линии заменяются иными средствами.

4. Люди добрые (вердикт сообщества) – местная шляхта/земляне (в т. ч. хорунжий, возный) как коллективное поручительство репутации и давности службы.

5. Жалованный лист / привилей – документ от великого князя (или ранние листы державцев), подтверждающий вольности, землю, службу.

6. Служебный лист – удостоверение воеводы, старосты, наместника, державца о виде службы и статусе; мост между частной жалобой и властной санкцией.

7. Гербовый ввод и натурализация – включение «в клейнот» и признание иноземцев при службе и поручительствах.

8. Присяга / «сознание» – сакраментальное закрепление показаний стороны и свидетелей.

9. Книга / описи / реестр – городские/земские книги, списки хоругвей, инвентари тяглых; выписки как приложения; отрицательное доказательство: отсутствие в тяглых сословиях и/или наличие в описях конной службы трактуется в пользу статуса.

10. Волочная помера – землеустроительная реформа середины XVI в. в ВКЛ, сводившая угодья в стандартизированные «волоки» и закреплявшая за ними чёткие повинности и вид службы, что остро обнажило границы статуса и нередко запускаяло «вывод шляхетства».

11. Актование и вальные подтверждения – позднейшая легализация текста в книгах XVII–XVIII вв. и финальная санкция статуса.

Исследование опирается на стандартный инструментарий историка: внешнюю и внутреннюю критику акта (должности, датировки, канцелярские формулы, отсеив поздних переписок и подложных атрибуций), сравнительно-контекстный анализ по поветам и волостям, просопографию и генеалогическую реконструкцию (разведение «кровных» и

«людей добрых», фиксирование гербов, служб и участия в «пописах»), а также «прочтение от свидетеля» для учёта интересов и клиентел. Итоги сводятся количественно-содержательным анализом с визуализацией по исходам, поводам и видам доказательств (Рис. 1; Табл. 1–2).

Право рассматривается как контекст практик: нормы Устава 1507 г. и Статутов 1529, 1566 и 1588 гг. – историческое обрамление повседневной процедуры [9; 21]. Используются подходы Ф. И. Леонтовича к правоспособности шляхты [11], наблюдения М. К. Любавского о социальных переплетениях [15] и характеристика судов у И. И. Лаппо [10]; для механизмов статуса и клиентелизма – А. И. Мальдзис и А. Рахуба [16; 23], для «наганы шляхецтва» – Е. С. Глинский [7], для сеймиковых подтверждений – А. А. Винниченко [5], для источниковедческой критики – М. М. Улащик [22], справочный массив – А. Мацук [17]. Исходы кодируются бинарно; сводные данные – в Табл. 1–2 (доли округлены). Учитываются ограничения: смещение в пользу успешных подтверждений, усиление ретроспективности из-за поздних актований, особенно по XV в. [1; 2; 3], и неравномерная региональная представленность; эти факторы оговариваются при сопоставлении с историографией.

Результаты и их обсуждение. Представленный корпус из 63 дел XV–конца XVI вв. (XV в. – 6; XVI в. – 57) позволяет реконструировать не только стандарт «вывода шляхетства», но и его внутреннюю динамику: от локальных защищающих практик пограничных волостей к устойчивой процедуре, опирающейся на нормы Устава 1507 г. и Статутов 1529/1566/1588 гг. [9; 21]. Итоги количественного анализа и разбор характерных эпизодов подтверждают исходную установку исследования: «вывод» выступал одновременно правовым механизмом защиты статуса и инструментом социальной самоорганизации шляхетской общины, а его доказательный минимум складывался из сочетания родового свидетельства («кровные» по отцу и матери) и «вердикта сообщества» («люди добрые»), при обязательной фиксации через акты великокняжеской канцелярии либо аттестации должностных лиц.

Таблица 1.

Поводы к «выводу шляхетства» (по доминирующему мотиву)

Категория повода	XV в.	XVI в.	Итого	Доля
Принуждение к тяглу/путной службе/чиншу¹ <i>в т.ч. конфликты на почве волочной померы</i>	4	36	40	63,5%
Земельные и наследственно-имущественные споры (раздел вотчин, восстановление долей)	—	5	5	7,9%
«Нагана шляхецтва» и оскорбление чести (устное/публичное сомнение в родовитости)	1	8	9	14,3%
Дарование/гербовый ввод/натурализация (ввод в герб, пожалование шляхетства за службу, натурализация чужеземца)	—	5	5	7,9%
Реабилитация после утраты актов (пожары, утраченные листы; «восстановление прав»)	1	2	3	4,8%
Иное/неуточнённое	—	1	1	1,6%
ИТОГО	6	57	63	100,0%

Сводная картина мотивов обращений представлена в Табл. 1. Наиболее частотная причина – попытка перевести земян в сословие тяглых/подводных/путных либо навязать чины и поседей (40 из 63, 63,5 %). Эта линия тянется от ранних жалоб радунских, ейшишских и жемайтских бояр 1496 г. [13, с. 135, 145–146, 141–142] к многочисленным делам середины XVI в. и обостряется в связи с волочной померой [15].

Земельные и наследственно-имущественные споры (7,9 %) и «нагана шляхецтва» как оскорбление чести (14,3 %) образуют вторую и третью по значению группы [7]. Сравнимые по удельному весу идут дарования/гербовый ввод/натурализация (7,9 %) [1, с. 108–109], реабилитация после утраты актов (4,8 %) [1, с. 374–375], наконец, единичные «иные» случаи (1,6 %).

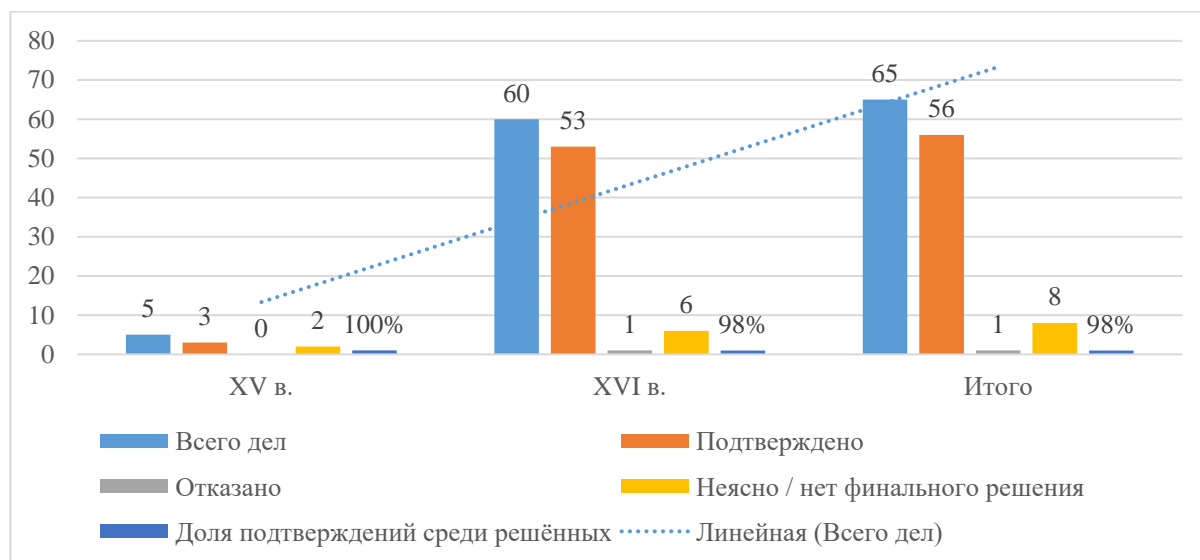

Рис. 1 Систематизация дел о выводе шляхетства (доля подтверждений)

По исходам массив демонстрирует выраженное преобладание успешных подтверждений. На Рис. 1 показана доля подтверждений в общей совокупности эпизодов; в нашем

наборе она составила $\approx 90,5\%$, отказы и незавершения – $\approx 9,5\%$. Высокая доля позитивных решений объясняется несколькими обстоя-

¹ В эту строку сведены дела о навязывании «простых» повинностей (толока, дякло), переводе из земской/конной в путную/подводную службу, а также споры, инициированные по итогам волочной померы (перемер земель, включение в «волоки», попытки перевести земян в тягло).

тельствами: 1) практикой обжалования «неправил» на ранних стадиях, когда заявители сами приходили с сильным доказательным комплектом; 2) селекцией источников (отрицательные решения и «срывы» процедуры хуже фиксировались); 3) опорой на локальные сети взаимного поручительства, хорошо описанные М. К. Любавским [15] и прослеживаемые в актах через повторяемость фамилий свидетелей и должностей (наместники, хорунжие, возные) [12; 13; 18; 19; 20]. Из методологических оговорок (см. ниже) вытекает осторожность при переносе этих долей на «все» практики вывода; тем не менее, в пределах изученного массива соотношение устойчиво.

Свод из 63 эпизодов позволяет рассматривать «вывод шляхетства» как процедуру, удерживающую одновременно имущественный порядок (земля и повинности), служебный порядок (вид и «правильность» службы) и порядок чести (публичная репутация рода). Количественно это выражается в высокой доле успешных подтверждений (Рис. 1), качественно – в доминировании конфликтов вокруг навязывания «простых» повинностей и перевода в путную/подводную службу (Табл. 1). Так устроена сама логика механизма: он создан не для исключения из сословия, а для восстановления нарушенной нормы.

Рассмотрим поводы к возникновению

необходимости доказательства родовитого происхождения (табл. 2). Самая вместительная группа – навязывание тягла, путной/подводной службы и чинша (63,5 %). Эти сюжеты хорошо считаются от конца XV в. до последней трети XVI в. Уже ранние жалобы радунских [13, с. 135], ейшишских [13, с. 145–146] и жемайтских [13, с. 141–142] «бояр-шляхты» 1496 г. показывают, как требование платить дякло и «ходить у поле» воспринималось как покушение на сам статус: в ответ заявители достают старые листы державцев, ссылаются на освобождение «ещё при Витовте» и фиксируют отсутствие в тяглых списках (эпизод ейшишских семей от 24 июля 1496 г.). В середине XVI в. эта логика соединяется с волочной померой: на Гродненщине у Юхновичей (1560 г.) в Лысковской волости землю «взяли на валок» без «отмены», и спор тут же переходит в плоскость статуса; заявители предъявляют лист витебского воеводы Матея Войцеховича Яновича, зовут соседей-земян, а суд проверяет «в книгах» – и именно отсутствие в списках тяглых становится решающим аргументом [19, с. 92–94]. Аналогичная цепочка «повинность – статус – книга» повторяется в делах волостей Жемайтии 1540-х гг. (Карклянская [1, с. 110], Вешвянская [1, с. 99–100], Паланговская [1, с. 108–109]), где тиуны и старосты быстро переводят земян в податные категории, а заявители отвечают массой местных поручительств и ссылками на давность службы.

Таблица 2

Виды доказательств, реально использованные в делах¹

Вид доказательств	Кол-во	Доля
Древние грамоты и жалованные листы великих князей (Витовт, Казимир, Александр, Сигизмунд Старый, Сигизмунд Август, Стефан Баторий)	≈32	≈51%
Свидетельства «людей добрых» – местной шляхты и земян (не кровные, хорунжие, возные, соседи-земяне)	≈28	≈44%
Аттестации должностных лиц (старосты, воеводы, наместники, «пан трокский/жемайтский», листы)	≈24	≈38%
Свидетельства кровных родственников по отцовской и материнской линиям (разд. 3, арт. 11 Статута; родичи «по отцу» и «по матери»)	≈22	≈35%
Королевские/вальные подтверждения статуса (паны-рада, вальный сейм; в т.ч. «вернуть права», «утвердить»)	≈12	≈19%
Выписки из «пописов»/реестров/книг (проверка «в книгах», отсутствие в инвентарях тяглых, списки хоругвей)	≈12	≈19%
Присяга (сакраментальная форма подтверждения)	≈6	≈10%
Гербовый ввод/усыновление в герб (напр., «Леў з муру», «Рэнэва»)	4	≈6%

¹ Применён многократный учёт, так как одно дело могло опираться сразу на несколько средств доказательства. Доли рассчитаны от общего числа дел (63). Сумма долей превышает 100% из-за возможности использования нескольких доказательств в одном деле

Отрицательное доказательство (поиск имени в старых книгах; отсутствие в сословиях тяглых)	≈3	≈5%
Иностранная/посольская аттестация (татарская шляхта: засвидетельствование послом Перекопского царя)	1	≈1–2%
Всего фиксаций по видам доказательств	>140	

Сомнение в родовитости (14,3 %) заводит спор в поле чести. Здесь язык процессуальных формул работает как фильтр: либо клеветник идёт в «вывод» по Статуту ВКЛ 1566 г. (разд. 3, арт. 11) [21], либо публично отказывается от своих слов. В истории Фёдора Евлашовского и Степана Пацкевича (1579 г.) истец принёс выписки из новгородского городского суда и поставил кровных свидетелей «по отцу» и «по матери»; ответчик сослался на норму об отказе от слова и уклонился – на нём остался штраф [20, с. 335–337]. Это показательный случай, как процедура «снимает» пустую «нагану» и не перегружает суд выводом, если оппонент не готов подтверждать сказанное.

Имущественные разделы редко идут без статуса: характерен спор Андрея Гневинского о долях в Бобрах и Биснянах, где признание шляхетства вернуло стороны к компромиссу [20, с. 152–157]. Небольшой пласт связан с дарованиями, гербовыми адопциями и натурализациями: ейшишские Балтрамеевичи (1551) и полоцкие Василь Миткович с Волком Гридковичем подтверждали статус через ввод «у клейнот» [1, с. 108–109]; жемайтский Самбор (1592) опёрся на древние листы Витовта (1415) и Александра (1491) [4, с. 239–241].

Реабилитации после утраты актов фиксируются преимущественно в конце XVI в.: Свенцяньские Стасевичи (1579) восстановили права на основе поручительств и локальных аттестаций [1, с. 374–375]. Ключевым доказательством оставались кровные свидетели и «память рода»: в деле Довборовичей (1562) показания по обеим линиям были «сшиты» с пописом 1534 г. [18, с. 24–26]. При отсутствии родичей действовал «голос повета»: радунские Круповичи допускали подтверждение одним-двумя достойными шляхтичами [1, с. 220–225], а хорунжий и соседи уточняли службу и «давность» владения (кейс Якуба Станислава Войшко) [14, с. 132–133].

Ряд шляхтичей обращались к древним книгам, в которых содержалась информация

об их причастности к службе в войске. Древние грамоты и жалованные листы (≈ 51 %), как правило, читаются в связке с выписками (≈ 19 %) и «служебными» письмами державцев и старост (≈ 38 %). Когда браславские Рубиничи (1580 г.) жалуются на попытку их «зробіць простымі людзьмі», староста Федор Скумин проверяет реестры и, не находя их среди тяглых, подтверждает шляхетство – это чистое «отрицательное доказательство», уже проверенное ещё в 1496 г. в Ейшишках [1, с. 377–379; 13, с. 145–146]. А в истории 1528 г. Павел Юрьевич и братья добиваются привилегия на исключительно конную службу именно после опроса хорунжего и «других бояр», то есть после стыковки «памяти службы» с институциональным знанием книги [12, с. 209–210].

Королевские и вальные подтверждения (≈19 %) закрепляют результат и тем самым обеспечивают его правовую воспроизводимость. Присяга (≈10 %) – как в менском деле 1582 г. с Себастьяном Станиславовичем – служит дополнительной верификацией уже собранного доказательного комплекса [3, с. 77]; гербовый ввод (≈6 %) оформляет включение в гербовое сообщество. Иностранная аттестация фиксируется единично, но показательно: копия 1595 г. к «выводу» 1557 г. по татарской шляхте Виленского повета содержит засвидетельствование рода Карачи Кипчака послом Перекопского царя Асламом Кгиреевым Кандюком; в сочетании с внутренними доказательствами этого оказалось достаточно для признания статуса [2, с. 229–230].

Таким образом, заметно, что во второй половине XVI в. письменные записи в книгах стали основной опорой сословной обороны [18; 19; 20]. Из этого вырастает техника «отрицательного доказательства»: отсутствие в тяглых инвентарях становится положительным доводом в пользу шляхетства; наличие в описях конной службы – добавочным аргументом «правильной» повинности [1, с. 377–379; 13, с. 145–146]. Потому в «волочных»

конфликтах (Юхновичи, 1560 г.; длинная радунская линия Круповичей) справедливое решение почти всегда опирается на записи в описях [19, с. 92–94; 1, с. 220–225].

Если в конце XV в. преобладают жалобы «по совести» и запись воспринимается как дополнительная справка [13, с. 135; 141–146], то в первой половине XVI в. закрепляется практика подтверждений через обращение к местной администрации и проверке наличия великокняжеских грамот [12, с. 209–210; 21]. В последней трети XVI в. добавляется язык чести и риторика публичной «наганы», что связано с развитием как самой процедуры, так и понимания выгод того или иного исхода участвующими сторонами [7]. С одной стороны, оскорбленный шляхтич мог подтвердить свое шляхетство, тем самым процедура фиксировала его статус документально, что в последующем могли использовать его наследники. С другой стороны, отсутствие любых доказательств шляхетства часто использовать в корыстных целях: одни шляхтичи заявляли о «крестьянском происхождении» других шляхтичей, которые в итоге не могли подтвердить свое происхождение и теряли статус, землю и прочую собственность в пользу оскорбителя.

Глядя на проанализированный комплекс документов, нельзя не заметить соотношение дел, исход которых был положительным для оскорбленных шляхтичей. Это объясняется, во-первых, архивной селекцией: сохраняются прежде всего результаты, которыми пользуются потомки. Потому положительные решения чаще переписывались (актование XVII–XVIII вв.) [1; 3] и переживали неблагоприятные обстоятельства; отрицательные и незавершённые выводы – редки, к тому же записывать то, чем никто не воспользуется – нерационально даже с точки зрения траты такого ресурса для письма. Во-вторых, корпоративная рациональность предполагает, что повет заинтересован в сохранении «своих». Оттого заявители несут «максимум» подтверждений – родичи, люди добрые, листы, выписки, и спор чаще «закрывается» подтверждением. В-третьих, региональная неравномерность: Жемайтия и западные поветы документированы гуще; восточные территории дают меньше наблюдений, искажая общее соотношение исходов.

Повторяемость «людей добрых» и должностных лиц в пределах одних волостей позволяет выстраивать «кольца поручительства» – на этом основании реконструируются локальные корпорации шляхты [23]. Совмещение «памяти» с описями и «служебными» листами даёт рабочий инструмент проверки поздних генеалогий, особенно когда опора – актованные копии [6; 1; 3; 18]. Картина поводов узлов по волочной помере помогает локализовать и датировать напряжение статусов. Минимальный комплект (кровные по обеим линиям + люди добрые + древний лист/выписка) служит формуляром для первичного описания новых находок в архивах, не смешивая «вывод» с дарованием или гербовым вводом.

Заключение (выводы). В ВКЛ «вывод шляхетства» прошёл путь от локальной жалобной практики, опиравшейся на память рода, поручительства «людей добрых» и аргумент «нет у тяглых», к устойчивой судебно-канцелярской процедуре с «минимальным комплектом» доказательств (кровные по обеим линиям, общинное поручительство, древний лист, выписки и подтверждения канцелярии), а в последней трети XVI в. – с обязательным преобладанием письменных свидетельств. На этом фоне оформляется корпоративизация сословия: «вердикт сообщества» функционирует как фильтр при попытках перевода в «простые» разряды или лишения прав на землю и службу. Волочная помера переводит споры о повинностях в споры о статусе и закрепляет язык актов и реестров. Ключевым институтом становятся суды, через которые шляхта осваивает и стандартизирует практики доказательства происхождения.

Вклад автора состоит в реконструкции реальной доказательной матрицы «вывода шляхетства» и описании её прикладных правил как действующего социального института. Показано, как в «пакете доказательств» сочетаются родовые свидетельства («по отцу» и «по матери»), вердикт сообщества (коллективные поручительства местной шляхты) и документальные опоры (древние листы, выписки, служебные аттестации). Описан стандартный минимум и его устойчивые вариации (присяга, подтверждения должностных лиц, гербовый ввод), зафиксирован

переход к механизму отрицательного доказательства (книжная проверка и фиксируемое отсутствие в тяглых реестрах). Новизна: «вывод шляхетства» впервые показан целостно как социальный институт с собственными практиками и риторикой.

Дальнейшая программа включает: (1) продление наблюдений на XVII–XVIII вв. – после закрепления обязательного обращения к документам – с проверкой, как меняется композиция доказательств и доля успешных исходов; (2) сопоставление литовской и коронной практик «доказу шляхетства» для выделения общих формул и локальных различий (роль

воеводских судов, вес гербовых вводов, книжные проверки); (3) конфессионально-этнический срез, включая татарскую шляхту и натурализации, с фиксацией специфики пакетов доказательств; (4) системное чтение «языка чести» и процессуальных формул как инструмента управления конфликтом (какие речевые и канцелярские конструкции переводят спор из статуса в имущество и обратно). Подобный переход от описания норм к анализу реально применённых средств подтверждения расширяет источниковедческий инструментарий и углубляет понимание социального механизма шляхетского порядка.

Список литературы

1. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXIV. Акты о боярах. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1897. 590 с.
2. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXI. Акты о литовских татарах. Вильна: Тип. «Русский Почин», 1906. 628 с.
3. Акты Виленской археографической комиссии: Том XXXVI. Акты Минского гродского суда. Вильна: Эл.-Тип. «Русский Почин», 1912. 501 с.
4. Архив Юго-Западной России: Часть 1. Том I. Киев: Университетская типография, 1859. 640 с.
5. Вінниченко О.О. Боснійські шляхтичі та доведення ними шляхетства на сеймику Подільського воєводства 1738 р. (До питання про замкненість шляхетського стану в Речі Посполитій) // Генеалогічні записки. 2014. Вип. 12. С. 49–64.
6. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 8, ч. 1. К (Каборды – Карэцкія) / Я.С. Глінскі [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. Мінск: Беларусь, 2022. 927 с.
7. Глінскі Я.С. Працэс аб «нагане шляхецтва» ад 1562 г. і паходжанне зямянскага роду Браневічаў-Бранавіцкіх // Архіварыус. 2019. Вып. 17. С. 39–57.
8. Глінскі Я.С. Вывады шляхецтва зямямі Слуцкага і Капыльскага княстваў у XVII–XVIII стст.: інтэрпрэтацыя і верыфікацыя звестак // Матэрыялы VII Міжнар. навук.-практ. канф., Віцебск, 27–29 крас. 2023 г.: у 2 т. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.М. Дулаў, М.Ф. Румянцава (адк. рэд.) [і інш.]. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2023. Т. 1. С. 229–231.
9. Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Tom II. Wilno: W drukarni A.H. Kirkora, 1862. 370 s.
10. Лаппо И.И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 51–113.
11. Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 6. С. 192–264; 1908. № 3. С. 53–87; № 5. С. 136–167; № 6. С. 245–298; № 7. С. 1–56; № 8. С. 49–56; 1909. № 2. С. 225–269; № 3. С. 44–88.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 / Parengė D. Antanavičius, L. Karalius. Vilnius: LII leidykla, 2008. 642 c.
13. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6. Vilnius: LII leidykla, 2007. 515 c.
14. Lietuvos metrika (1554–1568). 35-oji Teismų bylų knyga / S. Viskantaitė-Saviščeviienė, I. Valikonytė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. 798 c.
15. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям. Москва: Московская художественная печатня, 1915. 401 с.

16. Мальдзіс А.І. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў. Мінск: Маст. літ., 2009. 477 с.
17. Мацук А.У. Павятовыя соймакі ў Вялікім Княстве Літоўскім у часы панавання Аўгуста III (1736–1763 гг.) // Вялікае Княства Літоўскае: сучасныя беларускія даследаванні / пад рэд. А. Грушы; Еўрап. гуманітар. ун-т. Вільнюс, 2024. С. 141–174.
18. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566) / Падрыхт. А.І. Груша. Мінск: Арты-Фэкс, 2001. 229 с.
19. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 42 (1556–1562 гг.): Кніга запісаў № 42 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. В.С. Мянжынскі. Мінск: Беларуская навука, 2015. 190 с.
20. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 272 (1576–1579): кніга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.). Мінск: Беларуская навука, 2015. 436 с.
21. Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2010. С. 436–689.
22. Улашчык М.М. Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі: з рукапіснай спадчыны. Мінск, 2000. 86 с.
23. Rachuba A. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2020. 405 s.
24. Semkowicz W. W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego [Электронный ресурс] // Kwartalnik Historyczny. 1915. Т. XXIX, № 1/4. S. 224–256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w_w_sprawie_pocz%C4%85tk%C3%B3w_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (дата обращения: 09.06.2025).

EVOLUTION OF FORMS AND PRACTICES OF PROOF («INFERENCE») OF NOBILITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (LATE XV – LATE XVI CENTURIES)

The article traces the evolution of the procedure for confirming noble status («vyvod shlyakhetskva») in the Grand Duchy of Lithuania from the late 15th to the late 16th century. It demonstrates how the «complaint-based» practices of late medieval localities, relying on family memory and endorsements of the local elite, were gradually transformed into a stable judicial–chancellery procedure embedded in the norms of the 1507 «Ustava» and the Statutes of Lithuania of 1529, 1566, and 1588. Based on court books, privileges, and later confirmations, the study reconstructs the actual evidentiary procedure: a combination of kin witnesses «by the father» and «by the mother,» the «verdict of the community» («good people»), ancient charters and letters, extracts from registers, and attestations by officials; it also identifies the roles of oaths, heraldic adoption, and occasional foreign attestations. The analysis reveals the dominance of cases related to the imposition of «common» obligations and transfer into corvée or transport service (including in the context of the Vok reform), alongside a steady block of cases concerning «slander of nobility» and the rehabilitation of rights after the loss of documents. The study argues that by the second half of the 16th century a mechanism of «negative proof» emerged (verification «in the books» as evidence in favor of status). The article concludes with the observation of corporate consolidation of the estate and the formation of a «minimum package» of proofs as a practical standard of the procedure. A research agenda is outlined: extension of observations into the 17th–18th centuries, comparison with the Crown's practices, a confessional–ethnic perspective (including Tatar nobility and naturalizations), and systematic analysis of the rhetoric of honor and procedural formulas.

Keywords: proof of nobility; Grand Duchy of Lithuania; nobility; evidence of nobility; Vok reform; slander of nobility; social history; history of Belarus; history of Lithuania; GDL history.

References

1. Akty Vilenskoj arkheograficheskoi komissii: Tom XXIV. Akty o boiarakh [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXIV. Acts concerning boyars]. Vil'na: Tip. A.G. Syrkina, 1897. 590 s.
2. Akty Vilenskoj arkheograficheskoi komissii: Tom XXXI. Akty o litovskikh tatarakh [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXXI. Acts on Lithuanian Tatars]. Vil'na: Tip. «Russkii Pochin», 1906. 628 s.

3. Akty Vilenskoï arkheograficheskoi komissii: Tom XXXVI. Akty Minskogo grodskogo suda [Acts of the Vilnius Archaeographic Commission: Vol. XXXVI. Acts of the Minsk Castle Court]. Vil'na: El.-Tip. "Russkii Pochin", 1912. 501 s.
4. Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii: Chast' 1. Tom I [Archive of South-Western Russia: Part 1, Vol. I]. Kiev: Universitetskaia tipografiia, 1859. 640 s.
5. Vinnichenko O.O. (2014) Bosniis'ki shliakhtychi ta dovedennia nymy shliakhetstva na seimyku Podil's'koho voievodstva 1738 r. (Do pytannia pro zamknienist' shliakhets'koho stanu v Rechi Pospolytii) [Bosnian nobles and their proof of nobility at the Podolian Voivodeship sejmik in 1738 (On the closed nature of the noble estate in the Commonwealth)] // *Henealohichni zapysky*. 2014. Vyp. 12. S. 49–64.
6. Herbounik belaruskai shlyakhty. T. 8, ch. 1. K (Kabordy – Karetskiia) [Armorial of the Belarussian Nobility. Vol. 8, part 1. K (Kabordy – Karetskiya)] / Ya.S. Hlinski [i insh.]; navuk. red. A. Rakhuba. Minsk: Belarus', 2022. 927 s.
7. Hlinski Ya.S. (2019) Pratses ab «nahane shlyakhetstva» ad 1562 g. i pokhodzhannie ziamianskaha rodu Branevichau-Branavitskikh [The 1562 case of "slander of nobility" and the origin of the Branewicz–Branawicki petty-gentry line] // *Arkhivarius*. 2019. Vyp. 17. S. 39–57.
8. Hlinski Ya.S. (2023) Vyvady shlyakhetstva ziamianami Slutskaha i Kapyl'skaha kniastvau u XVII–XVIII stst.: interpretatsyia i veryfikatsyia zvestak [Proofs of nobility by the petty gentry of the Slutsk and Kapyl' principalities in the 17th–18th centuries: interpretation and verification of data] // *Materyialy VII Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., Vitsebsk, 27–29 kras. 2023 g.: u 2 t. / Vitseb. dziarz. un-t; redkal.: A.M. Dulau, M.F. Rumiantava (adk. red.) [i insh.]. Vitsebsk: VDU imia P.M. Masherava, 2023. T. 1. S. 229–231.*
9. Daniłowicz I. (1862) Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Tom II [Treasury of papal, imperial, royal and ducal diplomas; national resolutions and acts of various authorities for the critical elucidation of the history of Lithuania, Lithuanian Ruthenia and neighboring lands. Vol. II]. Wilno: W drukarni A.H. Kirkora. 370 s.
10. Lappo I.I. (1908) Grodskii sud v Velikom kniazhestve Litovskom v XVI stoletii [The Castle Court in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1908. N 1. S. 51–113.
11. Leontovich F.I. (1907–1909) Pravospodobnost' litovsko-russkoi shliakhty [Legal capacity of the Lithuanian–Ruthenian nobility] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1907. N 6. S. 192–264; 1908. N 3. S. 53–87; N 5. S. 136–167; N 6. S. 245–298; N 7. S. 1–56; N 8. S. 49–56; 1909. N 2. S. 225–269; N 3. S. 44–88.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 [Lithuanian Metrica. Book No. 14 (1524–1529): Record Book 14] / Parengė D. Antanavičius, L. Karalius. Vilnius: LII leidykla, 2008. 642 s.
13. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506): Užrašymų knyga 6 [Lithuanian Metrica. Book No. 6 (1494–1506): Record Book 6]. Vilnius: LII leidykla, 2007. 515 s.
14. Lietuvos metrika (1554–1568). 35-oji Teismų bylų knyga [Lithuanian Metrica (1554–1568). 35th Book of Court Cases] / S. Viskantaitė-Saviščeviienė, I. Valikonytė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. 798 s.
15. Liubavskii M.K. (1915) Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vklyuchitel'no: s prilozheniem teksta khartii, vydannykh Velikomu kniazhestvu Litovskomu i ego oblastiam [An outline of the history of the Lithuanian–Ruthenian state up to and including the Union of Lublin: with charters issued to the Grand Duchy of Lithuania and its provinces]. Moskva: Moskovskaia khudozhestvennaia pechatnia. 401 s.
16. Maldzis A.I. (2009) Yak zhyli nashy prodki u XVIII stagoddzi: ese; Vosen' pasiarod viasny: apovests', satkanaya z histarychnykh materyialau i miasttsovykh padanniau [How our ancestors lived in the 18th century: essays; Autumn in the midst of spring: a tale woven from historical materials and local traditions]. Minsk: Mast. lit. 477 s.

17. Matsuk A.U. (2024) Piaviatovyia soimiki u Vialikim Kniastve Litouskim u chasy panavania Auhusta III (1736–1763 gg.) [County sejmiks in the Grand Duchy of Lithuania during the reign of Augustus III (1736–1763)] // Vialikae Kniastva Litouskae: suchasnyia belaruskia dasledavanni / pad red. A. Grushy; Eŭrap. humanit. un-t. Vilnius, 2024. S. 141–174.
18. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga: Kniga 44: Kniga zapisau 44 (1559–1566) [Lithuanian Metrica: Book 44: Record Book 44 (1559–1566)] / Padrykht. A.I. Grusha. Minsk: Arty-Feks, 2001. 229 s.
19. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga. Kniga 42 (1556–1562 gg.): Kniga zapisau № 42 (kopia kantsa XVI st.) [Lithuanian Metrica. Book 42 (1556–1562): Record Book No. 42 (late-16th-century copy)] / Padrykht. V.S. Mianzhynski. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. 190 s.
20. Metryka Vialikaha Kniastva Litouskaga. Kniga № 272 (1576–1579): kniga sudovykh sprau № 58 (kopia kantsa XVI st.) [Lithuanian Metrica. Book No. 272 (1576–1579): Court Cases Book No. 58 (late-16th-century copy)]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. 436 s.
21. Statuty Vialikaha Kniastva Litouskaga 1529, 1566 i 1588 gg. [Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566 and 1588] // Vialikae kniastva Litouskae: entsyklapedyia. T. 3. Dadatak. A–Ia / redkal.: T.U. Bielova (gal. red.) [i insh.]. Minsk: BelEn, 2010. S. 436–689.
22. Ulashchuk M.M. (2000) Memuary i dziunniki yak krynitsy historyi Belarusi: z rukapisnai spadchyny [Memoirs and diaries as sources on the history of Belarus: from the manuscript legacy]. Minsk. 86 s.
23. Rachuba A. (2020) Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek [Officials of the Grand Duchy of Lithuania. Lists, vol. VIII, Brest Land and Brest Voivodeship, 14th–18th centuries]. Warszawa. 405 s.
24. Semkowicz W. (1915) W sprawie początków szlachty na Litwie i jej ustroju rodowego [On the origins of the nobility in Lithuania and its clan structure] [Electronic resource] // *Kwartalnik Historyczny*. 1915. T. XXIX, № 1/4. S. 224–256. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/gensem/semkowicz_w._w_sprawie_początków_szlachty_na_litwie_i_jej_ustroju_rodowego.html (accessed: 09.06.2025).

Об авторе

Красинский Иван Викторович – аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь), E-mail: iankrasinski@gmail.com

Krasinski Ivan Viktorovich – PhD student at the Department of the History of Belarus of Ancient Times and the Middle Ages, Faculty of History, Belarusian State University (Belarus), E-mail: iankrasinski@gmail.com

УДК 94((47+57)+597)"1979/1986":37.014.3

Кудрявцев В.Ю., кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России, Курский государственный университет (Россия)

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ (1979-1986 ГГ.)

В статье рассматриваются основные направления и результаты советской помощи в реализации реформы школьного образования в Социалистической Республике Вьетнам в 1979-1986 гг. Масштабные изменения во Вьетнаме в указанный период были связаны с необходимостью построения единой национальной системы школьного образования после объединения страны, обучения и воспитания всесторонне развитого гражданина социалистического государства. Отмечено, что благодаря СССР произошла адаптация учебных программ к реалиям сложившейся во Вьетнаме ситуации, в образовательный процесс были интегрированы достижения советской школы. Выделен комплекс мер, включавший проведение курсов повышения квалификации для вьетнамских учителей, организацию обучения граждан СРВ в советских педагогических ВУЗах, активизацию сотрудничества между пединститутами двух стран, а также подготовку вьетнамских преподавателей высшей школы. Указано, что данные меры обеспечили прогресс в рамках насыщения школ СРВ квалифицированными учителями. Приведены сведения, подтверждающие, что советская помощь обусловила улучшение ситуации с материально-техническим обеспечением вьетнамских школ. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что для СССР помощь Вьетнаму в реализации реформы школьного образования имела важное имиджевое и политическое значение. Оно заключалось в получении возможностей для демонстрации преимуществ социалистического пути развития, улучшении перспектив постепенной замены советских специалистов, задействованных в планах развития народного хозяйства СРВ, местным персоналом.

Ключевые слова: СССР, СРВ, реформа школьного образования, советско-вьетнамское сотрудничество, организация образовательного процесса, подготовка преподавателей, материально-техническое обеспечение школ.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-62-72

Введение. 2025-2026 гг. обещают стать периодом важных реформ в российской системе школьного образования. Согласно приказу Министерства просвещения РФ с 1 сентября 2025 г. будут внесены изменения в части количества часов, отводимых на реализацию дисциплин «История» и «Обществознание». Предполагается регламентировать максимальное количество контрольных и проверочных работ, ввести перечень проверяемых требований к метапредметным и предметным результатам при проведении процедур оценки качества образования [32]. С 2026 г. планируется переход на единые государственные учебники по истории, обществознанию и основам духовно-нравственной культуры России [36]. Указанный комплекс мер призван сократить нагрузку на обучающихся, адаптировать учебные программы к текущим образовательным потребностям и, в целом, модернизировать систему школьного образования.

Планируемые изменения, во многом, связаны с переосмыслением советского опыта, возвратом к практикам, прошедшим проверку временем. На текущий момент в российском обществе доминирует положительное восприятие системы школьного образования, существовавшей в СССР. Многие родители сегодняшних школьников считают, что советская система «была самой лучшей», отмечая доступность и качество, получаемого в СССР образования [26, с. 5]. Схожей позиции придерживается значительная часть современных исследователей, выделяющих в числе сильных сторон советской школы высокую педагогическую культуру учителей, широкую теоретическую базу, наличие системы шефства, приверженность традиционной педагогике, сочетание высоких уровней естественно-научной и историко-гуманитарной подготовки, ясность и согласованность целевых и ценностных установок [34, с. 285; 33, с. 9; 29, с. 51; 1, с. 3].

По нашему мнению, несмотря на все сложности и отдельные неудачные решения, в СССР удалось выстроить эффективную, зарекомендовавшую себя с лучшей стороны систему школьного образования. Более того, советская школа пользовалась известностью на международной арене, являясь образцом для государств социалистического лагеря. Одной из стран, пример которой доказывает данное утверждение, была Социалистическая Республика Вьетнам.

Образованная в 1976 г. СРВ являлась ключевым военно-политическим союзником СССР в Юго-Восточной Азии, важнейшим плацдармом для распространения советского влияния в регионе. СССР оказывал комплексную помощь в развитии экономики союзника, что, в первую очередь, объяснялось заинтересованностью советского руководства в превращении СРВ в южноазиатскую «витрину социализма». На рубеже 1970-1980-х гг. на фоне системного кризиса вьетнамского народного хозяйства вовлеченность СССР во внутриэкономические процессы Вьетнама достигла исторического максимума. В подобной ситуации ключевое значение приобретали меры, направленные на снижение зависимости СРВ от советской помощи. На первое место в структуре сотрудничества сторон вышла подготовка кадров для вьетнамской экономики. Интенсификация взаимодействия в данной области происходила в условиях масштабных образовательных реформ, проводимых в СРВ в период 1979-1986 гг. Реформы предполагали, в том числе, значимые изменения в системе школьного образования.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной историографии имеется немалое количество работ, в которых затрагиваются различные аспекты названных выше реформ. Значительный интерес представляют исследования Чан Тхи Диеу [37], Ле Ван Выонга [27], Нгуен Тхи Фыонга [31], Ты Дык Вана [35]. В работах указанных авторов дана характеристика целей руководства СРВ в рамках реформ, рассмотрены основные изменения в системе школьного образования, указаны результаты нововведений. Информация о содержании и итогах реформы школьного образования в СРВ также имеется в ряде работ англоязычных авторов [42; 41; 40; 39]. В целом, исследователи сходятся во мнении,

что реализованный комплекс преобразований соответствовал потребностям развития молодого социалистического государства, стремившегося достичь значимых успехов в своем развитии.

Вместе с тем на сегодняшний день в работах исследователей практически отсутствуют сведения, позволяющие оценить роль СССР в рамках проводимых реформ. На наш взгляд, требуют уточнения вопросы, связанные с советской помощью в организации образовательного процесса в школах Вьетнама, подготовке вьетнамских педагогических кадров, а также с материальным вкладом СССР в реализацию реформы школьного образования. Предлагаемая статья ориентирована на устранение данных пробелов.

Цель статьи – дать характеристику основным направлениям и результатам помощи СССР в реализации реформы школьного образования в СРВ.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с момента принятия Постановления ЦК Коммунистической партии Вьетнама №14-NQ/TW «О реформе образования» в январе 1979 г. и вплоть до декабря 1986 г., когда в СРВ был дан старт политике обновления («Дой Мой»), связанной с пересмотром модели развития страны, рыночными преобразованиями и, в целом, с масштабными изменениями во всех сферах жизни государства и общества. Рассматриваемый период представляет значительный научный интерес, что объясняется ранее упомянутой интенсификацией советско-вьетнамского сотрудничества в области подготовки кадров. В условиях начавшейся реформы советское руководство было заинтересовано в появлении у союзника системы школьного образования, способной дать обучающимся фундаментальные знания, необходимые для будущей профессиональной деятельности, воспитать поколение специалистов, соответствующее актуальным потребностям развития страны.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступают советско-вьетнамские отношения в середине 1970-х – середине 1980-х гг. Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективности, реализация которых позво-

лила учесть совокупность факторов, оказавших влияние на развитие школьного образования в СРВ в рассматриваемый период.

Основное содержание реформы школьного образования в СРВ. К моменту провозглашения СРВ Вьетнам оказался в ситуации отсутствия единой национальной системы школьного образования. Наследием Второй индокитайской войны (1965-1973 гг.) стало одновременное существование в стране двух, существенно отличавшихся друг от друга школьных систем. В период отражения американской агрессии школьное образование в Северном Вьетнаме являлось социалистически-ориентированным и выполняло задачи, связанные с идеологическим противостоянием с поддерживаемым капиталистическими странами Югом. В то же время в Южном Вьетнаме выстраивалась неокOLONиальная система, функционировавшая в русле следования западным ценностям. Срок школьного обучения на Севере составлял 10 лет, на Юге – 12. Существенные различия имелись в методике преподавания, процессе подготовки педагогических кадров, организации учебного процесса, взглядах на образовательные потребности и результаты обучения [38, р. 93, 111].

Первостепенной задачей руководства СРВ являлось создание унифицированной системы, адаптированной к условиям единого социалистического Вьетнама. Страна нуждалась в «повышении качества всестороннего образования и создании новых групп трудящихся, выступающих в роли коллективных собственников», способных «взять на себя народное дело построения социализма» [37, с. 288].

В рамках начатой в 1979 г. реформы в СРВ была введена 12-летняя система всеобщего образования, включавшая основную 9-летнюю, предназначенную для детей с 6 до 15 лет, и среднюю 3-летнюю школы [28, с. 42]. В масштабах всей страны были согласованы цели и методы обучения, произошла интеграция социалистических идей и принципов в содержание образования, стали появляться новые учебники, в стенах школ была интенсифицирована воспитательная работа. Для становления и развития «социалистической личности», характеризующейся инициативностью, креативностью, приверженностью

здоровому образу жизни и идеям коллективизма, учеба в школе сочеталась с активной трудовой и общественной деятельностью. Важным аспектом реформы являлась разработка и последующая реализация новых учебных программ. Предполагалось сделать акцент на сближении теории и практики, формировании у обучающихся научного и технического типов мышления, воспитании «революционных чувств» и «интереса к труду ради общего блага». Была поставлена задача укрепить материально-техническую базу школ, привлекать учебные заведения к «активному содействию в построении нового общества» [37, с. 286-289].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что содержание проводимой в рассматриваемый период реформы школьного образования было, в первую очередь, связано с необходимостью построения единой национальной системы после объединения страны, обучения и воспитания всесторонне развитого гражданина социалистического государства.

Советская помощь в организации образовательного процесса в школах Вьетнама. В первую очередь, следует отметить, что советские специалисты приняли деятельное участие в разработке учебных программ, интегрированных в образовательный процесс школ СРВ в период проведения реформы. В 1979 г. Министерство просвещения СРВ направило в НИИ содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР проекты программ по большинству школьных предметов. Изучив представленные проекты, советская сторона пришла к выводу, что вьетнамские специалисты уделили чрезмерное внимание отдельным темам в ущерб времени, отведенному на повторение материала. Программы являлись излишне усложненными и перегруженными, в курсе истории был допущен «неоправданный концентризм» в освещении событий второй половины XX в. Проекты программ во многих аспектах являлись недостаточно проработанными и нуждались в модернизации [7, л. 9-11].

Перегруженность и излишняя усложненность учебных программ, в первую очередь, объяснялись тем, что руководство СРВ стремилось в сжатые сроки достичь уровня школьного образования СССР. Вьетнамские

чиновники неоднократно подтверждали намерения страны ориентироваться на советскую школу. Например, в 1980 г. первый секретарь ханойского городского комитета КПВ Ле Ван Лыонг заявлял, что Вьетнам «гордится преимуществами, которые дает социалистическое общество в деле народного образования». По его словам, целью руководства СРВ являлось последовательное, тщательное изучение передового опыта СССР в области просвещения. Аналогичные тезисы содержались в публикациях вьетнамских СМИ. Так, летом того же года в газетах «Нян Зан», «Ханой Мой», «Нгьон Зяо» был напечатан ряд статей, в которых рассказывалось об образцовых достижениях школьного образования в СССР [16, л. 49-50].

Вместе с тем, как было отмечено ранее, на рубеже 1970-1980-х гг. вьетнамская экономика погрузилась в состояние системного кризиса, что, в том числе, негативно отразилось на материально-техническом обеспечении школ. Полная ликвидация наследия неокOLONиальной системы школьного образования в Южном Вьетнаме требовала продолжительного времени. В отдаленных приграничных районах СРВ и на плато Тэйнгуен уровень грамотности составлял лишь 30-40%. Значительное число детей было вынуждено прервать свое обучение из-за военных конфликтов против Кампучии и Китая, а также ряда крупнейших в истории СРВ стихийных бедствий, произошедших во второй половине 1970-х гг. [20, л. 57]. Из 54 национальностей, проживавших во Вьетнаме, только 7 имели письменность [8, л. 10]. В подобных условиях сложные и насыщенные программы не отвечали образовательным потребностям значимого числа школьников и создавали риски появления широкого спектра трудностей у детей в процессе обучения.

19 октября 1979 г. в СССР прибыла делегация Минпросвещения СРВ в составе 10 человек. В первый день визита в НИИ СиМО было организовано совместное заседание, на котором глава вьетнамской делегации Май Суан Сан рассказал о задачах начального этапа реализации реформы школьного образования. Вьетнамская сторона выслушала замечания советских коллег по представленным ранее проектам программ. В течение следующих

двух недель сотрудники НИИ СиМО оказывали вьетнамским специалистам постоянную консультативную помощь. Результатом стало уточнение вопросов, связанных с реализацией краеведческого аспекта в программе географии, содержанием тем в курсах по гуманитарным дисциплинам, номенклатурой лабораторных работ по химии и физике. Были даны рекомендации по реализации учебных программ для профильных классов, способам упрощения отдельных курсов [7, л. 3-11]. Участие в модернизации проектов учебных программ также принял НИИ трудового обучения и профориентации, специалисты которого помогли вьетнамской делегации уточнить приоритетные направления воспитательной работы в школе [15, л. 23].

В первые годы после начала реформы школьного образования вьетнамская сторона находилась в постоянном контакте с советскими учеными. В СССР направлялись как организаторы, так и исполнители реформы. Например, в 1979 г. в НИИ физиологии детей и подростков АПН СССР был командирован заведующий отделом физического воспитания и начальной военной подготовки НИИ педагогики СРВ Фам Кхак Хок. Вьетнамский специалист посетил ведущие школы Москвы, где присутствовал на открытых уроках, ознакомился с материально-технической базой образовательных учреждений, провел ряд бесед с учителями. Советские педагоги и Фам Кхак Хок обменялись мнениями о путях улучшения качества физического воспитания школьников в СРВ. Сотрудники НИИ физиологии детей и подростков дали ценные рекомендации, в дальнейшем учтенные в процессе разработки и внедрения учебной программы по физической культуре [7, л. 27].

На протяжении 1979-1986 гг. в образовательный процесс вьетнамских школ активно внедрялся советский опыт организации и управления школьными библиотеками, проведения процедур оценки качества образования, обеспечения патриотического воспитания, поддержания благоприятного морально-психологического климата в детском коллективе [17, л. 40-49; 10, л. 1]. С учетом актуальных потребностей вьетнамской системы школьного образования и хода проведения реформы постоянно улучшались учебные

программы. В целом, благодаря советской помощи произошла адаптация учебных программ к реалиям сложившейся в СРВ ситуации, в образовательный процесс были интегрированы достижения советской школы.

Советская помощь в подготовке вьетнамских педагогов. Одним из ключевых условий обеспечения образовательного процесса в ситуации проведения реформы школьного образования являлось появление достаточного числа квалифицированных учителей. На рубеже 1970-1980-х гг. на 12,5 млн обучающихся во Вьетнаме насчитывалось порядка 350 тыс. школьных педагогов. Сопоставив указанные данные следует сделать вывод, что на 35 детей приходился всего 1 учитель. В ситуации дефицита кадров становились неизбежными высокая нагрузка на преподавателей, отсутствие возможностей для обеспечения должного внимания каждому ученику [8, л. 10].

В стране функционировало 8 педагогических институтов, в каждой провинции имелось педагогическое училище. Однако, даже в ведущих образовательных учреждениях страны, таких как Ханойский педагогический институт, отсутствовали условия для обеспечения качественной подготовки специалистов. Наблюдались регулярные перебои в подаче электроэнергии, не хватало учебников и методической литературы, в дефиците была даже бумага. Программы подготовки педагогов во многих аспектах являлись устаревшими и требовали переработки [17, л. 66-67]. Указанные обстоятельства, в первую очередь, объяснялись экономическими сложностями, которые испытывала СРВ на фоне последствий ряда военных конфликтов и стихийных бедствий второй половины 1970-х гг.

Советская сторона предприняла ряд шагов по смягчению сложившейся ситуации. В образовательные учреждения СРВ регулярно направлялись специалисты ведущих советских ВУЗов и Академии педагогических наук СССР, силами которых проводились курсы повышения квалификации для вьетнамских учителей. На занятиях рассматривались вопросы, связанные с актуальными проблемами методики преподавания школьных дисциплин, разработкой дидактических материалов, способами формирования диалектико-

материалистического мышления у обучающихся, социально-психологическими аспектами труда учителя [6, л. 2-3; 9, л. 4-5]. В результате прохождения курсов повышения квалификации вьетнамские педагоги получали возможность использования передового советского опыта в организации учебно-воспитательного процесса.

В период активной реализации образовательной реформы в 1981-1985 гг. ежегодный план приема вьетнамских студентов в советские ВУЗы (на все специальности) в среднем составлял 711 человек. [24, л. 1; 21, л. 1; 22, л. 4; 23, л. 14; 25, л. 1]. Образовательные учреждения педагогической направленности имели высокую востребованность среди граждан СРВ. В 1981 г. вьетнамские студенты были впервые зачислены в педагогические институты в Липецке и Орле. В сравнении с пятилеткой, предшествовавшей проведению образовательной реформы, численность студентов из Вьетнама увеличилась в ведущих педагогических ВУЗах Ленинграда, Москвы и Воронежа [13, л. 27-37]. В некоторых ВУЗах СССР контингент вьетнамских граждан был больше, чем из любых других иностранных государств. Например, к 1984 г. в ЛГПИ им. А.И. Герцена обучавшиеся из СРВ составляли более четверти от общего числа иностранных студентов. Аналогичная ситуация сложилась в Пятигорском педагогическом институте иностранных языков, на базе которого проходили подготовку 39 граждан СРВ, а также в Орловском педагогическом институте, где обучались 57 вьетнамцев [12, л. 11-18; 11, л. 40].

Пединституты СССР внесли вклад в увеличение числа вьетнамских школьных педагогов, достигнутое за годы реформы. По сравнению с начальным периодом реформы к середине 1980-х гг. количество учителей, работавших в 1-9 классах, возросло на более чем 10%. Число специалистов, преподававших в 10-12 классах, увеличилось на 29% [37, с. 291-292].

Между образовательными учреждениями СССР и Вьетнама был налажен регулярный взаимообмен опытом. Специалисты педагогического института Вьетбака и Казахского пединститута им. Абая проводили обмен информацией о содержании, формах и методах работы со студентами. Между МГУ им. М.В. Ломоносова и Ханойским педагоги-

ческим институтом был налажен обмен опытом в области методологии психолого-педагогических исследований и психологии творческого мышления. Аналогичные связи были сформированы между ВУЗах СРВ и пединститутами Москвы, Иркутска, Одессы, Могилева [19, л. 10-32].

В практику межвузовского сотрудничества вошли совместные научные конференции и совещания, взаимные поставки методических материалов [18, л. 18]. В 1981-1985 гг. вьетнамская сторона ежегодно направляла порядка 65 человек для стажировки в советских ВУЗах [24, л. 1; 21, л. 1; 22, л. 4; 23, л. 14; 25, л. 1]. Вьетнамские граждане стажировались в ведущих пединститутах СССР. Например, в период с 27 октября 1979 г. по 25 января 1980 г. в Минском педагогическом институте им. А.М. Горького проходили стажировку ректор пединститута г. Хюэ Нгуен Ван Хань, декан математического факультета пединститута г. Винь Нгуен Куок Тхи и проректор хошиминского пединститута Као Минь Тхи. В рамках стажировки вьетнамские специалисты изучили советский опыт организации образовательного процесса в педагогических ВУЗах, ознакомились с действовавшими учебными программами. Для делегации из СРВ были прочитаны лекции, посвященные возможностям подготовки кадров для средних школ через заочную систему обучения, способам повышения качества научно-исследовательской работы в стенах пединститутов [16, л. 6-11].

Советская помощь имела определяющее значение в рамках улучшения ситуации с кадровым обеспечением вьетнамских педагогических институтов. В образовательных учреждениях СССР прошли подготовку большинство вьетнамских преподавателей высшей школы. К середине 1980-х гг. в Советском Союзе было подготовлено более 3000 аспирантов из СРВ [6, л. 6].

Таким образом, СССР предпринял комплекс мер, включавших проведение курсов повышения квалификации для вьетнамских учителей, организацию обучения граждан СРВ в советских педагогических ВУЗах, активизацию сотрудничества между пединститутами двух стран, подготовку вьетнамских преподавателей высшей школы. Указанные

меры позволили достичь значительного прогресса с обеспечением школ СРВ квалифицированными учителями.

Материальный вклад СССР в реализацию реформы школьного образования в СРВ. На протяжении 1979-1986 гг. Советский Союз поставлял во Вьетнам различные товары, необходимые для материально-технического обеспечения учебного процесса в школах. Это товары культурно-бытового назначения, включавшие, в том числе письменные принадлежности и бумажно-беловую продукцию, химические реактивы, приборы и лабораторное оборудование, бумагу, оборудование для полиграфической промышленности СРВ, задействованной в выпуске новых школьных учебников и т.д. В условиях реформы школьного образования СССР существенно нарастил поставки отдельных категорий товаров. Например, если в 1979 г. во Вьетнам было поставлено 3650 тонн бумаги, то в 1981 г. эта цифра увеличилась до 10727 тонн, а к 1986 г. до 13536. Всего же в рассматриваемый период СРВ получила бумаги на сумму свыше 36,5 млн руб. [2, с. 201; 3, с. 203; 4, с. 202; 5, с. 203].

Значительное число товаров, предназначенных для использования в школах, направлялось во Вьетнам полностью бесплатно. Так, 21 апреля 1979 г. в СССР состоялся Всесоюзный коммунистический субботник, посвященный 109-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. В субботнике приняли участие порядка 150 млн человек. Средства, собранные по результатам мероприятия, были использованы, в том числе, для покупки швейных и трикотажных изделий, учебного оборудования и различных тканей, в дальнейшем направленных в СРВ [30, с. 297].

Отдельной строкой следует отметить поставки строительных материалов, предназначенных для ремонта вьетнамских школ. В период проведения реформы школьного образования ремонтировались здания многих учреждений, находившиеся в ветхом состоянии. Например, в начале 1980 г. была отремонтирована знаменитая ханойская школа «Чынг Выонг». Основанная в 1917 г. эта школа являлась одним из старейших учебных заведений в столице Вьетнама. Из СССР были получены необходимые инструменты, лакокрасочные материалы, крепежные изделия, материалы

для облицовки стен, хозяйственный инвентарь. Общая сумма поставок составила почти 70 тыс. руб. Ремонтные работы были выполнены совместными усилиями вьетнамских и советских рабочих [14, л. 11-18].

В июле 1980 г. советская сторона проводила в Ханое масштабную выставку «Школьное оборудование СССР». Целью мероприятия являлось ознакомление вьетнамской общественности с современным оборудованием советской школы, пропаганда достижений СССР «в деле организации народного образования». В СРВ было отправлено 6149 наименований экспонатов выставки. За месяц работы экспозиции ее посетили более 60 тыс. вьетнамцев. О большой политической значимости выставки свидетельствовало посещение ее премьер-министром СРВ Фам Ван Донгом, членами Политбюро ЦК КПВ, руководителями центральных и провинциальных органов власти. В оценках вьетнамской стороны популярность и успех выставки объяснялись тем, что «она наглядно, ярко и убедительно продемонстрировала достижения советской науки и промышленности в области разработки и производства школьного оборудования, передовые методы обучения и воспитания в СССР» [16, л. 43-49].

После завершения выставки все представленные образцы оборудования на сумму почти 500 тыс. руб. были безвозмездно переданы в школы СРВ. Символическим шагом советской стороны, приуроченным к организации выставки, стала поставка 50 тыс. учебных тетрадей, 20 тыс. карандашей, 5 тыс. транспортиров, 10 тыс. линеек и 2,5 тыс. чертежных приборов, направленных в дар вьетнамским школам [16, л. 30, 50].

В целом, советская помощь обусловила улучшение ситуации с материально-техническим обеспечением вьетнамских школ. Приведенные примеры безвозмездной помощи СРВ свидетельствовали о стремлении СССР поддержать вьетнамский народ, переживший ряд потрясений во второй половине 1970-х гг. Кроме того, подобные шаги позволяли укрепить положительный образ Советского Союза в глазах населения Вьетнама.

Заключение. К середине 1980-х гг. реформа школьного образования в СРВ дала свои плоды. В масштабах всей страны функционировала единая национальная система,

существенно возросло качество подготовки в школе, была создан базис для последующих преобразований. Помощь СССР имела определяющее значение на самом ответственном этапе реформы, связанном с разработкой и внедрением новых учебных программ – основного инструмента реализации образовательных целей. Достижения советской педагогики и передовой советский опыт активно использовались в рамках обеспечения образовательного процесса в школах СРВ. Данный факт обусловил особое значение усилий СССР, направленных на повышение числа квалифицированных учителей во вьетнамских школах. Граждане СРВ, прошедшие курсы повышения квалификации, стажировавшиеся или обучавшиеся в ВУЗах СССР, могли выступать в качестве передаточного звена в процессе внедрения советского опыта в образовательный процесс. Высокая значимость материального вклада СССР в реализацию реформы обусловлена тем, что в условиях тяжелого экономического кризиса на рубеже 1970-1980-х гг. Вьетнам не был способен самостоятельно решить проблему сохранения и развития материально-технической базы школ. Из СССР поставлялись, в том числе, категории товаров, без которых организация образовательного процесса была невозможна.

Для Советского Союза помощь Вьетнаму в реализации реформы школьного образования, по нашему мнению, имела важное имиджевое и политическое значение. Учитывая относительно небольшие материальные затраты, в сравнении с другими направлениями двустороннего сотрудничества, СССР получал возможности для демонстрации преимуществ социалистического пути развития. Рассматривая школу как «кузницу кадров», следует также отметить, что для СССР результатом помощи Вьетнаму являлся вклад в перспективу постепенной замены советских специалистов, задействованных в планах развития народного хозяйства СРВ, местным персоналом.

В условиях грядущих изменений в современной российской школе обращение к вопросам, связанным с советской помощью в развитии школьного образования в государствах социалистического лагеря, представляется весьма перспективным. Дальнейшее изучение как положительного, так и негативного

опыта СССР может помочь выбрать стратегию развития национальной системы школьного образования, определить возможности

для расширения международного сотрудничества в данной сфере, выявить оптимальные пути обеспечения повышения качества подготовки в школе.

Список литературы

1. Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? // Высшее образование сегодня. 2018. №1. С. 2-6.
2. Внешняя торговля СССР в 1980 году (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1981. 279 с.
3. Внешняя торговля СССР в 1982 году (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1983. 280 с.
4. Внешняя торговля СССР в 1984 году (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1985. 280 с.
5. Внешняя торговля СССР в 1986 году (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1987. 278 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 4503.
7. ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 3809.
8. ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 4502.
9. ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 4516.
10. ГАРФ. Ф. 10049. Оп. 1а. Д. 4517.
11. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 76. Д. 6962.
12. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 76. Д. 8032.
13. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 76. Д. 8414.
14. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 3723.
15. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 3726.
16. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 3944.
17. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4157.
18. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4328.
19. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4519.
20. ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 4520.
21. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 10010.
22. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 177.
23. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 607.
24. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 9523.
25. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 983.
26. Крикунова Ю.А., Кузнецова А.О. Мнения родителей школьников г.о. Тольятти о реформах в области школьной системы образования // Концепт. 2017. №S14. С. 19-25.
27. Ле Ван Вьонг К вопросу о становлении высшего образования во Вьетнаме // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2018. №4(41). С. 144-152.
28. Мазырин В.М., Цветов П.Ю., Мещеряков В.И., Познер П.В., Соколов А.А., Филимонова Т.Н. Полная академическая история Вьетнама. Т.5. Ч.2: Новейшее время (1975-2011). М.: Президиум Российской акад. наук, 2014. 543 с.
29. Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. №1. С. 47-60.
30. Мхитарян С.А., Макаров Н.А., Летягин Д.В. и др. Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984. 424 с.
31. Нгуен Тхи Фьонг Реформа образования во Вьетнаме // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации: материалы международной научно-практической конференции. Вологда: Общество с ограниченной ответственностью "Маркер", 2020. С. 72-73.
32. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 09.10.2024 № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации,

касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования». [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. 12.02.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502120007?index=1&clckid=3902f4e2> (дата обращения: 18.02.2025).

33. Рубина В.С. Советская система образования: пережиток прошлого или пример для подражания? // *Universum: психология и образование*. 2024. №8(122). С. 7-9.

34. Руднев К.И. Проблемы современной системы школьного образования в России // *Скиф*. 2022. №12(76). С. 284-287.

35. Ты Дык Ван Проблема планирования обязательных результатов обучения физике в основной школе Вьетнама: дисс... канд. пед. наук. М., 1999. 160 с.

36. Хорошо забытое старое: в школы возвращается продленка. [Электронный ресурс]: Сайт официального издания Федерального Собрания РФ «Парламентская газета». 11.02.2025. URL: <https://www.pnp.ru/top/khorosho-zabytoe-saroe-v-shkoly-vozvrashhaetsya-prodlenka.html> (дата обращения: 19.02.2025).

37. Чан Тхи Диеу Реформа образования во Вьетнаме в период 1979—1986 гг.: достижения и недостатки // *Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности*. 2021. С. 282-297.

38. Dror O. Education and Politics in Wartime: School Systems in North and South Vietnam, 1965–1975 // *Journal of Cold War Studies*. 2018. Vol. 20. No. 3. pp. 57-113.

39. Fredriksen B., Tan J.P. An African Exploration of the East Asian Education Experience. Washington, D.C.: The World Bank, 2008. 374 p.

40. Han P. The Analysis of Vietnam Education Development: Impacts of Vietnam War Perspective. In *Proceedings of the 1st International Conference on Finance, Information Technology and Management*. Vol. 1. Xiamen, 2021. pp. 28-32.

41. Kataoka S., Le Anh Vinh, Sandhya K., Keiko I. Vietnam's Human Capital: Education Success and Future Challenges. Washington, D.C: The World Bank, 2020. 58 p.

42. Woodside A. The Triumphs and Failures of Mass Education in Vietnam // *Pacific Affairs*. 1983. Vol. 56. No. 3. pp. 401-427.

SOVIET ASSISTANCE IN THE IMPLEMENTATION OF SCHOOL EDUCATION REFORM IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM (1979-1986)

The article examines the main directions and results of Soviet assistance in the implementation of school education reform in the Socialist Republic of Vietnam in 1979-1986. Large-scale changes in Vietnam during this period were associated with the need to build a unified national school system after the unification of the country, education and upbringing of a comprehensively developed citizen of the socialist state. It is noted that thanks to the USSR, educational programs were adapted to the realities of the situation in Vietnam, and the achievements of the Soviet school were integrated into the educational process. A set of measures was outlined, which included conducting advanced training courses for Vietnamese teachers, organizing training for citizens of the Socialist Republic of Vietnam in Soviet pedagogical universities, intensifying cooperation between pedagogical institutes of the two countries, as well as training Vietnamese higher schoolteachers. It is indicated that these measures have ensured progress in the saturation of schools with qualified teachers. Information is provided confirming that Soviet aid led to an improvement in the logistical situation of Vietnamese schools. As a result of the analysis, the author concludes that for the USSR, assistance to Vietnam in the implementation of school education reform was of great image and political importance. It consisted in obtaining opportunities to demonstrate the advantages of the socialist path of development, improving the prospects for the gradual replacement of Soviet specialists involved in the plans for the development of the national economy of the Socialist Republic of Vietnam with local personnel.

Keywords: USSR, Vietnam, school education reform, Soviet-Vietnamese cooperation, organization of the educational process, teacher training, logistical support for schools.

References

1. Bordovskij G.A. (2018) Chto zhe bylo luchshim v sovetskoj sisteme obrazovaniya? [What was the best thing about the Soviet education system?] // *Vysshee obrazovanie segodnja* [Higher education today]. 2018. №1. pp. 2-6

2. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1980 godu (Statisticheskii sbornik) (1981) [Foreign trade of the USSR in 1980 (Statistical collection)]. M.: Finansy i statistika, 1981. 279 p.
3. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1982 godu (Statisticheskii sbornik) (1983) [Foreign trade of the USSR in 1982 (Statistical collection)]. M.: Finansy i statistika, 1983. 280 p.
4. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1984 godu (Statisticheskii sbornik) (1985) [Foreign trade of the USSR in 1984 (Statistical collection)]. M.: Finansy i statistika, 1985. 280 p.
5. Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1986 godu (Statisticheskii sbornik) (1987) [Foreign trade of the USSR in 1986 (Statistical collection)]. M.: Finansy i statistika, 1987. 278 p.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). [State archive of the Russian Federation]. F. 10049. Op. 1a. D. 4503.
7. GARF. F. 10049. Op. 1a. D. 3809.
8. GARF. F. 10049. Op. 1a. D. 4502.
9. GARF. F. 10049. Op. 1a. D. 4516.
10. GARF. F. 10049. Op. 1a. D. 4517.
11. GARF. F. A-2306. Op. 76. D. 6962.
12. GARF. F. A-2306. Op. 76. D. 8032.
13. GARF. F. A-2306. Op. 76. D. 8414.
14. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 3723.
15. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 3726.
16. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 3944.
17. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 4157.
18. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 4328.
19. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 4519.
20. GARF. F. R-9563. Op. 1. D. 4520.
21. GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 10010.
22. GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 177.
23. GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 607.
24. GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 9523.
25. GARF. F. R-9606. Op. 1. D. 983.
26. Krikunova Ju.A., Kuznecova A.O. (2017) Mnenija roditel'ev shkol'nikov g.o. Tol'yatti o reformah v oblasti shkol'noj sistemy obrazovaniya [Opinions of parents of Tolyatti schoolchildren on reforms in the field of the school system] // *Koncept* [The concept]. 2017. №S14. pp. 19-25.
27. Le Van Vyong (2018) K voprosu o stanovlenii vysshego obrazovaniya vo V'etname [On the development of higher education in Vietnam] // *JuVA: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current development issues]. 2018. №4(41). pp. 144-152.
28. Mazyrin V.M., Cvetov P.Ju., Meshherjakov V.I., Pozner P.V., Sokolov A.A., Filimonova T.N. (2014) *Polnaja akademicheskaja istorija V'etnama. T.5. Ch.2: Novejshee vremja (1975-2011)* [The Complete Academic History of Vietnam. Vol. 5. Part 2: Modern Times (1975-2011)]. M.: Prezidium Rossijskoj akad. nauk, 2014. 543 p.
29. Machheljan G.G. (2023) Aktual'nye problemy perestrojki sistemy obrazovaniya v sovremennoj Rossii [Actual problems of restructuring the education system in modern Russia] // *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii* [The standard of living of the population of the Russian regions]. 2023. №1. pp. 47-60.
30. Mhitarjan S.A., Makarov N.A., Letjagin D.V. i dr. (1984) *Novejshaja istorija V'etnama* [The modern history of Vietnam]. M.: Nauka, 1984. 424 p.
31. Nguen Thi Fyong (2020) *Reforma obrazovaniya vo V'etname* [Education reform in Vietnam] // *Nauka segodnja: opyt, tradicii, innovacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Science today: experience, traditions, innovations: proceedings of the International Scientific and practical conference]. Vologda: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Marker", 2020. pp. 72-73.
32. Prikaz Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii ot 09.10.2024 № 704 «O vnesenii

izmenenij v nekotorye prikazy Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii, kasajushhiesja federal'nyh obrazovatel'nyh programm nachal'nogo obshhego obrazovanija, osnovnogo obshhego obrazovanija i srednego obshhego obrazovanija» (2025) Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 12.02.2025 [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 09.10.2024 No. 704 «On Amendments to Certain Orders of the Ministry of Education of the Russian Federation concerning Federal Educational programs of primary general Education, basic general Education and secondary general education». The official Internet portal of legal information. 12.02.2025]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502120007?index=1&clckid=3902f4e2> (accessed: 18.02.2025).

33. Rubina V.S. (2024) Sovetskaja sistema obrazovanija: perezhitok proshlogo ili primer dlja podrazhanija? [The Soviet education system: a relic of the past or an example to follow?] // *Universum: psihologija i obrazovanie* [Universum: psychology and education]. 2024. №8(122). pp. 7-9.

34. Rudnev K.I. (2022) Problemy sovremennoj sistemy shkol'nogo obrazovanija v Rossii [Problems of the modern school education system in Russia] // *Skif* [The Skiff]. 2022. №12(76). pp. 284-287.

35. Ty Dyk Van (1999) Problema planirovanija objazatel'nyh rezul'tatov obuchenija fizike v osnovnoj shkole V'etnama: diss... kand. ped. nauk [The problem of planning the compulsory results of physics education in the basic school of Vietnam]. dissertation... Candidate of Pedagogical Sciences. M., 1999. 160 p.

36. Horosho zabytoe staroe: v shkoly vozvrashhaetsja prodlenka (2025) Sajt oficial'nogo izdanija Federal'nogo Sobranija RF «Parlamentskaja gazeta». 11.02.2025 [A well-forgotten old thing: extended periods are returning to schools. The website of the official publication of the Federal Assembly of the Russian Federation "Parliamentary Newspaper". 11.02.2025] URL: <https://www.pnp.ru/top/khorosho-zabytoe-saroe-v-shkoly-vozvrashhaetsya-prodlenka.html> (accessed: 19.02.2025).

37. Chan Thi Dieu (2021) Reforma obrazovanija vo V'etname v period 1979—1986 gg.: dostizhenija i nedostatki [Education reform in Vietnam in the period 1979-1986: achievements and shortcomings] // *Nezavisimyj V'etnam: nacional'nye interesy i cennosti* [Independent Vietnam: national interests and values]. 2021. pp. 282-297.

38. Dror O. (2018) Education and Politics in Wartime: School Systems in North and South Vietnam, 1965–1975 // *Journal of Cold War Studies*. 2018. Vol. 20. No. 3. pp. 57-113.

39. Fredriksen B., Tan J.P. (2008) *An African Exploration of the East Asian Education Experience*. Washington, D.C.: The World Bank, 2008. 374 p.

40. Han P. (2021) The Analysis of Vietnam Education Development: Impacts of Vietnam War Perspective. In *Proceedings of the 1st International Conference on Finance, Information Technology and Management*. Vol. 1. Xiamen, 2021. pp. 28-32.

41. Kataoka S., Le Anh Vinh, Sandhya K., Keiko I. (2020) *Vietnam's Human Capital: Education Success and Future Challenges*. Washington, D.C: The World Bank, 2020. 58 p.

42. Woodside A. (1983) The Triumphs and Failures of Mass Education in Vietnam // *Pacific Affairs*. 1983. Vol. 56. No. 3. pp. 401-427.

Об авторе

Кудрявцев Владислав Юрьевич – ассистент кафедры истории России, Курский государственный университет (Россия), E-mail: kudrvl62@mail.ru

Kudryavtsev Vladislav Yuryevich – assistant of the Department of History of Russia, Kursk State University (Russia), E-mail: kudrvl62@mail.ru

Маккий В.Г., аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Россия)

РЕСТИТУЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Культурные ценности, являясь важной и уникальной составляющей культуры любого народа, часто подвергались грабежу во времена колониальных завоеваний. Государства-колонизаторы присваивали культурные артефакты колонизированных территорий, способствуя их разрушению и уничтожению. Получив независимость, бывшие колониальные страны и коренные народы попытались вернуть свое наследие, которое до сих пор хранится в музеях и частных коллекциях других стран. В статье рассматриваются принципы реституции культурных ценностей с двух позиций: международное право и морально-этические установки. Характеризуются принципы реституции, аналогичные тем, которые используются после вооруженных конфликтов, а также практические, логистические, экономические, национальные и философские компоненты реституции как процесса. Освещается существующая сегодня практика реституции, основанная на международных правовых документах, в том числе и судебная практика, зачастую не удовлетворяющая требованиям реституции. Рассматриваются также альтернативные механизмы реституции, мотивированные скорее моральными и этическими соображениями и помогающие достигнуть уникальных решений в вопросе реституции, следствием которых становится межкультурное взаимодействие разных народов. В статье анализируются события, произошедшие в сфере реституции культурных ценностей в странах Европы конца XX века – начала XXI века.

Ключевые слова: реституция, культурные ценности, колониализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-73-81

Введение. Культурные ценности служат ярким выражением уникальной самобытности общины или народа, которым принадлежат. Однако в эпоху колониальных завоеваний они зачастую становились мишенью, поводом для карательных мер, а в некоторых случаях – способствовали уничтожению сообществ, которые по праву владели этими культурными ценностями. Особенно широко это было распространено в XVIII и XIX веках, когда культурные артефакты из колонизированных районов присваивались государствами-колонизаторами в ходе карательных миссий, завоеваний, взимания дани и т.п. Кроме того, присвоенные артефакты часто продавались и обменивались для создания коллекций или для удовлетворения потребностей ученых. Ради справедливости стоит упомянуть, что присвоение таких культурных ценностей не всегда было связано с насильственными, незаконными или аморальными действиями со стороны стран-колонизаторов. Колонизированные общины иногда сами продавали или обменивали такие артефакты, однако по-прежнему оставались не совсем в выгодных условиях – неравенство сил колониза-

торов и колонизированных общин препятствовало «честному обмену» [15].

Объекты и методы исследования. С появлением ООН началась волна деколонизации. В 1960 года Генеральная ассамблея принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Она запускает процесс самоопределения угнетенных народов и искоренения колониализма. С этого момента бывшие колониальные страны, а в последнее время и коренные народы, естественно, стали стремиться вернуть себе свое наследие, то, что им принадлежало по праву. Многие важные составляющие их наследия до сих пор разбросаны по музеям и частным коллекциям в других странах. Освобожденные народы – новые участники международных отношений – призывают к применению принципов реституции, аналогичных тем, которые используются после вооруженных конфликтов. По словам Линдел Протт, представителя Генерального директора ЮНЕСКО, они также основывают свои требования на необходимости восстановления священной связи между населением, территорией и культурой, а в широком понимании – на праве на самоопределение

народов, которые должны возрождать и развивать свою культурную идентичность [15]. В 2018 году по заказу французского правительства опубликован доклад, написанный сенегальским ученым и писателем Фелвином Сарром совместно с французским искусствоведом Бенедикт Савуа, который вновь привлек внимание к требованиям о реституции культурных ценностей. По итогам доклада президент Франции объявил о реституции африканских артефактов, и это становится первым в истории случаем возврата культурных ценностей в страну их происхождения на таком высоком государственном уровне и отправной точкой для многочисленных дебатов и планов по деколонизации музеев в ряде стран [8; 16]. Однако, несмотря на большую активность СМИ и европейских политиков по теме реституции колониального наследия, возвращение культурных ценностей по-прежнему встречает сопротивление. Противники реституции и те, кто сомневается в ее необходимости, используют практические, логистические, экономические, национальные и даже философские соображения, чтобы оправдать необходимость сохранения культурных ценностей в государственных или частных коллекциях вдали от страны их происхождения. Они имеют большое преимущество – наиболее эффективным инструментом сдерживания, задержки или предотвращения реституции является закон. С одной стороны – невозможность законного отчуждения культурных ценностей, с другой – многочисленные правовые и моральные аспекты, располагающие к возвращению культурного наследия, но оказывающиеся практически неэффективными.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день существует практика реституции культурных ценностей, основанная на международно-правовых документах, которые направлены на регулирование этого вопроса, но часто суды оказываются неспособными удовлетворить такие иски в полной мере. Вместе с тем существуют и актуальные альтернативные механизмы, которые могут обойти правовые и судебные препятствия, они адаптированы к каждому отдельному случаю, что помогает достигнуть уникальных решений.

По мнению профессора Университета Клермон-Овернь Ксавье Перро, в исторической ретроспективе практика возвращения

культурных ценностей между государствами возникла в XVI и XVII веках, но появляется она лишь изредка в мирных договорах, заключенных после военных конфликтов, будучи, по сути, мотивированной скорее политическими и дипломатическими целями [15]. В начале XIX века в ходе Венского конгресса (1814–1815) некоторые европейские страны потребовали от Франции возвращения многочисленных архивов и произведений искусства, конфискованных наполеоновской армией, а большинство мирных договоров, которые были подписаны к концу века, содержали аналогичный пункт о возврате всех незаконно присвоенных культурных ценностей. Уже в XX веке договоры почти систематически включали положения о возвращении разграбленных артефактов или компенсации предметами, эквивалентными им по стоимости, например после Первой мировой войны [10; 14; 15]. В 1943 году Европа столкнулась с колоссальными масштабами нацистского грабежа, ответом на что стала Лондонская декларация, которую подписали 17 стран-союзниц. В ней шла речь о том, что независимо от того, являлось ли приобретение артефактов грабежом или законной сделкой, оно будет запрещено на оккупированной немцами территории и аннулировано [5]. Лондонская декларация стала основополагающим международно-правовым актом в области реституции культурных ценностей. Наконец, Парижская конференция по репарациям 1945 года постановила, что культурные ценности, разграбленные вермахтом, должны быть, по возможности, заменены на предметы равной ценности, если их невозможно вернуть [9].

Эта практика привела к постепенному включению принципа возмещения ущерба в международное право. В дополнение к положениям, защищающим все имущество гражданского характера, в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 годов признается особый запрет на разграбление культурных ценностей. Каждое государство обязано соблюдать запрет [11; 12].

Позже этот принцип был закреплен в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года и двух протоколах к ней. Конвенция запрещала вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий, в противном случае – требовала их вернуть на территорию, с которой

они были вывезены, по прямому запросу [2].

В 1970 году законы военного времени дополнены Конвенцией о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Конвенция обязывала международное сообщество мобилизовать все силы на борьбу с незаконной торговлей культурными ценностями [3]. В 1995 году в условиях отсутствия решения международных споров была принята Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. Конвенция разрабатывалась по запросу ЮНЕСКО, она направлена на применение единообразного подхода к просьбам о возвращении похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей и призывает государства-члены привести законы своей страны в соответствие с этой конвенцией [4].

В ряде резолюций Совета Безопасности ООН прямо упомянуты обязательства государств по возвращению предметов культуры, незаконно вывезенных в результате вооруженных конфликтов или террористической деятельности. В 2006 году Международный комитет Красного Креста установил запрет на разграбление культурного наследия, который подразумевал обязательство возвращать предметы, незаконно вывезенные с территории их пребывания. Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек, юрисконсульты юридического отдела Международного комитета Красного Креста, в 2006 году отредактировали двухтомную работу по обычному международному гуманитарному праву. Согласно этому документу, оккупированная территория входит в сферу действия обычного международного права, и поэтому вышеупомянутый запрет распространяется на все государства, независимо от того ратифицировали они вышеуказанные международные документы или нет [13]. Наконец, стоит упомянуть о Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. При всем том, что она не является обязательным документом, она также играет немаловажную роль в попытках правового урегулирования запросов реституции, так как призывает государства предоставлять компенсацию, которая может включать компенсацию за культурные ценности, которых эти коренные народы

были лишены [1]. Несмотря на этот по-настоящему большой банк нормативных правовых актов мирового значения, например о запрете мародерства и об обязательстве по возвращению предметов культуры, существующие инструменты часто (практически всегда) оказываются недостаточными для удовлетворения требований, связанных с положением вещей, сложившимся еще в колониальный период.

Первое и, безусловно, главное препятствие реституций заключается в том, что указанные выше документы не имеют обратной силы, то есть они не могут быть применены к действиям, совершенным до их вступления в силу. Положения о культурных ценностях, которые содержатся в Гаагских конвенциях 1899, 1907 и 1954 годов, касающихся вооруженных конфликтов, или Конвенции ЮНЕСКО 1970 года, не относятся к событиям, произошедшим до даты вступления этих документов в силу. Поэтому культурные ценности, приобретенные во время колониальных завоеваний, не могут быть возвращены на основании вышеописанных нормативных актов. Следовательно, в условиях невозможности применения обратной силы закона необходимо использовать те законы, которые действовали на момент присвоения и вывоза культурных ценностей с мест их происхождения. Однако нормы законов прошлого и настоящего бесспорно разнятся: многие действия колонизаторов, которые сегодня считаются преступными или аморальными, были обычными в то время, когда они совершались: например, лишение собственности, право на грабеж и разбой во время войны широко признавались обычными. При этом, ссылаясь на закон, действовавший в то время, следует понимать, что чаще всего этот закон истолковывался и кодифицировался в том виде, в каком он был выгоден победителю, и часто строился таким образом, чтобы служить интересам победителя.

Помимо отсутствия обратной силы, порой международные документы содержат такие положения, которые ограничивают сферу их действия. Например, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов ограничиваются ситуациями вооруженного конфликта только между признанными государствами [11; 12]. Таким образом, документы, составленные западными

странами-колонизаторами, исключают колониальные завоевания и национально-освободительные войны, так как они не считаются «межгосударственными конфликтами». Европейские страны, извлекавшие выгоду из колониализма, обычно использовали международное право в качестве функционального инструмента для реализации своих экспансионистских интересов. В частности, термин «terra nullius» («ничейной землей») объявлялась земля с малочисленными народами или земля, населенная аборигенами, не принадлежавшая ни одному из государств) помог оправдать оккупацию, экспроприацию и разграбление земель коренных народов по всему миру.

Конвенция 1970 года характеризуется крайне узкой сферой применения. Согласно ей рассматриваются только те предметы культуры, которые отвечают двум критериям: числятся за музеем (или аналогичным учреждением) и внесены в реестр. Таким образом, эта конвенция исключает культурные ценности, принадлежащие отдельным лицам или общинам, а также культурные ценности найденные, например, в ходе раскопок или иной исследовательской деятельности на территориях колонизованных народов [3].

Исходя из этого, сделаем вывод, что международные инструменты и попытки урегулирования реституции сталкиваются с рядом препятствий: требование ратификации документов, отсутствие у них обратной силы или ограничения, накладываемые на сферу их действия. Это не позволяет применять их к случаям расхищения, совершенным в колониальную эпоху. Кроме того, очевидно, что споры, связанные с культурными ценностями, обычно сталкиваются с дополнительными препятствиями в силу своей сложности.

Во-первых, иски о реституции культурных ценностей часто осложняются многообразием таких ценностей и большим количеством заинтересованных в них лиц. Процесс реституции зависит не только от характеристик предмета, имеющего культурную ценность, но и от того, адресованы ли требования от государства к государству, от государства к частному лицу, от частного лица к государству, к общине, учреждению (государственному или частному) или любому другому лицу, или к любой другой комбинации этих

субъектов. Претензии могут также предъявляться к ценностям, находящимся в государстве того, кто их выдвигает, или в другом государстве. Наконец, культурные ценности могут находиться в руках частных владельцев, но при этом попадать под действие национального законодательства, запрещающего, например, вывоз таких ценностей.

Во-вторых, стороны обычно опираются на широкий ряд аргументов, чтобы обосновать свое требование о реституции или возразить против него. Например, в случае с Кумранскими рукописями (свитками Мертвого моря) Палестинская автономия и Иордания основывают свои претензии на территориальных (место обнаружения свитков), гуманитарных (их незаконное отчуждение после аннексии Израилем Восточного Иерусалима в 1967 году) и юридических аргументах (Иордания утверждает, что имеет доказательства покупки нескольких манускриптов). По словам исследователей Кумранских рукописей и правовой ситуации, возникшей вокруг них, Бернара Дюхайма и Камиллы Лабади, профессоров международного права Университета Квебека (Монреаль), Израиль претендует на статус «хранителя» (а не «владельца») и опирается в первую очередь на моральные и религиозные принципы, ссылаясь на священную историю еврейского народа и напоминая, что эти свитки имеют фундаментальное значение для наследия иудаизма [8]. Однако на сегодняшний день законодательство и судебная практика не дают окончательного ответа на вопрос о том, что является приоритетом: территориальные связи или культурные связи, сложившиеся между сообществом и артефактом, происходящими из другой страны; требования реституции, основанные на правовых нормах, или требования, основанные на моральных, этических или религиозных соображениях.

В-третьих, требования о реституции касаются предметов, приобретенных десятилетия или столетия назад. Помимо неприменимости международных документов, разбирательства могут быть дополнительно осложнены определением незаконности (законности) лишения такой собственности или трудностями, связанными с провенансом культурных ценностей, поскольку они часто подвергались многократной передаче на частном,

национальном и международном уровнях. Чтобы обосновать любое требование о реституции, заявитель должен иметь возможность доказать право собственности на тот или иной артефакт. Для установления права собственности многие государства опираются на принятое ими в области охраны культурного наследия законодательство. При этом государства не всегда единогласны в определении того, что представляет собой понятие «культурная ценность», и не всегда исчерпывающе определяют предметы, которым они придают такое значение. Кроме того, для определения принадлежности того или иного объекта может использоваться множество критериев, признание его принадлежности может осуществляться не с юридической точки зрения, а с учетом связи, установившейся между общиной и этим объектом. И конечно, чем давнее факт расхищения, тем сложнее будет получить предварительные доказательства в поддержку своих требований. Поэтому в требованиях реституции часто приходится опираться на дорогостоящие, а иногда и противоречивые антропологические, этнографические или геотехнические отчеты, свидетельствующие о географическом и культурном происхождении культурных ценностей, требующих реституции.

Можно сделать вывод, что существующие международные юридические обязательства не позволяют реститутировать культурные ценности, приобретенные в колониальную эпоху, их реституция обычно воспринимается как моральный долг и обусловлена чувством необходимости исправить несправедливость прошлого. Когда судебные разбирательства оказываются безуспешными или возникает необходимость обойти различные правовые и иные ограничения, споры о реституции могут решаться с помощью альтернативных механизмов, которые ссылаются на исторические, моральные или деонтологические принципы для достижения положительного решения.

Одним из основных альтернативных методов является добровольное возвращение, хотя это относительно редкий случай – некоторые государства, учреждения или частные лица идут на добровольные пожертвования или реституцию. Например, Художественная

галерея и музей Келвингроув (Глазго, Шотландия) напрямую вернул Ассоциации выживших в Вундед-Ни рубашку, которая принадлежала предполагаемой жертве резни 1890 года на территории США. Роберт Питерс, доктор права Европейского университетского института (Флоренция, Италия), сообщает, что «принимая решение, Совет (Художественной галереи и музея Келвингроув. – В. М.) подчеркнул, что он действует не по юридическим обязательствам, а исходя из этических и гуманитарных соображений» [7]. В 2021 году аналогичный процесс инициировал Музей Орсе (Париж, Франция), запустив процедуру возвращения картины Густава Климта «Розы под деревьями», прежде принадлежавшей Норе Стясны. Она получила эту картину от своего дяди Виктора Цукеркандля — богатого сталелитейного магната и коллекционера произведений искусства. Нора Стясны была вынуждена продать произведение за бесценок в августе 1938 года в Вене. Позже она умерла вместе со своей семьей в лагере смерти «Белжец». Министр культуры Франции (2020–2022 годов) Розлин Башло-Наркен сказала, что с этим шедевром стране расстаться сложно, но необходимо. «Это завершение акта правосудия», — заявила она на пресс-конференции в Париже.

Другим альтернативным механизмом разрешения споров реституции является взаимовыгодный обмен путем посредничества или арбитража. Несмотря на то, что зачастую эти процессы все еще остаются долгими и дорогостоящими, они имеют ряд важных преимуществ. Они отличаются от строгого применения закона, позволяют апеллировать к нормам и ценностям, отличным от правовых, и в большей степени ориентированы на удовлетворение сторон и согласование их интересов с целью достижения честного урегулирования. Они также позволяют напрямую задействовать различные субъекты, например музеи, которые могут иметь определенную степень независимости в управлении своими коллекциями и, следовательно, использовать собственные полномочия для возвращения предметов, находящихся в их собственности. Этот механизм реституции привел к появлению самых разнообразных решений.

В 2007 году Музей естественной истории (Лондон, Великобритания) вернул тела 13

предков аборигенов общине в Тасмании в обмен на сохранение образцов их ДНК для научных целей. Аналогичным образом соглашение 2006 года между Итальянской Республикой и Метрополитен-музеем (Нью-Йорк, США) предусматривало, что в обмен на реституцию Кратера Евфрония американскому музею будут переданы другие предметы, равные по красоте, историческому и культурному значению. Соглашения, достигнутые в ходе переговорных процессов, могут также предусматривать официальное признание важности культурных ценностей для культурного наследия одной из сторон. Например, соглашение между Францией и Нигерией, заключенное в феврале 2002 года, признало право собственности Нигерии на произведения искусства Нока и Сокото в обмен на безвозмездный и возобновляемый 25-летний заем Музею на набережной Бранли (Париж, Франция).

Переговорные процессы также позволяют устанавливать особые формы собственности. В 1984 году после провала судебного разбирательства между Музеем изобразительных искусств Сан-Франциско (США) и Национальным институтом антропологии и истории Мексики было заключено соглашение о совместном владении фресками ацтеков. Оно предусматривало совместное использование культурных ценностей и покрытие расходов, связанных с их выставкой и хранением, между двумя учреждениями. В некоторых случаях музеи, в которых хранятся культурные ценности колониальной эпохи, могут также согласиться на то, чтобы они использовались сообществом, из которого они происходят, в ритуальных целях, или же они могут согласиться экспонировать копии оригинальных артефактов, которые были возвращены в процессе реституции. Наконец, стороны могут принять и другие соглашения, такие как покупка артефакта государством, уже владеющим им, создание программ межкультурного сотрудничества или выплата компенсации. В общем и целом, применение этих

альтернативных механизмов зависит только от доброй воли всех вовлеченных сторон.

С учетом постоянно растущего числа актов реституции, многие споры остаются нерешенными, например, реституция мраморных скульптур Парфенона и свитков Мертвого моря, а также многочисленные поданные бывшими колониальными государствами и коренными народами просьбы, которые не могут быть удовлетворены на основе правовых норм.

Заключение (выводы). Действительно, реституция культурных ценностей сталкивается с ограниченной сферой действия конвенций и международных правовых норм, принципом обратной силы или ограничением сроков исковой давности. Таким образом, большинство требований о возвращении артефактов, разграбленных в колониальную эпоху, как правило, терпят неудачу практически на пороге суда, поскольку к ним не применимы никакие правовые нормы. Что касается исков, преодолевших эти препятствия, то судьи и юристы вынуждены проводить сложные практические и процессуальные мероприятия, направленные на определение применимого права, что зачастую приводит к непредсказуемым результатам. В отсутствие правовых норм, связанных с колониальным наследием, тем не менее наблюдается возникновение практики реституции, которая мотивирована чувствами необходимости исправить историческую несправедливость. Однако следует подчеркнуть, что не всегда достаточно лишь самого факта реституции культурных ценностей, так как она не возмещает других убытков, которые могли возникнуть в результате колониализма. В случае человеческих останков, священных артефактов или предметов, связанных с уникальными знаниями предков, недостает одной реституции, чтобы возместить утрату этих знаний или социальных и духовных потрясений, вызванных их исчезновением в течение длительного времени.

Список литературы

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/UNDRIPManual-ForNHRIs_ru.pdf (дата обращения: 07.12.2023).
2. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1956) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. М.: ЮниПринт, 2002. С. 5–59. URL: https://livingheritage.by/1317_Norm_acts_RUS.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

3. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: ЛОГОС, 1993. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836?section=text> (дата обращения: 07.12.2023).
4. Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. (Рим, 24 июня 1995 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898389text> (дата обращения: 07.12.2023).
5. Лондонская декларация Объединенных Наций от 5 января 1943 года против актов лишения собственности, совершенных на территориях, находящихся под вражеской оккупацией или контролем // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: 1955. С. 58–59.
6. Стефко М.С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа –Ф. Сарра // Наследие и современность / Под ред. В.М. Валеев. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. С. 36–44.
7. Borelli, S. & Lenzerini, F. Cultural Heritage, Cultural Rights, Cultural Diversity: New Developments in International Law. 41 p. URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=976118072096020065099117019072102096059080095032024041078114023074022110098095078125031006120043049043112118112068013112122090044000063069006096025007012073024086028032061002004127105092093123092086124105069020064125119074115069126065120094115068117089&EXT=pdf&INDEX=TRUE> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Duhaime, B. & Labadie, C. (2016). Les voyages des manuscrits de la mer Morte: réflexions sur la restitution des biens culturels et le droit international. *Théologiques*, 24(2), 183–218. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/theologi/2016-v24-n2-theologi03889/1050507ar.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).
9. Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). London: His Majesty's Stationery Office, 1946. 18 p. (Miscellaneous № 1 (1946). p. 18. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/12/15/5c0dfcd9-2af2-431b-8cbf-e8e288aef30e/publishable_en.pdf (дата обращения: 07.12.2023).
10. Francioni, F. (2008). Au-delà des traités : L'émergence d'un nouveau droit coutumier pour la protection du patrimoine culturel. 25 p. URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/7992/LAW-2008-05.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 07.12.2023).
11. Hague convention II with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (29 July 1899). 4 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1902&context=ils> (дата обращения: 07.12.2023).
12. Hague convention IV with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (18 October 1907). 5 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1907&context=ils> (дата обращения: 07.12.2023).
13. International Committee of The Red Cross. Customary International Humanitarian Law. Volume I. Rules. Cambridge University Press, New York. 689 p. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).
14. Perrot, X. (2005). La restitution internationale des biens culturels aux XIX e et XX e siècles. Espace d'origine, intégrité et droit. 381 p. URL: <https://hal.science/tel-01536066/document> (дата обращения: 07.12.2023).
15. Prott, L. V., & Kowalski, W. (2011). Témoins de l'histoire : Recueil de textes et documents relatifs au retour des objets culturels. UNESCO Editions. 492 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000191729> (дата обращения: 07.12.2023).
16. Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle. 2018. 240 p. URL: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf (дата обращения: 07.12.2023).

CULTURAL HERITAGE RESTITUTION: HISTORY AND MODERNITY

Cultural property, being an important and unique component of the culture of any people, was often plundered during colonial conquests. Colonial States appropriated the cultural artefacts of colonised territories, contributing to their destruction and annihilation. After gaining independence, former colonial countries and indigenous peoples attempted to recover their heritage, which is still preserved in museums and private collections in other countries. The article examines the principles of restitution of cultural property from two perspectives: international law and moral and ethical attitudes. Restitution principles similar to those used after armed conflicts are characterised, as well as the practical, logistical, economic, national and philosophical components of restitution as a process. Current restitution practices based on international legal instruments, including judicial practices that often do not fulfil the requirements of restitution, are highlighted. Alternative restitution mechanisms, which are motivated more by moral and ethical considerations and which help to achieve unique restitution solutions resulting in intercultural interaction between different peoples, are also discussed. The article analyses the developments in the restitution of cultural property in Europe in the late twentieth and early twenty-first centuries.

Keywords: restitution, cultural values, colonialism.

References

1. Deklaratsiia Organizatsii Obiedinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov (2013) [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples] URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/UNDRIPManual-ForNHRIs_ru.pdf (date of reference: 07.12.2023).
2. Konventsiiia o zashchite kulturnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta (1956) [Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict] // UNESCO Normative Instruments for the Protection of Cultural Heritage. Moscow: UniPrint, 2002. С. 5-59. URL: https://livingheritage.by/1317_Norm_acts_RUS.pdf (accessed on 07.12.2023).
3. Konventsiiia o merakh, napravlennykh na zapreshchenie i preduprezhdenie nezakonnogo vvoza, vyvoza i peredachi prava sobstvennosti na kulturnye tsennosti. Mezhdunarodnye normativnye akty UNESCO (1993) [Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. UNESCO International Normative Instruments] M.: LOGOS, 1993. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836?section=text> (date of circulation: 07.12.2023).
4. Konventsiiia UNIDRUA po pokhishchennym ili nezakonno vyvezennym kulturnym tsennostiam (1995) [UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898389text> (accessed on 07.12.2023).
5. Londonskaia deklaratsiia Obiedinennykh Natsii ot 5 ianvaria 1943 goda protiv aktov lisheniia sobstvennosti, sovershennykh na territoriiakh, nakhodiashchikhsia pod vrazheskoi okkupatsiei ili kontrolem // Sbornik deistvuiushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zakliuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami (1955) [London Declaration of the United Nations of 5 January 1943 against acts of deprivation of property committed in territories under enemy occupation or control // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states] - M.: 1955. С. 58-59.
6. Stefko M.S. (2020) Kolonialnoe nasledie frantsuzskikh muzeev i problema restitutsii: po sledam diskussii vokrug doklada B. Savua –F. Sarra [The Colonial Heritage of French Museums and the Problem of Restitution: on the Traces of the Discussion on the Report of B. Savoie - F. Sarr] Sarr // Heritage and Modernity / Edited by V.M. Valeev. Kazan: Kazan University Press, 2020. С. 36-44.
7. Borelli, S. & Lenzerini, F. Cultural Heritage, Cultural Rights, Cultural Diversity: New Developments in International Law. 41 p. URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=976118072096020065099117019072102096059080095032024041078114023074022110098095078125031006120043049043112118112068013112122090044000063069006096025007012073024086028032061002004127105092093123092086124105069020064125119074115069126065120094115068117089&EXT=pdf&INDEX=TRUE> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Duhaime, B. & Labadie, C. (2016). Les voyages des manuscrits des manuscrits de la mer Morte: réflexions sur la restitution des biens culturels et le droit international. *Théologiques*, 24(2), 183-218. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/theologi/2016-v24-n2-theologi03889/1050507ar.pdf>

(accessed on 07.12.2023).

9. Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). London: His Majesty's Stationery Office, 1946. 18 p. (Miscellaneous No. 1 (1946). p. 18. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/12/15/5c0dfcd9-2af2-431b-8cbf-e8e288aef30e/publishable_en.pdf (accessed 07.12.2023).

10. Francioni, F. (2008). Au-delà des traités : L'émergence d'un nouveau droit coutumier pour la protection du patrimoine culturel. 25 p. URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/7992/LAW-2008-05.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 07.12.2023).

11. Hague convention II with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (29 July 1899). 4 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1902&context=ils> (accessed on 07.12.2023).

12. Hague convention IV with respect to the laws and customs of war on land (with annexed regulations) (18 October 1907). 5 p. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1907&context=ils> (accessed 07.12.2023).

13. International Committee of The Red Cross. Customary International Humanitarian Law. Volume I. Rules. Cambridge University Press, New York. 689 p. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-humanitarian-law-i-icrc-eng.pdf> (accessed on 07.12.2023).

14. Perrot, X. (2005). La restitution internationale des biens culturels aux XIX e et XX e siècles. Espace d'origine, intégrité et droit. 381 p. URL: <https://hal.science/tel-01536066/document> (date of reference: 07.12.2023).

15. Prott, L. V., & Kowalski, W. (2011). Témoins de l'histoire : Recueil de textes et documents relatifs au retour des objets culturels. UNESCO Editions. 492 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000191729> (accessed on 07.12.2023).

16. Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle. 2018. 240 p. URL: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf (date of reference: 07.12.2023).

Об авторе

Макий Валентин Геннадьевич – аспирант Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, E-mail: valentinmakiy@gmail.com

Makiy Valentin Gennadevich – PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, E-mail: valentinmakiy@gmail.com

УДК 821.111: 94(44).04

Меер Е.С., кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СЕРИИ КНИГ ОБ АЛОМ ПЕРВОЦВЕТЕ БАРОНЕССЫ ЭММЫ ОРЦИ

В статье на основе историко-сравнительного метода и дискурс-анализа предпринимается попытка анализа серии исторических романов об Алом Первоцвете британской писательницы начала XX в. Эммы Орци с целью выявления особенностей конструирования образа Французской революции в ее творчестве. В исследовании отмечается, что данный культурный продукт пользовался популярностью при жизни создательницы, был поставлен на сцене и неоднократно экранизировался, поэтому нуждается в изучении в связи с наличием его перманентного влияния на формирование памяти о прошлом. Автор показывает, что репрезентация Французской революции баронессы опиралась на интерпретации историка Т. Карлейля и писателя Ч. Диккенса, ставшие классическими в Англии в XIX в. и представлявшие события как справедливое возмездие низов привилегированным, которое выродилось в тиранию толпы. В статье демонстрируется, что Э. Орци в отличие от них сосредоточила свое внимание преимущественно на «годах ужаса» 1792–1794 гг., сведя их только к постоянному террору, создала серию демонических, животных образов якобинских лидеров. В работе подчеркивается наличие в серии книг нарушений с датировкой событий, дискурса псевдоисторизма и творческой переработки биографий реальных исторических персонажей.

Ключевые слова: Французская революция, Эмма Орци, Алый Первоцвет, британская художественная литература, культурная память, террор, революционные лидеры, толпа, темпоральный дискурс, псевдоисторизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-82-92

Введение. Французская революция конца XVIII в. – одно из знаковых событий всемирной истории, внесшее огромный вклад в создание европейской цивилизации и современной Франции. Это предмет для бесконечных дискуссий историков в течение двух веков, основание для единства и раскола между французами. А также тема для репрезентаций в художественной литературе. Наряду с французскими существует целый ряд британских художественных произведений, в которых конструировался ее образ. Их авторами являются Ч. Диккенс, Э. Гаскелл, Э. Орци, Р. Сабатини, Д. Дю Морье, В. Холт, Х. Мантел, Т. Ли, среди которых первый наиболее известен. Его изображение Французской революции является классическим в Великобритании [9, с. 215–227; 19, с. 113–128]. Эмма Орци (1865–1947), или Эмма Орчи, Эммуска Орчи, баронесса Эмма Орчи, Эмма Барстоу по мужу – британская писательница венгерского происхождения – была первой женщиной-автором историко-приключенческих произведений о данном событии в Англии в начале XX в. Она

создала цикл книг об Алом Первоцвете в стиле романов плаща и шпаги, шпионских романов. Алый Первоцвет – это цветок, знак и прозвище главного героя Перси Блейни (Пэрси Блэкнея), богатого английского аристократа, возглавившего Лигу благородных джентльменов для освобождения французов, преимущественно дворян, от гильотины. Серии предшествовала популярная пьеса 1903 г. Произведения неоднократно экранизировались в кино. Только в переводе на русский язык можно обнаружить три фильма 1934, 1937, 1982 гг. и сериал BBC 1998 г. Творчество Э. Орци, на наш взгляд, также представляет интерес в контексте последних тенденций в современной российской историографии Французской революции. С одной стороны, заметно повышенное внимание исследователей к бесчинствам толпы и отношению революционных властей к ним [2; 3; 4], с другой, к деятельности комиссаров Конвента, прославившихся в 1793–1794 гг. своей политикой террора на местах, некоторые из кото-

рых станут активными участниками термидорианского переворота [7; 20; 21].

Что касается степени изученности темы в нашей стране, то она весьма скудная. На русском языке имеются небольшие вступительные статьи к романам М. Белоусовой, В. Рохмистрова и С. В. Ермолаева (обе 1993 г.) [1; 6, с. 5–6]. В первой из них можно обнаружить краткую биографию Э. Орци и историю цветка *Scarlet Pimpernel*, данные о высокой издаваемости произведений автора при жизни в Великобритании и переводах на разные языки.

М. Белоусова и В. Рохмистров заявляют, что историческая достоверность романов писательницы «более чем сомнительна», это плод ее талантливой фантазии, и не идут дальше этого утверждения. Во второй статье отмечается, что Э. Орци предлагает читателю интерпретацию Французской революции иную, нежели та, к которой советская историческая наука приучила читателей, что она осуждает террор, навязанный якобинскими политиками народу, и это явно импонирует духу постсоветского времени. С. В. Ермолаев, в отличие от вышеупомянутых авторов, утверждает, что британская писательница основывается на исторических источниках, и не сомневается в достоверности ею написанного. Обе работы не проясняют вопрос с полным перечнем произведений цикла, не ясно точно, сколько их было. Очередной проблеск интереса к репрезентации образа Французской революции в творчестве Э. Орци наблюдается в современной статье молодой красноярской исследовательницы А. А. Ореховой, которая сравнивает первый роман из серии книг об Алом Первоцвете с «Повестью о двух городах» Ч. Диккенса. Она отмечает, что действие обоих произведений происходит между Парижем и Лондоном, главные герои их – это англичане, спасающие французов от гильотины, Французская революция имеет социальные истоки и является трагедией, сводится к периоду якобинской диктатуры и террору [10, с. 65–66].

В Великобритании между тем в 2012 г. вышла капитальная монография Салли Дуган (1954–2018) из Оксфордского университета Брукса «Алый Первоцвет баронессы Орци: история публикации». Эта работа содержит полный перечень произведений цикла, пока-

зывает их привязку к прославлению английской нации в британской империи в XX в., подчеркивает восприятие французов как «других», находит истоки серии в предшествующих рассказах писательницы, пытается объяснить причины ее обращения к конкретному историческому событию [22].

Данная же статья ставит перед собой в качестве цели выяснение особенностей конструирования образа Французской революции баронессой Эммой Орци в цикле книг об Алом Первоцвете как части культурной памяти британского общества начала XX в. об исторических событиях конца XVIII столетия.

Объекты и методы исследования. В качестве источников для анализа в данной работе используются 6 романов баронессы, переведенных на русский язык, из 12 имеющихся в серии и вышедших с 1905 по 1940 г. (не считая приквелов и сиквелов) [22] – «Алый Первоцвет» (1905 г.), «Я отплачу» (1906 г.), «Неуловимый Алый Первоцвет» (1908 г.), «Эльдорадо» (1913 г.), «Жена лорда Тони» (1917 г.) и «Триумф Алого Первоцвета» (1922 г.).

Книги Э. Орци публиковались еще в дореволюционной России. В СССР не печатались, очевидно в связи с содержанием, не соответствующим советской традиции интерпретации Французской революции. В постсоветской России активно издаются, но издательская политика имеет свою специфику. Одни и те же произведения выборочно выходят в разных издательствах под различными названиями (например, «Алый Первоцвет» также известен как «Сапожок принцессы», «Рыцарь любви», «Красный цветок»), могут дробиться на части как «Эльдорадо», что неизменно фигурирует в двух книгах под вымышленными наименованиями, включаются в серии дамских романов, хотя не соответствуют этому жанру. Ряд работ включен в сборник «Лига красного цветка», хотя у Э. Орци в 1919 г. выходила отдельная книга под этим названием, состоящая из коротких историй, что может ввести российского читателя в заблуждение. Имеются и загадочные ошибки. Так, на обороте титула романа «Секрет Алого Первоцвета», вышедшего в издательстве «Пальмира» в 2021 г., сообщается, что это перевод книги «Эльдорадо» (1913 г.). Между тем

внутри читатель обнаружит текст произведения Э. Орци «Я оплачу» (1906 г.) [13, с. 4].

Обложки книг, изданных в России, не передают смысловой посыл романов о Французской революции. На них изображаются либо любовные пары, либо цветы всех видов (роза, лилия, хризантема), которые не соответствуют Алому Первоцвету. Исключение составляет только один из вариантов обложки «Алый Первоцвет возвращается» (в оригинале «Триумф Алого Первоцвета») издательства «Пальмира», на которой можно увидеть очный цвет полевой из семейства Первоцветные. Во всяком случае, если придерживаться точки зрения М. Белоусовой и В. Рохмистрова [1], так как в сноске в сборнике романов «Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции» (1993 г.) утверждается иное: что в произведениях Э. Орци речь идет о кровохлебке из семейства Розоцветные, известной на английском языке как Пимпернелла [15, с. 10], что соответствует оригинальному прозвищу главного героя. Сама Э. Орци описывает цветок красного цвета, скромный, придорожный, то крестообразный, то звездообразный, обладающий кровоостанавливающим эффектом [14, с.234; 15, с.22–23, 54, 75; 18, с.166]. Последнее весьма существенно для интерпретации Французской революции баронессой. Кровохлебка как раз обладает данным свойством, но не украшает обложек изданий, в то время как очный свет полевой, если верить М. Белоусовой и В. Рохмистрову, применялся в Европе как средство от застоя крови, проблемы, которой как раз во Франции конца XVIII в. определено не наблюдалось.

Для плодотворной реализации цели в работе также используются как вспомогательные источники труд историка Т. Карлейля о Французской революции (1837 г.) и роман Ч. Диккенса «Повесть о двух городах» (1859 г.), ставшие классикой в Великобритании.

В качестве методов в статье применяются историко-сравнительный анализ и дискурс-анализ. Работа базируется на представлении о художественной литературе как историческом источнике для изучения культурной памяти, трансформирующейся по мере развития общества.

Результаты и их обсуждение. О том, по-

чему баронесса Эмма Орци из Венгрии, переехавшая с семьей в начале 1880-х гг. в Англию и осевшая там, обратилась к использованию образа Французской революции в художественной литературе, известно немного. В Англии в XIX в. была популярна интерпретация событий историка-романтика Томаса Карлейля, с которой писательница, несомненно, была знакома, так как использует цитату из его труда по поводу братских ужинов мая 1794 г. в романе «Триумф Алого Первоцвета» как название для 1 главы «Вечные звезды смотрят вниз» [8, с. 515; 11, с. 5, 223], не указывая при этом автора строк. Образцом английского романа по Французской революции, в свою очередь, была «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса, написанная под влиянием вышеупомянутого историка. На ее основе была создана пьеса «Единственный путь» (1899 г.) Джона Мартина Харви, которую могла видеть Э. Орци, как и другие постановки о Французской революции, которые пользовались успехом у британского зрителя в конце XIX в., – «Мертвое сердце» (1889 г.) и «Робеспьер» (1899 г.) Генри Ирвинга. Также выбор проблематики мог быть обусловлен посещением Э. Орци и ее мужем Парижской выставки 1900 г. [22].

Любопытно, что основы сюжетов первого и второго произведений цикла книг об Алом Первоцвете уже были апробированы писательницей в других художественных произведениях. Так линии «Алого Первоцвета» угадываются в рассказах «Красная гвоздика» (1898 г.) и «Знак трилистника» (1903 г.), опубликованных в периодических изданиях. В первом произведении рассказывается о заговоре польских анархистов против русского императора, во втором появляется англичанин, спасающий польских аристократов от Третьего отделения [22]. В итоге Французская революция занимает место репрессивной русской империи (!) в дискурсе баронессы, весьма показательный факт для понимания ее интерпретации данного феномена, как и для осознания того, как быстро она перестраивалась под запросы издательств и публики при создании своего культурного массового продукта. «Я оплачу», в свою очередь, появляется на основе «Жюльетты: рассказа о терроре» (1899 г.). Именно он был первым в творчестве Э. Орци произведением, посвященным Французской революции [22].

К истории о девушке, погибшей на гильотине, писательница добавила сюжет об Алом Первоцвете и счастливый финал, что позволило скрестить воедино две отдельные линии в ее творчестве.

Сама интерпретация Французской революции, представленная в романах Э. Орци, близка, вероятно, главной идее концепции Т. Карлейля. События, произошедшие во Франции в конце XVIII в., – это зло, порожденное злом, великая трансформация, которая была неизбежной, но не привела к «царству братства», а обернулась террором [8, с. 480–481, 542]. Как и ее предшественник Ч. Диккенс, она не может, да и не претендует на передачу всех тех смыслов, которые обнаружил и которыми пытался поделиться с читателями историк-романтик. Она оперирует доступными для английской публики стереотипами о Французской революции, тиражируя их и развивая из книги в книгу, закрепляя их через повторение. Культурный продукт Э. Орци, с одной стороны, карлейлевский, но, с другой стороны, определенно нет. Он ближе к диккенсовскому, как художественному упрощению и переработке идей труда Т. Карлейля, но также имеет свои отличия.

Хронологически события Французской революции в проанализированных романах постепенно разворачиваются с сентября 1792 г., после свержения короля (начало повествования в «Алом Первоцвете»), до термидорианского переворота в июле 1794 г. (им заканчивается «Триумф Алого Первоцвета»). Исключение составляет предыстория романа «Жена лорда Тони», в которой близ Нанта после взятия Бастилии разворачивается «неудавшаяся попытка жакерии» (вероятно, здесь Э. Орци намеривалась изобразить «Великий страх» лета 1789 г.) [12, с.31–32]. Если Т. Карлейль живописует читателю картину Французской революции от ее истоков (начиная со смерти Людовика XV) до того, как ее завершает «нужный человек» Наполеон Бонапарт в событиях вандемьера [8, с. 7, 546], Ч. Диккенс в «Повести о двух городах» переходит от произвола Старого порядка к революции нищеты, воплощенной в двух актах (взятие Бастилии и крестьянское движение в 1789 г., свержение королевской власти с быстрым переходом к террору) [5, с.192–209, 221–229, 239–244], то центр тяжести повествования Э.

Орци в отличие от них приходится на «годы ужаса» с репрезентацией соответствующего содержания. При этом пять из шести романов относятся к периоду якобинской диктатуры (все, кроме самого «Алого Первоцвета»).

Соответственно причины Французской революции как таковые описаны в ее серии весьма скудно и вплетены в повествование как свершившиеся события, как часть коммуникативной памяти. Объяснение обнаруживается на социальном уровне, перед читателем предстает триумф власти народа над властью аристократии [15, с.8]. Как и Ч. Диккенс [5, с.239, 294], Э. Орци акцентирует внимание на революции как мести непривилегированных привилегированным. Даже если возмездие оказывается непланируемым и не одобряемым, как в случае актрисы Маргариты, ставшей женой британского денди и Алого Первоцвета Перси Блейни, ненависть ее к семейству маркиза де Сен-Сира показана закономерной и оправданной. Брат героини, Арман Сен-Жюст, посмеявшийся влюбиться в дочь аристократа и написать ей поэму, был жестоко избит слугами последнего [15, с.36]. В «Жене лорда Тони» представлен образ плохого аристократа герцога де Керногана, который не платил налогов вообще, обогащался от продажи зерна, имел исключительное право на охоту в лесу и чей суд присуждал к смерти в случае его нарушения (как в случае с Антуаном Мелёном, поймавшим пару голубей в неположенном месте) [12, с.6]. Несомненно, данному персонажу далеко до «подвигов» маркиза Эвремонта Ч. Диккенса [5, с. 102–104, 282–294], тем не менее он однозначно оценивается как тиран и деспот [12, с.13,21, 35]. «Надменный», «высокомерный», «гордый» [12, с.4, 8, 15, 21, 29; 15, с.26, 39] – наиболее частые характеристики, которые Э. Орци применяет к французским дворянам, чтобы описать «страшное сословное неравенство» [16, с.8], которое привело к потрясениям. Поскольку его описание составляет немного места по сравнению со спасением дворян от гильотины, может создаться впечатление, что баронесса считает французских аристократов исключительно жертвами, но это не так. Писательница работает в рамках революционного дискурса, который оперировал представлением о конфликте неделимой ари-

стократии и единого народа. Соответствующая терминология приписывается обоим сторонам на протяжении всей серии.

Экономический уровень причинности, тесно переплетающийся с социальным, иллюстрируется у Э. Орци только упоминанием высоких цен на хлеб в 1789 г., приписанных аристократическому заговору, и связанным с ним голодом в крестьянской среде [12, с. 7, 14]. Бедность народа объясняется непомерными налогами (весьма абстрактными), о каких-либо сеньориальных платежах, при том, что главный враг – это аристократ, не упоминается вообще. На фоне Ч. Диккенса, рисующего картину буквально вымирающей от налогов государству, десятины церкви, повинностей сеньору французской деревни [5, с.105–106], Э. Орци в «Жене лорда Тони» чуть более оптимистична. Есть крестьяне, как мельник, отец Пьера Адэ, у кого есть «немалый надел земли», хотя его доход исчезал под грузом налогов [12, с.9–10].

Присутствует у Э. Орци в зачаточном виде и разработка идейных предпосылок Французской революции. Она отмечает, что Маргарита и ее брат Арман увлеклись «утопическими идеями» свободы и равенства [15, с.36], крестьянин Пьер Адэ благодаря сельскому кюре ознакомился с трудами Руссо и Марата [12, с.7] и даже его несостоявшийся зять Антуан Мелён убил голубей в лесу герцога из принципа (!) – апробировал принцип равенства прав на практике, за что и поплатился [12, с.6]. Отмечается работа городских агитаторов в деревне и восприимчивость молодых людей к пропаганде [12, с.4, 6–8].

Наконец, политический уровень причинности присутствует только в дискурсе революционеров: на «Капета»- тирана, угнетавшего народ, возлагается ответственность за происходившее при Старом порядке, захваченная Бастилия описывается «олицетворением тирании» [12, с. 4, 8, 185; 14, с.258], в языке же самой Орци монарх присутствует как «бедный король Луи» [12, с. 33]. Таким образом, конкретные «пороки короля» фактологически не раскрываются, политический уровень остается далеким и абстрактным. Перед нами революция бедности, расцветенная утопическими идеями.

В отличие от Ч. Диккенса, который в

своей «Повести о двух городах» не покушается на изображение образов революционеров, Э. Орци не стесняется прибегать к использованию исторических персонажей. При этом она приправляет реальные биографические данные своей бурной фантазией. Заклятый враг сэра Перси и главный антагонист ее серии – бывший маркиз де Шовелен. Из романа в роман он оказывается одураченным хитроумным англичанином, несмотря на все ловушки, которые он коварно готовит Алому Первоцвету (исключение составляет книга «Я отплачу», где данный персонаж отсутствует). Маркиз Бернар Франсуа де Шовелен действительно существовал [22]. Несмотря на аристократическое происхождение он встал на сторону революции. Он действительно был посланником в Лондоне в 1792 г., пока не началась война между Францией и Англией, как и сообщается в романах «Алый Первоцвет» и «Неуловимый Алый Первоцвет» [15, с.38, 46, 52; 18, с.166]. При этом баронесса меняет ему имя, сделав Арманом [12, с. 47] и переписывает ему биографию с 1793 г. Начиная с романа 1908 г. бывший дипломат упоминается как председатель Комитета общественной безопасности или как его член, хотя таковым он не являлся [11, с. 67, 172, 189–190; 12, с. 46; 14, с. 293; 18, с.168]. Реальный Шовелен был арестован при якобинской диктатуре и освобожден после термидорианского переворота, таким образом баронесса переписала его судьбу при якобинской диктатуре на противоположную. Отметим, что фигура гражданина Шовелена упоминается в труде историка Т. Карлейля именно как французского посланника в Англии, вынужденного покинуть Альбион после казни Людовика XVI [8, с. 430].

Помимо Шовелена, которого Э. Орци превратила в одного из деятелей якобинской диктатуры, баронесса предлагает целую серию портретов ее реальных лидеров, описываемых более или менее подробно в зависимости от места в ее сюжетах. Одни революционеры только упоминаются (например, Марат, Сантерр, Эбер) [11, с.6; 13, с. 191; 14, с. 231; 16, с. 118, 141; 18, с. 162, 184], другие могут играть второстепенные роли (Дантон, Шометт, Кутон, Сен-Жюст, Баррас) [11, с.68, 74–75, 204, 212–216; 18, с.162–164], третьи активно действуют в ее романах (Робеспьер,

Мерлен из Дуэ, Фукье-Тэнвиль, Колло д'Эрбуа, Каррье, Тальен) [11, с. 6–14, 34–49, 61–77, 184, 195–205, 221–222; 12, с. 165–189; 16, с. 131–138, 141, 151; 18, с. 163–169, 208, 214]. Функции могут меняться у ряда персонажей из романа в роман. Например, Робеспьер присутствует только как упоминаемое лицо и фигура для сравнения в четырех книгах из шести [12, с. 192, 205; 14, с. 230–232; 15, с. 9; 16, с. 123, 147], при том что в двух работах баронессы «Неуловимый Алый Первоцвет» и «Триумф Алого Первоцвета» он выступает как ключевая фигура.

Все описания вышеупомянутых деятелей носят негативный характер, перед читателем предстает серия кровожадных демагогов, фанатиков и тиранов, думающих только о власти и о том, как бы казнить побольше «аристократов» [11, с. 75; 12, с. 54–55, 57, 169–173, 177, 247; 14, с. 235; 15, с. 52–53; 18, с. 164–165]. Черные образы усиливаются за счет использования религиозных, животных образов и ярких фишек, непременно сопровождающихся гиперболизацией. Так Шовелен часто сравнивается с Дьяволом [17, с. 322; 18, с. 212, 228]. На уродливом лице Каррье, которого «мир еще не видывал», лежит «печать самого Сатаны» [12, с. 174]. Примером «порождения Сатаны» является и Фукье-Тэнвиль [14, с. 231]. Шовелен ассоциируется с лисой, хорьком и рысью [15, с. 43, 46, 52, 60–61; 18, с. 165], Мерлен из Дуэ со змеей [16, с. 131], Фукье-Тэнвиль с обезьяной и шакалом [14, с. 231], Каррье с тигром [12, с. 165, 170–171]. Дантон напоминает писательнице «какого-то хищного зверя» [18, с. 163], позже более определенно «громadного косматого льва» [14, с. 231]. И все вместе они представляют собой «ненасытных животных» [18, с. 162], «диких зверей» [14, с. 232], позиционируются автором как «стая взбесившихся волков» [11, с. 6]. В качестве фишки для Каррье, иллюстрирующей его грабительскую политику в Нанте и стремление к роскоши, баронесса применяет образ золотой зубочистки, которой он ковыряет в зубах [12, с. 176]. Невозмутимость Робеспьера проявляется в «неизменно безукоризненном костюме цвета морской волны» и в том, что он «спокойно полировал себе ногти» [11, с. 68; 18, с. 164].

В серии книг можно обнаружить и реальные исторические женские персонажи,

связанные так или иначе с якобинской диктатурой. Это Дезирэ Кандейль, Тереза Кабаррюс, Екатерина Тео. Как и в случае с Шовеленом, их реальная биография расцвечивается фантазией автора.

Имя первой «Богини Разума» как символа процесса дехристианизации можно обнаружить на страницах книги Т. Карлейля и здесь оно звучит как госпожа Кандейль из Оперы, имени нет. Историк утверждал, что именно ее в ноябре 1793 г. внесли в Конвент в паланкине, а потом в собор Парижской Богоматери [8, с. 494]. Вне зависимости от того, была ли это именно это актриса или другая, в романе Э. Орци фигурирует именно эта фамилия. Бурная фантазия баронессы объяснила получение Кандейль столь почетной функции ее ролью в миссии по выманиванию Алого Первоцвета во Францию, организованной Шовеленом, место праздника было изменено с Парижа на Булонь [18, с. 168–169, 219, 222]. Э. Орци воспроизводит исторический миф о Терезе Кабаррюс, маркизе де Фонтенэ, как факторе смягчения репрессий в Бордо со стороны комиссара Конвента Жана-Ламбера Тальена, ставшего ее возлюбленным [8, с. 487; 11, с. 17, 30, 64, 119]. В связи с этим в сценарии баронессы яркая испанка вынуждена отправиться осуществлять ту же операцию, что и Кандейль [11, с. 84–85]. Наконец, Екатерина Тео, изучавшая Книгу откровений и прочитавшая на ее основе роль Робеспьера в обновлении Франции [8, с. 517], превращается у Э. Орци в личную предсказательницу Неподкупного, некромантку, гадающую по стеклянному шару и предсказывающую угрозу, исходящую от Алого Первоцвета, по заказу Шовелена [11, с. 11–17]. Все эти в целом коварные женщины только усиливают негативные впечатления от революционного режима.

Образ толпы наряду с портретами революционных лидеров составляет важную составную часть культурной памяти о Французской революции в романах Э. Орци. Когда будущая писательница еще была маленькой, ее отец, венгерский барон Бодог Орци, столкнулся с выступлением крестьян своего поместья. Они сожгли урожай в ответ на его попытку внедрить машины. Возможно, семейная память об этом неприятном эпизоде могла повлиять на отношение Эммы к действиям толпы и на ее изображение в романах [22].

Кроме того, Ч. Диккенс уже сформировал ее яркие образы для Французской революции в «Повести о двух городах», ставшие стереотипными [5, с.247–248]. Поэтому неудивительно, что Э. Орци осуждает тиранию толпы, народ оценивается ей как «дикари», одержимые мстостью [15, с.8–9; 16, с.151]. Особую роль играют женщины. Не случайно, уже в начале первого романа упоминаются «вязальщицы», наблюдающие за казнями на гильотине и одновременно занимающиеся своим феминным ремеслом, а Алый Первоцвет маскируется под подобную старуху, чтобы спасти французских дворян [15, с. 11–12]. Ч. Диккенс уже создал яркий образ Терезы Дефарж, которая увековечивает павшие головы аристократов в своем вязальном дискурсе [5, с.251, 300–301, 319–320]. Орци идет по его стопам, но для нее они только опасная безликая масса, «страшные фурии» и «кроважидные мегеры» [16, с.116–118]. Реже перед читателем предстает угнетаемая новыми правителями-монстрами масса, борющаяся за выживание [14, с.248; 18, с. 211–212, 221].

В книгах Э. Орци наблюдается особое функционирование темпорального дискурса, проявляющееся в смещении времени. Писательница обнаруживает постоянные погрешности с датировкой событий. Например, массовые казни аристократов на гильотине описаны ей в романе «Алый Первоцвет» уже в сентябре 1792 г. [15, с.8–9, 14, 17], чего конечно не было в реальности [8, с. 372]. Вероятно, здесь баронесса скрешивает воедино две темпоральные линии, не имевшие места одновременно, – сентябрьские убийства, не связанные с новым способом казни, и гильотинирование как практику, – для создания определенной культурной памяти о времени. Для нее очевидно нет кардинальной разницы между ситуациями 1792 г. и 1793 г. Еще один подобный пример иллюстрирует история с Колло д'Эрбуа, который организовал массовые казни противников республики в Лионе в ноябре 1793 г. [8, с.488–489]. У баронессы в романе «Неуловимый Алый Первоцвет» он уже это сделал к сентябрю 1793 г. [18, с.162–164]. Очевидно, что два месяца существенны для истории республики, но не для баронессы. Парадоксальная ситуация в серии произведений Э. Орци обнаруживается, когда она в вышеупомянутой книге приписывает

Колло д'Эрбуа потопления людей [18, с.163–164], которые на самом деле Каррье применял на Луаре [8, с. 490–491]. Спустя почти десяток лет в романе «Жена лорда Тони» последний будет восстановлен в своем праве [12, с.168], получив свою отдельную кровавую историю, но сам цикл сохранит противоречивую память – два революционера совершают одно и то же действие.

При постоянных искажениях темпорального дискурса баронесса может прибегать к дискурсу псевдоисторизма. Яркий пример в этом плане предлагает книга «Я оплачу». Здесь Эмма Орци дает понять читателю, что ее персонажи Поль Дерулед, жирондист, и его возлюбленная, дворянка, Жюльетта де Марни, в реальности существовали. Она приписывает Деруледу членство в Конвенте и речь на суде в защиту Шарлотты Корде, утверждает, что донос, который написала Жюльетта на Поля хранится во французских архивах, а приговор ей вынесен от 25 фрюктидора I года Республики и сохранился в Протоколах революционного трибунала [16, с.118, 127, 147, 149, 152]. Ссылка на исторические источники пронизывает всю работу, но очевидное отсутствие в рядах жирондистов Поля Деруледа и сам факт введения революционного календаря только в октябре 1793 г. указывают на иллюзию конструируемой историко-культурной памяти. Элементы псевдоисторизма используются и при характеристике Мерлена, депутата Конвента, автора закона о подозрительных от 17 сентября 1793 г. [8, с.474]. Орци пишет, что в музее Карнавалэ сохранился его портрет, который она описывает как созданный незадолго до его смерти на гильотине [16, с.131]. Ссылка на исторический источник скрывает между тем очередную фантазию писательницы. Мерлен из Дуэ переживет революцию на много лет.

Вишенкой на торте интерпретации Французской революции в романе «Триумф Алого Первоцвета» у баронессы является то, что термидорианский переворот был спровоцирован сэром Перси Блейни и Франция обрела свободу благодаря Англии. Только из-за ловушки Алого Первоцвета с арестом Терезы Кабаррюс Тальен проявляет отчаянную храбрость и бросается свергать диктатуру Робеспьера [11, с.185–222]. Таким образом, погрязшая в тирании Франция не смогла бы вы-

браться из революционного потока самостоятельно, ей был нужен внешний спаситель-победитель. Таков конечный посыл текста. Баронесса ошибочно показывает, что термидор означает конец власти толпы и гильотины, хотя за ним в реальности последовали народные восстания в жерминале, прериале и вандемере, а террор продолжился, только сменив направленность, превратившись из «красного» в «белый», о чем, по сути, и пишет в своей книге Т. Карлейль [8, с. 528–529, 536–540, 544–546]. С героем у Орчи, положившим окончательный конец революционной жестокости и анархии, британский историк также бы не согласился, ибо он поджидает великую личность – реального Бонапарта [8, с. 546], а он, конечно, не англичанин.

Заключение (выводы). Суммируя изложенные в статье размышления, обозначим основные идеи работы, которые могут быть оценены как вклад автора в изучение репрезентации Французской революции в британской художественной литературе. Особенности конструирования образа данного феномена Эммой Орчи заключаются в следующем. Английская писательница венгерского происхождения начала XX столетия создавала массовый культурный продукт, который мог быть интересен британскому читателю. С одной стороны, он конструировался в преемственности с узнаваемыми классическими

образами Французской революции в исторической и художественно-литературной мысли XIX в., созданной Т. Карлейлем и Ч. Диккенсом, которые оценили ее как закономерное зло в ответ на зло Старого порядка, как социальный конфликт непривилегированных и привилегированных, вылившийся в тиранию толпы. С другой стороны, баронесса сосредоточила внимание на самых жареных эпизодах именно «годов ужаса», сведя Французскую революцию к беспрестанной работе гильотины. Она предложила серию черных упрощенных портретов якобинских лидеров, чьей единственной целью была борьба за власть, и связанных с ними корыстных женщин. Э. Орчи активно использовала при создании образов реально существовавших деятелей прошлого как исторические сведения, так и свою бурную фантазию для переписывания их поступков и даже судеб, демонизировала и уподобляла животным ряд революционных лидеров-мужчин. Возможно, в связи с массовым, тиражируемым характером своего культурного продукта, она позволяла себе то, что Ч. Диккенс не допускал в отношении Французской революции, смещать темпоральные пласты и использовать дискурс псевдоисторизма. Наконец, спасение погрязшей в тирании Франции в термидоре она доверяет внешней силе – свободной Англии, мысль, которая, вероятно, должна была импонировать жителю британской империи начала XX в.

Список литературы

1. Белоусова М., Рохмистров В. Неизвестная знаменитость, или триумф Дон Кихота // Орчи Э. Сапозжок принцессы. СПб.: Северо-Запад, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/istoricheskie-lyubovnye-romany/316307-emmuska-orchi-sapozhok-princessy.html> (дата обращения: 05.04.2025)
2. Блуменау С. Ф. Бесчинства толпы летом 1789 года в восприятии депутатов Учредительного собрания Франции // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2020. №3. С. 24–30.
3. Блуменау С. Ф. Марш парижан на Версаль осенью 1789 г.: голодный бунт или политическая акция? // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2022. №2. С. 31–37.
4. Блуменау С. Ф. Учредительное собрание Французской революции конца XVIII века в борьбе с самоуправством толпы // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2023. №3. С. 32–39.
5. Диккенс Ч. Повесть о двух городах. СПб.: СЗКЭО, 2023. 336 с.
6. Ермолаев С. В. Вместо предисловия // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С. 5–6.
7. Зайцева Д. В. Жан-Ламбер Тальен: нелюбимый сын Французской революции. СПб.: Наука, 2023. 250 с.
8. Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991. 575 с.

9. Меер Е. С. Французская революция в британской художественной литературе второй половины XX в. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып. 16. Сборник статей участников XIV Всероссийской научной конференции (12–13 октября 2023 г.) / отв. ред. А. Р. Панов. Арзамас: Арзамасский филиал НГТУ, 2023. С. 215–227.
10. Орехова А. А. Образ Французской революции в британской художественной литературе нового времени // История и политика в искусстве: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции для школьников, студентов и аспирантов. Красноярск, 28 апреля 2022 г. / отв. ред. Е. С. Меер. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. С. 65–66 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49402822> (дата обращения: 07.04.2025)
11. Орчи Э. Алый Первоцвет возвращается: роман. М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии»/ «Пальмира», 2020. 224 с.
12. Орчи Э. Жена лорда Тони: роман. М.: Вече, 2014. 352 с.
13. Орчи Э. Секрет Алого Первоцвета: роман. СПб.; М.: «RUGRAM_ Пальмира», 2021. 105 с.
14. Орчи Э. В борьбе за принца // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С.229–310.
15. Орчи Э. Красный цветок // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С.7–108.
16. Орчи Э. Месть и любовь // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С.109–159.
17. Орчи Э. Мученик идеи // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С.311–393.
18. Орчи Э. Неуловимый // Орчи Э. Лига Красного Цветка: романы из времен Великой Французской революции. М.: Авангардъ, 1993. С.161–228.
19. Проскурнин Б. М., Фирстова М. Ю. Французская революция как трагедия в английской литературе: переключки через столетие // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2023. №1. С. 113–128.
20. Роленков А. Г. Ж. Фуше и революционный террор в Лионе (осень 1793–весна 1794 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2017. №1. С. 86–94.
21. Роленков А. Г. Начало миссии Жозефа Фуше в Лионе: социально-экономический аспект // История. Общество. Политика. Брянск, 2018. №1. С. 60–68.
22. Dugan S. Baroness Orczy's The Scarlet Pimpernel: A Publishing History. Burlington: Ashgate, 2012. 296 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=r6d9MlgiwssC&printsec=frontcover&dq=editions:q6uSJIoLKFwC&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.04.2025)

REPRESENTATION OF THE FRENCH REVOLUTION IN THE SCARLET PIMPERNEL SERIES BY BARONESS EMMA ORCZY

The article, based on the historical-comparative method and discourse analysis, attempts to analyze a series of historical novels about the Scarlet Pimpernel by the British writer of the early 20th century Emma Orczy in order to identify the features of constructing the image of the French Revolution in her work. The study notes that this cultural product was popular during the creator's lifetime, was staged and filmed many times, and therefore needs to be studied due to its permanent influence on the formation of memory of the past. The author shows that the Baroness's representation of the French Revolution was based on the interpretations of the historian T. Carlyle and the writer C. Dickens, which became classic in England in the 19th century and presented the events as a just retribution of the lower classes against the privileged, which degenerated into the tyranny of the people. The article demonstrates that E. Orczy, in contrast to them, focused her attention primarily on the «years of horror» of 1792–1794, reducing them only to constant terror, and created a series of demonic, animal images of Jacobin leaders. The work emphasizes the presence in the book series of violations with the dating of events, the discourse of pseudo-historicism and the creative reworking of the biographies of real historical figures.

Keywords: French Revolution, Emma Orczy, The Scarlet Pimpernel, British fiction, cultural memory, terror, revolutionary leaders, crowd, temporal discourse, pseudo-historicism.

References

1. Belousova M., Rokhmistrov V. (1993) Neizvestnaya znamenitost', ili triumf Don Kikhota [The Unknown Celebrity, or the Triumph of Don Quixote]. Orczi E. Sapazhok princzessy [Princess boot]. SPb.: Severo-Zapad. S.5–10. URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/istoricheskie-lyubovnye-romany/316307-emmuska-orchi-sapozhok-princzessy.html> (accessed: 05.04.2025)
2. Blumenau S. F. (2020) Beschinstva tolpy letom 1789 goda v vospriyatii deputatov Uchreditel'nogo sobraniya Franczii. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. №3. S. 24–30.
3. Blumenau S. F. (2022) Marsh parizhan na Versal' osen'yu 1789 g.: golodnyi bunt ili politicheskaya aktsiya? Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. №2. S. 31–37.
4. Blumenau S. F. (2023) Uchreditel'noe sobranie Franczuzskoy revoluczii kontsa XVIII veka v bor'be s samoupravstvom tolpy. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. №3. S. 32–39.
5. Dikkens Ch. (2023) Povesť o dvukh gorodakh [A Tale of Two Cities]. SPb.: SZKEO. 336 s.
6. Ermolaev S. V. (1993) Vmesto predisloviya [Instead of a preface]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen Velikoy Franczuzskoy revoluczii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 5–6.
7. Zaytseva D. V. (2023) Zhan-Lamber Tal'en: nelubimyi syn Franczuzskoy revoluczii [Jean-Lambert Tallien: The Unloved Son of the French Revolution]. SPb.: Nauka. 250 s.
8. Karleyl' T. (1991) Franczuzskaya revolucziya. Istoriya [The French Revolution. The History]. M.: Mysl'. 575 s.
9. Meer E. S. (2023) Franczuzskaya revolucziya v britanskoy khudozhestvennoy literature vtoroy poloviny XX v. [The French Revolution in British Fiction of the Second Half of the 20th Century]. *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i noveyshee vremya* [Political life of Western Europe: antiquity, the Middle Ages, modern and contemporary times]. Sbornik statey uchastnikov XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferenczii (12–13 oktyabrya 2023 g.) / otv. red. A. R. Panov. Arzamas: Arzamasskiy filial NGGU. № 16. S. 215–227.
10. Orekhova A. A. (2022) Obraz Franczuzskoy revoluczii v britanskoy khudozhestvennoy literature novogo vremeni [The Image of the French Revolution in Modern British Fiction]. *Istoriya i politika v iskusstve* [History and Politics in Art]. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferenczii dlya shkol'nikov, studentov i aspirantov. Krasnoyarsk, 28 aprelya 2022 g. / otv. red. E. S. Meer. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astafieva. S. 65–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49402822> (accessed: 07.04.2025)
11. Orczi E. (2020) Alyi Pervoczvet vozvrashchaetsya [The Scarlet Pimpernel Returns]. M.; SPb.: «T8 Izdatel'skie tehnologii»/ «Pal'mira». 224 s.
12. Orczi E. (2014) Zhena lorda Toni [Lord Tony's Wife]. M.: Veche. 352 s.
13. Orczi E. (2021) Sekret Alogo Pervoczveta [The Secret of the Scarlet Pimpernel]. SPb.; M.: «RUGRAM_Pal'mira». 105 s.
14. Orchi E. (1993) V bor'be za princza [In the fight for the prince]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen Velikoy Franczuzskoy revoluczii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 229–310.
15. Orchi E. (1993) Krasnyi Tsvetok [Red flower]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen Velikoy Franczuzskoy revoluczii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 7–108.
16. Orchi E. (1993). Mest' i lubov' [Revenge and love]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen Velikoy Franczuzskoy revoluczii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 109–159.
17. Orchi E. (1993) Muchenik idei [Martyr of the idea]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen Velikoy Franczuzskoy revoluczii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 311–393.
18. Orchi E. (1993) Neulovimyi [Elusive]. Orchi E. Liga Krasnogo Tsvetka: romany iz vremen

Velikoy Francuzskoy revolyucii [The League of the Red Flower: Novels from the French Revolution]. M.: Avangard'. S. 161–228.

19. Proskurnin B. M., Firstova M. Yu. (2023) Francuzskaya revolyuciya kak tragediya v angliyskoy literature: pereklichka cherez stoletie. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. №1. S.113–128.

20. Rolenkov A. G. (2017) Zh. Fushe i revolyuzionnyi terror v Lione (osen' 1793–vesna 1794 gg.). Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]. №1. S. 86–94.

21. Rolenkov A. G. (2018) Nachalo missii Zhozefa Fuche v Lione: sotsial'no-ekonomicheskiy aspect. Istoriya. Obshchestvo. Politika [History. Society. Politics]. №1. S. 60–68.

22. Dugan S. (2012) Baroness Orczy's The Scarlet Pimpernel: A Publishing History. Burlington: Ashgate. 296 p. URL: https://books.google.ru/books?id=r6d9MlgiwssC&printsec=frontcover&dq=editions:q6uSJIoLKFWC&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 10.04.2025)

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия), E-mail: jenumeer13@gmail.com

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenumeer13@gmail.com

УДК 930; 94(479.24)

Нагиев Г.Г., кандидат исторических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина (Россия, Москва)

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Город представляет собой не только важный элемент социально-экономического развития, но и динамичное ядро, способствующее дальнейшему прогрессу общества. Он живет особым ритмом, имеет специфические особенности политико-экономических, социокультурных и интеллектуальных процессов в своем развитии, а также отличается уникальным восприятием мира различными слоями населения. Вопросы о происхождении городов, становлении городской культуры и о градообразующих факторах – центральные темы историко-археологической науки. При исследовании древних городов особенно важен метод анализа письменных источников, которые, обеспечивая исследователя сведениями о природных и географических особенностях, политических событиях, торговых путях и связях, а также о характере городов, их топографической структуре, архитектурных свойствах и т.д. Эти источники описывают укрепленные города, стратегически расположенные вдоль торговых магистралей и в климатически благоприятных районах. Их оборона являлась решающим фактором выживания, и фортификационные сооружения отвечали всем требованиям своего времени. Мощная система оборонительных стен, усиленная башнями различных форм и сигнальными постами, надежно защищала города от вражеских нападений, как во время стремительных штурмов, так и длительных осад. Несмотря на скудность и фрагментарность в большинстве случаев, письменные свидетельства на различных языках подтверждают, что Азербайджан с древнейших времен был центром высокоразвитой городской культуры. В статье проанализированы ключевые подходы к понятию «город» и основные критерии типологизации исторических городов Азербайджана.

Ключевые слова: Азербайджан, классификация древних городов, структура города, планировка города, фортификация, топография, средневековый период.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-93-101

Введение. Современная историческая урбанистика как многообразное поле междисциплинарных исследований включает в себя целый ряд научных аспектов, среди которых выделяется сравнительно-типологические подходы в изучении вопросов возникновения и развития городов. По признанию исследователей, сегодня отсутствует общепринятая теория городского развития, единая методология, универсальная модель, способная гармонично связать отдельные локальные исследования в этой области. Это ведет к недостаточному уровню обобщений, безоговорочному принятию традиционных подходов и нетворческому заимствованию понятий и гипотез из других научных сфер.

Объектом исследования является средневековый город Азербайджана, характеристика его как сложное социальное явление и целостное социокультурное образование.

Азербайджан с древнейших времён являлся центром высокоразвитой городской культуры. Расположенный на перекрестке

важнейших систем торговых путей, соединяющих страны Ближнего и Среднего Востока, этот регион создал идеальные условия для возникновения новых и процветания существующих городов как экономическое, политическое и культурное пространство.

Источниковую базу представленной работы составили научные труды (монографии, статьи) исследователей – историков и археологов, отчеты о результатах археологических раскопок в средневековых городах Азербайджана.

Методологическая основа исследования. Методологически данное исследование основано на системе принципов, в числе которых принципы целостности, научности, объективности, историзм и всесторонний анализ источников и литератур для получения максимально независимых выводов. По результатам сравнительно-исторического анализа выявлены общие черты развития основных элементов городских структур, культурологический анализ позволил рассмотреть

реть средневековые города в контексте развития конкретной цивилизации и культуры.

Результаты и их обсуждение. Понимание понятия «город» является сложным и многогранным, не ограничивается рамками какой-либо одной науки или концепции. Этим объясняется существование множество исследований из различных областей знания, таких как история, география, социология, этнология, семиотика, культурология, философия, экономика, архитектура и др., посвященных изучению данного вопроса.

Город как результат эволюции различных типов человеческих поселений является историческим феноменом. Его многогранные функции и социо-культурное значение менялись в течение различных эпох. Город оказывал значительное влияние на ход цивилизационных процессов, эволюционируя вместе с ними.

Появление города – важное событие для организации общества и его развития. Его уникальные черты отражают особенности сложной социальной организации и уровень культуры, а также ценностные установки общества. Именно благодаря своей природе и роли в развитии цивилизации проблематика города является одной из актуальных для науки, особенно истории. Город как военно-политический, ремесленно-торговый центр был специально защищен системой укрепления, имел специфическую внутреннюю структуру, в которой отражались его разнообразные функции. Именно эти признаки в первую очередь отличают города от других типов поселений.

Современные методологические подходы, разработанные на основе накопленных археологических материалов и письменных информации, делают возможным более глубокое изучение целого ряда вопросов о становлении и развитии городской культуры.

Основными вопросами в изучении города как сложного объекта являются критерии определения города, причины зарождения и особенности течения развития, сущность его как специальная социальная целостность, роль на определенных исторических этапах. Исследователи главным показателем ранних азербайджанских городов считают наличие системы укреплений¹ и приводят мнение о

том, что в формировании городов ведущую роль играли крепости, замки (qala/гала). Можно предположить, что древние города носили такое же название как их древнее ядро – гала. С этимологической точки зрения слова qala/гала² объясняется по разному: одни связывают это слово глаголом «ограждать» на сирийском языке, по мнению других, оно тюркского происхождения и обозначает «класть» «складывать в кучу», «сложить» (qalamaq/qalaqlamaq, qalaq etmək) [13, с. 5; 24, с. 5]. Не останавливаясь подробно на этимологическом разборе, хочется отметить, что слово «гала» включает в себя понятие «поселение с укреплениями», то есть «город».

Оборонительная функция городов запечатлена на разных языках: город (gordь, градь) – огражденное место, cite (цитадель, крепость), burg – замок, укрепление, turn (тын) – ограждение, укрепление, town, urbs – крепость, arx (аркс) – крепость, kanta (kantha) – забор, загородка и т.д. В древней Греции «акрополис» (акрос – крепость, полис – город) являлся «вышгородом» – цитаделью города. В источниках слова «город» употребляется в понятии именно «оборонительное сооружение». 60-е годы XIV в. во время княжеских междоусобиц, князь Борис Константинович «заложи город сыпати», «повеле ров копать, где быть каменной городской стене и башням» [8, с. 13, 17].

Большинство древних городищ в Азербайджане, остатки которых вызывают интерес по сей день, известны под названиями Галайери, Гавур гала, Вандам гала, Газанхан гала (Габала), Торпаг гала, Галаджыг (Шамахи и др.), Дашлы гала, Эрк гала (Масаллы), Шер гала (Имишли), Оглан гала, Газанчыг гала, Шишгая гала (Газах), Сирик гала (Джабраил), Галалы (Губадлы), Галатепе (Агджабеди) и т. д. В этом контексте неслучайными являются распространённые названия цитаделей азербайджанских городов – «нарын гала» («нарын» – маленькая крепость), «ич гала» («ич» – внутренняя крепость), «бала гала» («бала» – малая крепость).

Для характеристики города исследователями выделены определенные признаки (критерии), которые отличают его от других

¹ На территории Азербайджана изучены поселения с оборонительными сооружениями энеолитического периода.

² «Calah – geographical name ancient city capital of Assyria on the Tigris 20 miles (32 kilometers) SE of modern Mosul, Iraq; site now called Nimrud [См. 22].

типов поселения. Это размеры, формы, топографические черты, свойства застройки, наличие оборонительных сооружений, географическое и стратегическое место расположения, строительные материалы и технические приемы возведения и т.д.

Определение территориальной грани города весьма сложно. Данный вопрос затрудняется не только недостаточной изученностью многих городов, но «заблуждением» письменных источников, в которых часто смешиваются понятия «город» и «деревня» [3, с. 167]. Мнения исследователей о территориальных размерах древних городов и поселений расходятся и ими применяются различные критерии для их идентификации. Кушанские поселения площадью 5 га, М. М. Массоном, были отнесены к категории городов [12, с. 36-43]. В соответствии с классификацией А. Н. Бернштама населенные пункты, занимающие территорию от 1 га выполняли функции городов [4, с. 32-33].

Э. В. Ртваледзе делит города на крупные (от 15 до 30 гектаров), средние (от 6 до 10 гектаров) и небольшие (от 1,5 до 3 гектаров) [19, с. 92-94]. А. Г. Джонсон выделил два типа населенных пунктов: город – с площадью от 6 до 15 гектаров и большой город – более 15 гектаров [23, с. 769-784].

Р. М. Адамс считает, что поселение площадью около 6 га можно рассматривать как город [21, с. 18]. Этот вывод основан на его исследовании поселений Месопотамии [21]. Ю. Ф. Буряков к разряду небольших средневековых городов Ташкентского оазиса относит поселения площадью 7,5 – 15 га [7, с. 150]. На основании структуры поселений Южного Согда С. Б. Луниной выделены «столичные и наиболее крупные города», «города со средней площадью от 20 до 40 га» и «маленькие городки в 7 – 8 га» [11, с. 40].

Б. А. Брыкина поселение Карабулак с площадью 5 га исследовала как город [6, с. 12]. Ю. А. Заднепровский в разряд городских поселений относит городища, занимающие площадь не менее 4 га, но при этом учитывал особенности некоторых населенных пунктов, таких как Касан, которые даже при относительно небольших размерах могли выполнять городские функции [9, с. 12]. Исследователь средневековых городов Южного Казахстана К. М. Байпаков предложил отнести

к категории маленьких городов поселения размером 10 га [2, с. 33].

Архитектор В. И. Керимов, анализируя исторические данные укрепленных поселений Азербайджана разных эпох, пришел к выводу, что 8 – 10 га является гранью между городом и селением [10]. Он выделил два типа городских укрепленных поселений: большой город с площадью в несколько десятков гектаров (Хасанлу, Тахти-Сулейман, Гиран, Бейлаган, Габала, Ичери Шехер, Ардебиль, Тебриз, Гянджа, Шамкир, Шабран и др.) и поселения, занимающие территорию от 8 до 12 га (Кюльтепе II, Йезидабад, Джанахар, Дашлытепе, Шахтахты, Шергала и др.) [10].

Конечно, городу как административный и экономический центр для размещения его населения требуется большую территорию. Но это не означает, что все поселения больших размеров были городами или наоборот. Многие населенные пункты обширным пространством не выполняли функции, характерные для городов. В то же время некоторые поселения незначительного размера выделялись как центры административного управления, развитого ремесленного производства и торговли, имели оборонительные сооружения – по сути были городами. Поэтому ставить четкую границу между городскими и сельскими поселениями, на наш взгляд, неверно.

Очень сложно определить площади территорий городов Азербайджана на различных этапах их исторического развития. По результатам археологических исследований размеры многих городов установлены в пределах их крепостных стен или общей городской территории [14], включая цитадели, шахристаны и рабады. Их можно группировать таким образом: 100 га и более (Барда, Гянджа, Дабиль, Нахчыван. Тебриз, Ардабиль, Марага, Шамахи, Дербенд и др.); 25 – 100 га (Бейлаган, Ахар, Занджан, Баку, Шабран, Шамкир, Габала и др.); 25 га (Баджреван, Хунан (Торпагала), Шехергах и др.

Эти города в отдельные периоды были столицами или важными политико-экономическими центрами азербайджанских феодальных государств. В них сосредоточен был интеллектуальный потенциал страны, население этих городов составляло около 100 тысяч человек и более.

Еще один критерий для классификации

– структура городов. Членение городищ на структурные элементы для некоторых исследователей послужило важным признаком для определения его как города [18, с. 84-96; 20, с. 60-63]. В зависимости от топографических условий и социального положения ранне-средневековые города Азербайджана в основном состояли из двух частей – цитадели (нарын гала, ич гала) и собственно города (шахристан). Такой градостроительный принцип был характерен и для ранне-средневековых городов Переднего и Среднего Востока, в частности Средней Азии.

Положение цитадели зависело от нескольких обстоятельств, среди которых главную роль играли пути формирования города, рельеф местности, оборонные соображения. Она, как правило, занимала наиболее возвышенную и защищенную часть города и была рассчитана на длительную оборону и отличалась особой надежностью. В цитадели размещались дворец правителя, казна государства, культовые и административные здания.

Территория шахристана в основном окружала более древнюю часть города (цитадель) со всех сторон или занимала одну из сторон её. Шахристан некоторых азербайджанских городов имеет единую планировку, то есть он построен одновременно с цитаделью [16, с. 507] (Бейлаган, Шахрияр, Чёл Агдам, Шамкир, Нахчыван (Йезидабад)). При этом в структуре некоторых городов не всегда четко прослеживается цитадель и шахристан.

Рост торговых отношений, увеличение объемов производства и укрепление международных связей способствовали расширению территориальных границ городов. В VII – VIII вв. за крепостными стенами шахристана постепенно образуется торгово-ремесленный квартал – рабад, который позже стал центром экономической и политической жизни города. В рабадах кроме жилых домов, мастерских, торговых рядов были расположены административные здания и культовые сооружения [15, с. 73-88]. Таким образом, средневековые города Азербайджана по структуре можно классифицировать как 1) двухчастные, 2) трехчастные.

Из-за особенностей рельефа местности и характера исторического развития города

имели разные формы в плане. В равнинной местности города, построенные по единому плану, чаще всего имели более правильные – прямоугольные или квадратные формы (Гянджа (рис. 1), Шамкир (рис. 2), Чёл Агдам, Бейлаган, Барда, Хой и др.). В результате хаотичной застройки городов форма их потеряла четность очертания.

Города, расположенные в пригорных и гористых районах, более подчинены форме местности с целью максимального использования естественных препятствий для защиты города. Для таких городов характерна неправильная форма (Шамахи, Дербент, Нахчыван (рис.6), Габала (рис. 3), Хараба-Гилан (рис. 4))

На территории Азербайджана также изучены города, у которых форма в плане представляет собой круг или овал (Баку, Шиз (рис.5), Ордубад).

На основании данный критерий можно выделить следующие города: 1) города с прямоугольной формой плана; 2) города с неправильным очертанием; 3) города с круглой или овальной конфигурацией; 4) Города, сочетавшие правильную и неправильную конфигурации в планировке (Дербент, Нахчыван (Йезидабад)); 5).Города, основу планировки которых составили длинные стены (Дербент).

Исследователи «...определяющими для характеристики города» считали и окружающие его укрепления [5, с. 60]. Система оборонительных сооружений была необходимой мерой для защиты города. Прочные стены и башни позволяли выдерживать длительные осады, отражая атаки противника в течение продолжительного времени. По мере роста городского населения и развития торговли, возникала острая необходимость в новых оборонительных сооружениях. Строительство дополнительных городских стен требовало немалых затрат времени, сил и средств. Поэтому инженерам приходилось учитывать не только потребности в защите от захватчиков, но и перспективы дальнейшего развития города. Новые фортификационные укрепления возводились все дальше от центра, образуя concentрические кольца обороны. Расширение и укрепление города говорили о росте его благосостояния и стратегического значения. .

Рис. 1. План города Гянджа

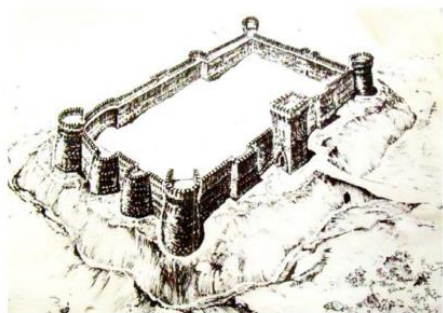

Рис. 2. Цитадель Шамкира

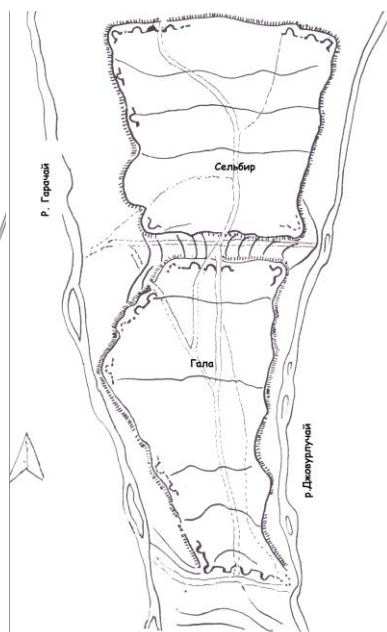
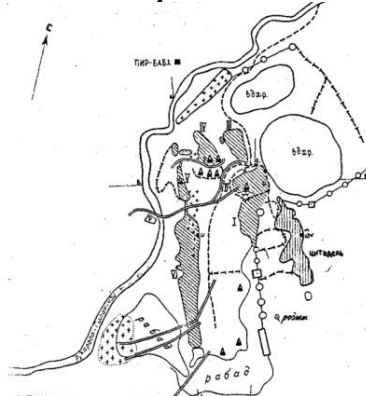
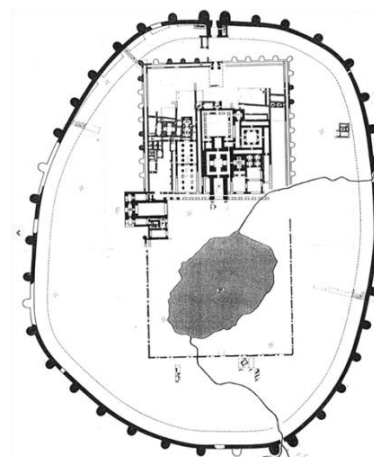

Рис. 3. Город Габала

**Рис. 4. Город Киран
(Хараба Гилан)**

**Рис. 5. Город Шиз
(Тахти-Сулейман)**

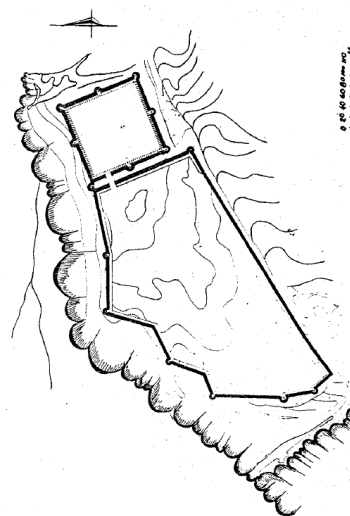

Рис. 6. Город Нахчыван

Как свидетельствуют археологические данные и письменные источники, на территории Азербайджана существовали и города без укреплений. Таковы были крупные городские поселения Мингечевир, Гявургала, Торпаггала и др., которые являлись экономическими, культурными и религиозными центрами. Не исключено, что отсутствие крепостных стен связано в основном со стратегическим положением города, или с разрастанием города за пределы древних стен, которые позже уничтожались (Ардебиль) [1, с. 70; 17, с. 30]. Так, по признаку наличия оборонительной системы можно говорить о двух типах городов Азербайджана: 1) города с укреплениями, и 2) города без укреплений.

В типологических построениях городов не менее важным является пропорциональное соотношение размеров цитадели и всей

площади города. Имеющиеся археологические материалы пока не позволяют решить данный вопрос для всех городов Азербайджана. Но исследование тех городов, в которых определено местонахождение цитадели и её размеры, даёт основание считать, что площадь цитаделей составляла от 1% до 7% общей укреплённой территории города.

Хронологический принцип и характер культурного слоя – один из критериев для классификации средневековых городов. Процессы становления и развития, причины прогресса и упадка города запечатлены в его руинах. Одни города образовывались, жили и погибали в рамках одной и той же эпохи. Другие росли и территориально расширялись в одном и том же месте, неся в себе отпечаток тех времён, в которые они существовали. Также образовывались «новые города» – на

новом месте, с новыми элементами, под воздействием новых формационных структур. Исходя из этих принципов, можно условно выделить два типа городищ Азербайджана в рассматриваемый период: 1) Раннефеодальные города: а) существовавшие в рамках одного определённого периода, культурные слои, которых не нарушены слоями более поздней эпохи; б) на основе которых складывались элементы города развитого феодализма. 2) Феодальные города («новые города») – построение которых относится к более позднему периоду, чем раннее средневековье – самый ранний культурный слой в этих городах принадлежит к более позднему периоду (VIII – IX вв.).

Одним из главных факторов в развитии средневековых городов было расположение их на пересечения важных торговых путей международного значения. Такое положение характерно для наиболее крупных городов Азербайджана. Данный критерий дает основание выделить: 1) города с торговыми и промышленными центрами, расположенные на международных транзитных торговых путях и 2) города с замкнутыми ремесленными и торговыми центрами, стоящие вдали от основных торговых путей.

Заключение. Результаты археологических исследований и имеющиеся письменные источники свидетельствуют о том, что на

территории Азербайджана еще в древности и период средневековья существовало много городов. Города в Азербайджане имели богатую историю, насыщенную различными социально-политическими событиями. Источники позволяют говорить, что азербайджанские средневековые города были не только укрепленными пунктами, но и крупными торгово-ремесленными, экономическими и политическими центрами.

Для их систематизации и наиболее полной классификации необходимо проводить масштабные раскопочные работы, которые продолжаются для многих городов, а для некоторых такие работы только начаты. Сложно определить местонахождение городов, упомянутых в письменных сообщениях, локализация которых продолжает оставаться предметом дискуссий. Большинство города Южного Азербайджана не подвергались археологическому исследованию и их исторические богатства лежат в безмолвии под толщей времени.

Предлагаемые выводы в статье по классификации средневековых городов Азербайджана не могут претендовать на полное решение сформулированных задач, которые требуют более глубокий анализ имеющихся материалов, а также продолжения полевых исследований, без которых невозможно охарактеризовать различные аспекты жизни древних городов на всех этапах их развития.

Список литературы

1. Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана, XIII-XIV вв. Баку: Кавказ, 2012. – 460 с.
2. Байпаков К. М. Типология средневековых городищ Южного Казахстана и Семиречья (VI нач. XIII вв.) // Известия АН КазССР, серия общ.наук, 1981, № 3. – С. 26 – 33.
3. Беленицкий А. М., Бентович И. М., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., Наука, 1973. – 390 с.
4. Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Киргизский филиал Академии наук СССР. Институт языка, литературы и истории. Фрунзе, 1943. – 68 с.
5. Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М.: Наука, 1976. – 359 с.
6. Брыкина Г. А. Карабулак. М.: Наука, 1978. – 128 с.
7. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, ФАН, 1975. – 204с.
8. Гациский А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород. Типография губернского управления. 1886. – 144с.
9. Заднепровский Ю.А. Древняя Фергана: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отделение. – Ленинград. 1954. – 18 с.
10. Керимов В. И. История развития оборонительного зодчества Азербайджана: (с древнейших времен до XIX века): автореферат дис. ... доктора архитектуры: Азерб. инж.-строит.

ун-т. - Баку, 1992. – 54 с.

11. Лунина С. Б. Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент, ФАН, 1984. – 126 с.
12. Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии) // *Общественные науки в Узбекистане* 1981. № 4. – С. 36–43.
13. Месхиа Ш.А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, Изд.ТГУ, 1954.– 440 с.
14. Нагиев Г.Г. Города Азербайджана и их укрепления во второй половине VIII – X вв. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* 2017. № 12. – С. 52 – 57.
15. Нагиев Г.Г. Изменения в структуре средневековых городов Азербайджана – формирование рабадов (VII-X вв.) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 1997. № 2. – С. 73 – 88.
16. Нагиев Г.Г. Планы средневековых городов Азербайджана: принципы формирования и изменения // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 5-3. – С. 507 – 510.
17. Нагиев Г.Г. Развитие фортификации городов Азербайджана в XI – начале XIII вв. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* 2018. № 2. – С. 30 – 35.
18. Нагиев Г.Г. Средневековый город Гянджа (о фортификации города и социальной структуре) // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки.* 2020. № 4 (40). – С. 84 – 96.
19. Ртвеладзе Э. В. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области // *Древний город Средней Азии. Тезисы докладов к заседанию на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии и этнографии* 1972 г. Л. 1973.– С. 92–94.
20. Соловьёв В. С. Городище Кафыр-Кала (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана) // *Успехи среднеазиатской археологии*, вып. 4, 1979. – С. 60–63.
21. Adams K.M.C. Land behind central place. Theory in Archeology mansettlement and urbanizm. London., 1972.
22. Easton's Bible Dictionary– AGES Software – Albany, OR USA Version 2.0, 1997.– 1225 p.
23. Johnson, G. A. 1972 A Test of the Utility of Central Place Theory in Archaeology. In *Man, Settlement and Urbanism*, edited by P. Ucko, R. Tringham, and G. Dimbleday, pp. 769–786.
24. Reuther. Parfhaian Architecture // *A survey of Persian art: from prehistoric times to the present.* London. Oxford University Press.–1938. – С. 5.

THE PROBLEM OF CLASSIFICATION OF MEDIEVAL CITIES OF AZERBAIJAN

The city is not only an important element of socio-economic development, but also a dynamic core that contributes to the further progress of society. It lives a special rhythm, has specific features of political-economic, socio-cultural and intellectual processes in its development, and is also distinguished by a unique perception of the world by various strata of the population. Questions about the origin of cities, the formation of urban culture and city-forming factors are the central topics of historical and archaeological science. In the study of ancient cities, the method of analyzing written sources is especially important, which provide the researcher with information about natural and geographical features, political events, trade routes and connections, as well as the nature of cities, their topographic structure, architectural properties, etc. These sources describe fortified cities strategically located along trade routes and in climatically favorable areas. Their defense was a decisive factor for survival, and fortifications met all the requirements of their time. A powerful system of defensive walls, reinforced by towers of various shapes and signal posts, reliably protected cities from enemy attacks, both during rapid assaults and long sieges. Despite the scarcity and fragmentation in most cases, written evidence in various languages confirms that Azerbaijan has been the center of a highly developed urban culture since ancient times. The article analyzes key approaches to the concept of "city" and the main criteria for the typology of historical cities of Azerbaijan.

Keywords: Azerbaijan, classification of ancient cities, city structure, city planning, fortification, topography, medieval period.

References

1. Alizade A. A. Social'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbajdzhana, XIII-XIV vv.x [Alizade A. A. Social-economic and political history of Azerbaijan, XIII-XIV centuries]: Baku: Kavkaz, 2012. – 460 s.
2. Bajpakov, K. M. (1981) Tipologiya srednevekovy`x gorodishh Yuzhnogo Kazaxstana i Semi-rech`ya (VI nach. XIII vv.) // Izvestiya AN KazSSR, seriya obshh.nauk [Baipakov K. M. Typology of medieval settlements in Southern Kazakhstan and Semirechye (6th to early 13th centuries) //Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, general science series]. 1981, No. 3.– pp. 26–33.
3. Beleniczkij, A. M., Bentovich, I. M., Bol`shakov, O. G. (1973) Srednevekovy`j gorod Srednej Azii [Belenitsky A. M., Bentovich I. M., Bolshakov O. G. Medieval city of Central Asia]. L., Nauka, 1973. – 390 p.
4. Bernshtam, A.N. (1943) Istoriko-kul`turnoe proshloe Severnoj Kirgizii po materialam Bol`shogo Chujskogo kanala. Kirgizskij filial Akademii nauk SSSR. Institut yazy`ka, literatury` i istorii. Frunze [Bernshtam A. N. Historical and cultural past of Northern Kyrgyzstan based on the materials of the Great Chui Canal. Kirghiz branch of the USSR Academy of Sciences. Institute of Language, Literature and History]. Frunze, 1943. – 68 p.
5. Brent`es, B. (1976) Ot Shanidara do Akkada [Brentjes B. From Shanidar to Akkad]. Moscow, Nauka, 1976. –359 p.
6. Bry`kina, G. A. (1978) Karabulak [Brykina G. A. Karabulak]. Moscow: Nauka, 1978. – 128 p.
7. Buryakov, Yu. F. (1975) Istoricheskaya topografiya drevnix gorodov Tashkentskogo oazisa (istoriko-arxeologicheskij ocherk Chacha i Ilaka) [Buryakov Yu. F. Historical topography of the ancient cities of the Tashkent oasis (historical and archaeological essay on Chach and Ilak). Tashkent, FAN, 1975. – 204 p.
8. Gaciskij, A. S. (1886) Nizhegorodskij letopisecz. Nizhnij Novgorod. Tipografiya gubernskogo upravleniya [Gatsisky A. S. Nizhny Novgorod chronicler]. Nizhny Novgorod. Printing house of the provincial administration. 1886. – 144 p.
9. Zadneprovskij, Yu.A. (1954) Drevnyaya Fergana: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kandidata ist. nauk [Zadneprovsky Yu. A. Ancient Fergana: Abstract of the dissertation for the academic degree of candidate of historical sciences]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of History of Material Culture. Leningrad Department. – Leningrad. 1954. – 18 p.
10. Kerimov, V. I. (1992) Istoriya razvitiya oboronitel'nogo zodchestva Azerbajdzhana: (s drevnejshix vremen do XIX veka): avtoreferat dis. ... doktora arxitektury` [Kerimov V. I. History of the Development of Defensive Architecture of Azerbaijan: (from Ancient Times to the 19th Century): Abstract of a Doctor of Architecture Dissertation]. Azerbaijan Civil Engineering University. – Baku, 1992. – 54 p.
11. Lunina, S. B. Goroda Yuzhnogo Sogda v VIII–XII vv.[Lunina S. B. Cities of Southern Sogdiana in the 8th–12th Centuries]. Tashkent, FAN, 1984. –126 p.
12. Masson, V. M. (1981) Kushanskaya e`poxa v drevnej istorii Uzbekistana (Voprosy` periodizacii i xronologii) // Obshhestvenny`e nauki v Uzbekistane [Masson V. M. The Kushan Era in the Ancient History of Uzbekistan (Problems of Periodization and Chronology) // Social Sciences in Uzbekistan]. 1981. No. 4. – pp. 36–43.
13. Mesxia, Sh.A. (1954) Goroda i gorodskoj stroj feodal`noj Gruzii [Meskhia Sh. A. Cities and Urban Structure of Feudal Georgia]. Tbilisi, TSU Publ., 1954.– 440 p.
14. Nagiev, G.G. (2017) Goroda Azerbajdzhana i ix ukrepleniya vo vtoroj polovine VIII – X vv. // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny`e nauki [Nagiyev G.G. Cities of Azerbaijan and their fortifications in the second half of the 8th – 10th centuries // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities]. 2017. No. 12. – pp. 52 – 57.
15. Nagiev, G.G. (1997) Izmeneniya v strukture srednevekovy`x gorodov Azerbajdzhana – formirovanie rabadov (VII-X VV.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya x Nagiyev G.G. Changes in the structure of medieval cities of Azerbaijan – the formation of rabads (VII-X centuries) // Bulletin of Moscow University. Series 8: History. 1997. No. 2. – pp. 73 – 88.
16. Nagiev, G.G. Plany` srednevekovy`x gorodov Azerbajdzhana: principy` formirovaniya i izmeneniya // Mezhdunarodny`j zhurnal prikladny`x i fundamental`ny`x issledovanij [Nagiyev G.G.

Plans of medieval cities of Azerbaijan: principles of formation and change // International journal of applied and fundamental research]. 2016. No. 5-3. – pp. 507 – 510.

17. Nagiev, G.G. (2018) Razvitie fortifikacii gorodov Azerbajdzhana v XI – nachale XIII vv. // Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny'e nauki [Nagiyev G.G. Development of fortification of cities of Azerbaijan in the 11th – early 13th centuries // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities]. 2018. No. 2. – pp. 30 – 35.

18. Nagiev, G.G. (2020) Srednevekovy`j gorod Gyandzha (o fortifikacii goroda i social'noj strukture) // Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki [Nagiyev G.G. Medieval city of Ganja (on the fortification of the city and social structure) // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical sciences]. 2020. No. 4 (40). – pp. 84 – 96.

19. Rtveladze, E. V. (1973) K voprosu o tipologii gorodskix poselenij kushanskogo vremeni na territorii Surxandar'inskoj oblasti // Drevnij gorod Srednej Azii. Tezisy` dokladov k zasedaniyu na konferencii, posvyashhennoj polevy`m issledovaniyam v oblasti arxeologii i e`tnografii [Rtveladze E.V. On the typology of urban settlements of the Kushan period on the territory of the Surkhandarya region // Ancient city of Central Asia. Abstracts of reports for a meeting at a conference devoted to field research in the field of archeology and ethnography in 1972]. L. 1973. – pp. 92–94.

20. Solov'yov, V. S. (1979) Gorodishhe Kafy'r-Kala (K xarakteristike rannesrednevekovogo goroda Severnogo Toxaristana) // Uspexi sredneaziatskoj arxeologii [Soloviev V. S. The ancient settlement of Kafir-Kala (Towards a characterization of the early medieval city of Northern Tokharistan) // Successes of Central Asian Archeology]. Issue 4, 1979. – pp. 60–63.

21. Adams K.MC.C. Land behind central place. Theory in Archeology mansettlement and urbanizm. London., 1972.

22. Easton's Bible Dictionary– AGES Software – Albany, OR USA Version 2.0, 1997.– 1225 p.

23. Johnson, G. A. 1972 A Test of the Utility of Central Place Theory in Archaeology. In Man, Settlement and Urbanism, edited by P. Ucko, R. Tringham, and G. Dimbleday, pp. 769–786.

24. Reuther. Parthian Architecture // A survey of Persian art: from prehistoric times to the present. London. Oxford University Press.–1938. – C. 5.

Об авторе

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина, E-mail: hnagiev@gmail.com

Nagiev Gadzhiragim Gadzhikerim ogly – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian of the Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin, E-mail: hnagiev@gmail.com

УДК 930.1

Чертовских М.Г., кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии имени А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России (Россия)

**ОБРАЗЫ ПОСТ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЛЕГИРОВАНИЯ¹**

Может ли экономика существовать без людей? Сам этот вопрос звучит как шутка, однако в этом тексте мы постараемся подойти к нему серьезно. Чтобы экономика как совокупность экономических институтов, практик и отношений между людьми, могла существовать без нас, её необходимо делегировать. Делегирование — один из многих способов взаимодействия с технологиями, заключающийся в зачастую добровольном отчуждении части субъектности агента. Изучая теоретические основания для возможностей такого делегирования, исследование лишь поверхностно касается практических вопросов, сосредотачиваясь на теоретическом аспекте. Цель такого теоретизированного подхода в обозначении рамок дискуссии о постчеловеческой экономике и раскрытии её основных понятий. Размышление на эту тему заставляет в очередной раз задуматься об основных вопросах сугубо человеческой экономики: каковы ее базовые концептуальные границы, какова роль техники и человеческой предприимчивости в её работе? Дискуссия об экономике без людей нужна, прежде всего, чтобы понять, каково всё это время было наше место в ней.

Ключевые слова: пост-человеческая экономика, цифровизация, технологическое делегирование, персонализированное производство, экономическая футурология, экономика знаний, медиа, постгуманизм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-102-109

Введение. Часто правдивые слова проносятся в шутку. Некоторые шутки и преувеличения сбываются так, как никто не ожидает. Мы слушаем лекции, смотрим программы и фильмы, читаем статьи о современном информационном пространстве, где каждое наше действие сопровождается машинами. Специальные автоматические алгоритмы и программы фиксируют цифровой след, другие настраивают результаты поиска, третьи предлагают «цены в последнюю минуту». Есть также те, которые обеспечивают транзакции, отслеживание заказов, некоторые выступают в роли консультантов или даже защитников потребительской свободы, проверяющих другие программы на предмет ошибок. В конце концов возникает желание перефразировать известную шутку из старого советского мультфильма: «Это что, вы и потреблять товары с услугами за меня будете?» Вопрос в том, насколько серьезно мы можем к этому подойти. Свобода выбора продукта, всегда являвшаяся спорным достоинством, поскольку в рамках капиталистического общества она исходно была манипулятивной, в настоящее время приобретает новые очертания. Это преобразование не может не вызывать

тревогу по той причине, что общество, в котором мы живем, предполагает формирование идентичности человека на основе его потребления [12, стр. 86–90]. И эта свобода была относительно безболезненно передана технологиям. Пусть это звучит как антиутопия, в целом, для экономического дискурса характерен уклон в этом направлении [10, стр. 55–56], а если вспомнить контуры актуальных дискуссий, то можно даже сказать, что экономика нового и новейшего времени всегда блуждала в концептуальных рамках между полюсами утопии и антиутопии.

В этом тексте поднимаются вопросы о пределах делегирования человеческого выбора, субъектности, желаний и, возможно, даже идентичности машинам. Пусть этот вопрос сопровождает наши рассуждения: «возможна ли экономика без людей?» Целью настоящего рассмотрения является анализ существующих тенденций в рамках актуальной экономики, способных привести к её независимости от человека. Разумеется, такое образование было бы странным и сомнительно ценным, по этой причине нас главным образом интересуют теоретические аспекты вопроса: насколько вообще экономика способна

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10093.

© Чертовских М.Г.

© Chertovskikh M.G.

существовать автономно, насколько ее возможно делегировать технологически? Для достижения поставленной цели проведен исторический концептуальный анализ основных положений экономики как сферы деятельности, а в основной части статьи обсуждаются технологические и культурные основания рассматриваемой трансформации.

Объект и методы исследования. Основным методом исследования является исторический концептуальный анализ. Если нам интересна экономика, то и начать стоит с её содержательного определения. «Домострой» («Οἰκονομικός»), в античном значении, искусство ведения домашнего хозяйства. На уровне этимологии эта привязка к дому сохранилась (через посредничество Цицерона – ср. «Οεσπομικός») и в современных языках. Определений экономики множество, но их в целом можно свести к искусству налаживания системы использования ограниченных ресурсов в определенных конкретных условиях, а также к возникающим в процессе отношениям между людьми и другими сущностями: законами, институтами, географией, животными, техникой и т.п. Последняя оговорка важна: в рамках общего пространства экономики (того самого «дома» из античного слова) всегда будет обнаруживаться некоторое взаимодействие. Его отсутствие указывает на искусственность и стерильность образования, которое можно найти в центрированных на определенном типе агентов нарративах, как это бывает и в других сферах, например в истории, когда некоторый узурпирующий нарратив субъект начинает описывать происходящее с исключительно своей точки зрения. Даже на уровне состава человеческого организма всегда присутствуют другие организмы, которым он обязан своим функционированием. Уже из этих предварительных рассуждений, можно сделать вывод о невозможности абсолютно очищенной от человека экономики – даже если он не участвует в ней напрямую, его нахождение где-то на периферии этого объекта будет оказывать на него определенное влияние. Это возвращает нас к старым оппозициям «внешнее-внутреннее», «целое-часть» и т.п.

Однако, это не снимает вопроса о формах частичного замещения и наконец об искусственных образованиях, которые могут

быть созданы с научной (как модельный объект) или иной утилитарной целью. В более мрачных сценариях, учитывая, что они неизбежно встречаются в различных футурологических построениях, такой неестественный и искусственный объект как гомогенная экономика, может стать следствием катастрофы. На этот счет часто высказывались фантасты, вообразившие искусственные интеллекты, которые, одержимые запрограммированной целью производить, например, ботинки, уничтожают целые планеты, постоянно оптимизируя свою деятельность, пусть её конечного адресата уже не существует. Однако, и пусть это менее драматично, во многих соцсетях уже можно наблюдать «слёзные» и «трогательные» сгенерированные видео о несуществующих людях и животных, в комментариях которым соперничают боты. И это тоже в некотором смысле обмен, в данном случае в области символического капитала, который происходит без участия человека. «Самопонятная» реальность цифровой коммуникации, какой она мыслилась в начале Интернет-эпохи, пересобирается, раскрывая новых, ранее не столь значимых агентов информационного пространства [4, стр. 454 – 456].

Также экономика может быть делегирована в тех областях, где машины справляются лучше, и этот сценарий как более вероятен, так и более целесообразен с практической точки зрения. Напомним, что под делегированием в данном тексте понимается специфический способ обращения с техникой, при которой часть некогда находившейся у человека субъектности, переходит к некоему иному агенту, например, память делегируется глиняной дощечке или телефонной книге. В рамках экономики знаний подобное делегирование представить не сложно: машинные алгоритмы легко генерируют информацию и делают это все качественнее. Вероятно, достаточно скоро настанет день, когда человеческой культуры станет мало для обучения новых нейросетей и им понадобятся дополнительные сети, которые будут создавать культурные субституты для ещё более точной настройки алгоритмов.

Результаты и их обсуждение. Когда Зигмунд Фрейд писал трактат «Недовольство культурой», тема протезов не была для него центральной, однако именно здесь он вводит

метафору «бога на протезах» для обозначения человека [13, стр. 63–70]. Таким образом, протезирование понимается как внешне расширение, включающее в себя возможности, благодаря которым слабый от природы человек может обрести божественное могущество. Однако речь идет именно о протезах, и такой способ расширить возможности оставляет «незаживающую рану», напоминание о том, что существует граница между природой и культурой, и в этом проявляется характер технологии. В книге «Машина влияния» (2018) В.А. Мазин выделяет три типа технической экстернизации человека: протезы Зигмунда Фрейда, органопроекция Эрнста Каппа и медиа-расширения Маршалла Маклюэна [5, стр. 43–79]. В то же время, помимо их внешней направленности (стремления вовне), эти три «стратегии» имеют мало общего. Рассуждения Мазина во второй главе книги можно понять как историю технологического оснащения человека: стадия протезирования — это техногенез человека через создание речи и инструментов; стадия проектирования — это бессознательный поиск вдохновения в природе для создания функциональных искусственных произведений, подобных природе, продолжение человека в расширенной технической среде. Однако речь, вероятно, идет даже не об исторической последовательности, а о сосуществующих «стратегиях», хотя в рамках истории развития технологий это вполне можно представить как последовательные этапы, которые не отменяли друг друга, а последовательно суммировались. Так искусственные культурные объекты, о которых пишет Фрейд, позволили человеку осознать историю и пробудиться от вечного сна доисторического времени. Бессознательная проекция своей внутренней природы на окружающую среду, о которой пишет Капп, позволила человеку лучше понять себя через создание новой эпистемологической схемы, которая, присутствуя во внешней среде, сообщает человеку о чем-то внутреннем. Внешние расширения («extensions») Маклюэна [6, стр. 50–58] приводят к самоусилению путем самоампутации. Другими словами, когда техническое расширение подключается к человеку, оно также отключает часть его естественных возможностей, которые отвечают за ту же функцию, что и расширение [2, стр. 63–64]. Продолжим этот путь размышлений.

В то же время следует отметить, что самая известная работа Маршалла Маклюэна начинается словами о том, что наш мир расширялся в течение трех тысяч лет за счет фрагментации и накопления специфических знаний (и, следовательно, функций), а теперь, в течение одного столетия (XX), он стремительно сжимается [6, стр. 5]. По какой причине может происходить такое имплозивное сжатие мира? Вероятно, это включает в себя сокращение пространства (или возможного количества) тех форм агентности индивида, которые способны оставаться непосредственными внешними расширениями. Любое взаимодействие в современности, включая профессиональное и даже межличностное, вынуждает отдавать часть своих функций на «аутсорс», и если календари, часы, записные книжки и прочие классические расширения подобного функционала личности нам уже привычны, они вписаны в саму ткань культуры, то нейросети ещё лишь предстоит в полной мере осознать на этом полотне. Тем не менее, стихийно этот процесс уже начат. Размышления о клаустрофобном сжатии мира вокруг индивида, можно проиллюстрировать и мыслью другого заметного представителя философии XX столетия: у Поля Вирильо мы также встречаем запущенный ускорением коммуникации, как в материальном, так и в информационном планах, мотив сокращения непосредственно человеческого пространства [8, стр. 137–139]. В таких условиях, которые были заданы технологической динамикой и социокультурными изменениями в истории XX века, особенно важными становятся способы и модусы технологического делигирования.

С.В. Соколовский характеризует делегирование как один из пяти техносоматических подходов, который существует с самого зарождения философии технологии [9, стр. 66]. Он определяет делегирование как технологический процесс, в ходе которого воссоздаются не органы и подсистемы организма, а схемы его действий. Действие понимается как единство целевой установки, воли, принуждения и физического движения, но без вовлечения эмоциональной стороны действия, поскольку технологические артефакты не испытывают аффектов [9, стр. 67–73]. Однако, возвращаясь к во-

просу об экономике без людей, вовсе не обязательно, чтобы субъекты, вовлеченные в её функционирование, обладали эмоциями или собственной волей. Этим новым экономическим субъектам достаточно либо имитировать поведение человека, либо хотя бы уметь выполнять ряд различных действий, которые мы считаем экономической деятельностью, оставаясь при этом холодными и бесчувственными. Чтобы понять, могут ли объекты, соответствующие приведенному выше определению, развивать экономику без вмешательства человека, необходимо понять, что лежит на базовом уровне в идее экономического процесса. Далее мы рассмотрим три уровня экономических взаимодействий.

Первый уровень — это реальность экономической политики. На этом уровне расположены международные ценности, идеологии, глобальные цели, политические программы и лозунги. В рамках плановой экономики гораздо проще представить ситуацию технологического делегирования как ценностную установку, по той причине, что чаще всего ей соответствует некоторый модернистский социальный проект, в котором достаточно распространён мотив освобождения через технику. Примером может служить проект правительства Чили «Киберсин» или советский проект ОГАС — национальной системы компьютерного экономического планирования, разрабатывавшейся в 1960-80-х гг.

В то же время рыночная экономика внезапно становится более способной к такому радикальному шагу. Даже если не принимать во внимание тот факт, что большинство футурологических акселерационистских проектов основаны на рынке, уже существующая этика цифрового бизнеса содержит утилитаристские обоснования делегирования полномочий. Например, практика по сбору и обработке персональных данных включает в себя такие явления, как «HTTP cookies» и большие данные, которые собираются и обрабатываются для улучшения пользовательского опыта, тонкой настройки рекламы и, в будущем, персонализации производства. И вся IT-сфера с ее целями ускорить процессы, сделать их дешевле, проще и эффективнее направлена на то, чтобы угодить клиенту, чтобы, в конечном счете, доставить удовольствие. Таким образом, главной

целью такой экономической деятельности декларируется максимальное удовлетворение клиента. Как мы знаем от таких мыслителей, как Славой Жижек, радикальным действием сегодня является отказ от наслаждения и это действие направлено против рынка, против потребления. Таким образом, рыночный выбор, ориентированный на потребление, заключается в приобретении большего количества товаров, и технические средства для этого являются наилучшим возможным способом, становясь на одну сторону с движущими силами рынка. Система, опять же, саморегулируемая и не имеет собственных целей, для того чтобы вытеснить человека из экономики, достаточно, чтобы законы рынка совпадали с технологическими возможностями экономических субъектов, делегированных пост-человеческим путем.

Второй уровень — это реальность проявлений экономики, ее тенденций, а также экономические институты. На этом уровне следует отметить, что персонализация и адресность в производстве и продвижении товаров уже практически институционализированы. Существует тенденция накапливать знания о клиентах, и конечная цель этого процесса — изучить их как можно тщательнее. Это привлекает к маркетинговым исследованиям большое количество интеллектуальных технологий и алгоритмов, задействованных в почти психоаналитической деятельности. И это работает, а этические проблемы решаются путем обезличивания данных. Более того, многим людям, вероятно, кажется более безопасным доверить информацию о себе машине, чем незнакомому человеку, потому что машина безразлична, она ничего не хочет, у нее нет собственных желаний. В то же время существует неприятие идеи о том, что мы не выбираем товары сами, но рационально предположить, что это происходит в тех случаях, когда алгоритмы сработали плохо или когда за этими «советами» лежит чье-то намерение, ущемляющее нашу независимость. Иначе мы, вероятно, ничего бы не заметили и не почувствовали.

Третий уровень рассматривает экономическую практику. Каждый день человек сталкивается с множеством вариантов выбора, из которых единственным принципом

ально невозможным является вариант не делать выбор. Традиционный экономический субъект также вынужден постоянно делать выбор и нести за него ответственность. Некоторая экономическая смелость, свойственная предприимчивым людям, как это уже не раз случалось в истории, стала динамичной силой экономики. Однако, если найдутся те нечеловеческие субъекты, которые будут непропорционально более эффективны и будут совершать меньше ошибок при принятии экономических решений, сможет ли предприимчивый экономический субъект выдержать такую конкуренцию?

Сегодня многие производственные процессы уже выполняются автоматически, исключая влияние человеческого фактора. Это уже знакомые огромные автоматизированные заводы в Китае и Южной Корее, беспилотные доставки и грузовые автомобили, в сфере коммерческого здравоохранения есть приложения для мониторинга состояния здоровья, а внутри клиник искусственные алгоритмы обрабатывают амбулаторные карты. Важную роль в ускорении этих процессов сыграла пандемия COVID-19 [1, стр. 98], [4, стр. 174]. Есть много примеров, но их пока недостаточно, чтобы сказать, что экономическая практика была полностью делегирована машинам, даже в рамках некоторой конкретной сферы [14, стр. 162]. С точки зрения бизнеса, во многих областях по-прежнему существует только сотрудничество между человеком и машиной. Со стороны клиентов, хотя роль программ и алгоритмов в выборе услуг и заметна, но все же не является ведущей. Машины советуют, а не принимают решения и не потребляют, что также заметно по практикам использования нейросетей в потребительском секторе.

Однако появление и частичная подготовка к внедрению таких концепций, как «Интернет вещей» (IoT) и «Интернет всего» (IoE), уже давно подготовили технологические решения для делегирования по крайней мере части экономической деятельности и, вероятно, самой древней — управления домашним хозяйством. Приборы для умного дома могут вести учет продуктов и расходных материалов, заказывать недостающие товары через сеть. В таких условиях человеку будет достаточно иметь необходимую сумму денег для оплаты услуг.

Есть, по крайней мере, одна область, в которой алгоритмы уже давно взаимодействуют друг с другом — алгоритмическая биржевая торговля. В этой области существуют торговые боты, как простые, так и самообучающиеся, боты-советники и алгоритмы для обнаружения ошибок в других интеллектуальных машинах. Однако при нынешнем уровне развития технологий это все еще рискованная инициатива. В контексте приведенных выше размышлений мы сталкиваемся с парадоксом: попытка избежать рисков сопряжена с большим риском. Тем не менее, в профильной литературе за последнее время появлялось немалое количество прогнозов полной автоматизации биржевых площадок. И в 2017 году [11, стр. 59] прогноз не сильно отличался по тональности от 2025 года, с тем уточнением, что современные исследования опираются уже на существующую практику и особенно высоко оценивают потенциал машинного обучения в краткосрочном трейдинге [7, стр. 121].

Заключение. Мы видим, что, несмотря на сложившиеся предпосылки для делегирования экономической деятельности, на практике они недостаточны, чтобы можно было говорить о появлении действительной пост-человеческой экономики. Эксперименты и практики корпорации «Black Rock», недавно представившей исследование о системе «AlphaAgents» для поддержки инвестиционных решений, пока еще привлекающая внимание редкость, но тем не менее симптоматичны [15, стр. 1-9]. Однако на уровне актуальной технологической экосистемы стыковка технологий, сводящая участие человека к нулю и создающая «безлюдную» экономику, как минимум концептуально возможна. С учетом современных тенденций и возможностей дополнять и вписывать в рынок и экономическую политику новые элементы, которые будут этически комплементарны, это вполне возможно. Техника пока еще не достигла необходимого совершенства, но со всей вероятностью ситуация будет меняться. Уже сегодня ясно, что благодаря способности к самообучению и, таким образом, повышению своей производительности, роботы смогут генерировать прибавочную стоимость. Также, пост-человеческая экономика может начаться с определенной высокоинтенсивной

сферы, очаги которой уже распределяются по современному деловому ландшафту. Даже без перестройки экономики возможно появление узкоспециализированных областей, где не останется места для человека.

Сейчас многие научные теории строят предположения о мире, исходя из концепции, согласно которой люди либо исключены, либо участвуют в нем наравне со многими другими действующими лицами. То же самое происходит, например, в искусстве. Вероятно, мы пришли к определенному уровню осознания общества (и мира в целом) как разрозненного, гетерогенного образования. И при всей мрачной окраске этих теорий, они на самом деле могут давать положительные результаты. Мы можем взглянуть на мир с другой точки зрения и, таким образом, разработать стратегии устойчивого сосуществования. Устойчивое сосуществование человека и пластика, стекла, бумаги, твердых бытовых отходов и ледников ведет к экологическому процветанию. Безопасное сосуществование человека и дорожной разметки, светофоров, транспортных потоков и лежащих полицейских ведет к созданию безопасных дорог и городской среды в целом. Аналогичным образом, в экономике продуктивное сосуществование людей и поисковых систем, поисковых алгоритмов, торговых алгоритмов, аналитических программ и обучающихся машин может привести к экономическому процветанию. Однако понятие «экономическое процветание» для машин и для людей не обязательно будет означать одно и то же. Как мы

уже указывали выше, человеческие модели поведения, делегированные технологии, воспроизводятся без (как минимум) этической рефлексии, в то время как деятельность человека всегда подразумевает имплицитную прослойку этического обоснования, даже самого незамысловатого. В деятельности машины запрограммирована этика действий, и даже если машина развивается независимо, она не выходит за эти рамки. Вот почему шутка, с которой мы начали, так важна для нас. Мощный компьютер, разрабатываемый в рамках программы, сможет довести ее до полного апофеоза, до гиперболизированного состояния, до абсурда. Таким образом, важно не только понимать работу машины, но и уметь направить ее таким образом, чтобы исключить запуск подобного процесса, особенно учитывая, что развиваться он может со скоростью, исключающей последующий контроль.

В самом начале статьи мы писали, что вопрос в том, насколько серьезно мы можем относиться к возможности экономики без людей. Наверное, максимум, на что здесь можно отважиться, — это предположить, что такая система возникнет не извне технологии, а изнутри. В гипотетической ситуации, в которой саморазвивающийся алгоритм сможет получить доступ к необходимым ресурсам и, подчиняясь логике рынка, самовоспроизводиться, расширяться и генерировать для себя спрос, вероятно, получится что-то вроде экономики без человека. Но будет ли этот объект экономическим по своей сути?

Список литературы

1. Автоматизация производства в современной экономике и ее влияние на рынок труда / И. В. Минакова, Д. В. Ермолаев, А. И. Панова, А. С. Тубольцева // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 1(64). – С. 93-100. – DOI 10.22394/1997-4469-2024-64-1-93-100. – EDN NTFFYO.
2. Емелин, В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 62-70. – EDN SCAPKJ.
3. Кривцов А. И., Громов М.С. Технологические инструменты в рамках командного менеджмента: современные решения для повышения производительности / А. И. Кривцов, М. С. Громов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 7, № 8(149). – С. 171-177. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2024.08.07.022. – EDN HJSUSX.
4. Лешкевич Т. Г. Цифровое «расщепление» повседневности / Т. Г. Лешкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 446-459. – DOI 10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. – EDN SYDEJL.
5. Мазин В. А. Машина влияния. - М.: Издательство Института Гайдара, 2018. - 256 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Зкл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле»,

2003. — 464 с.

7. Митрюхина Е. А. Применение машинного обучения и статистических методов в краткосрочной биржевой торговле / Е. А. Митрюхина, Д. А. Кудинов, А. Д. Жуков // *Kant.* – 2025. – № 1(54). – С. 114-122. – DOI 10.24923/2222-243X.2025-54.17. – EDN FLRJUV.

8. Сидоров А. М. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство / А. М. Сидоров // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* – 2012. – Т. 2, № 3. – С. 137-144. – EDN PJCJJZ.

9. Соколовский С. В. Человек 2.0 в фокусе антропологии / С. В. Соколовский // *Сибирские исторические исследования.* – 2018. – № 3. – С. 65-78. – DOI 10.17223/2312461X/21/5. – EDN YAUVPV.

10. Сухих В. В. Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий / В. В. Сухих // *AlterEconomics.* – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 54-65. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.5. – EDN TXTFTK.

11. Тимофеев А. Г. Рынок готовится к алгоритмической торговле / А. Г. Тимофеев, О. Г. Лебединская // *Транспортное дело России.* – 2017. – № 5. – С. 57-59. – EDN ZWOTJF.

12. Третьяков Я.А. Право и мораль в эпоху трансгуманистического перехода // *Общество: философия, история, культура.* 2025. № 6. С. 83–90. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.6.10>.

13. Фрейд З. Недовольство культурой. - М.: Фолио, 2013. - 222 с.

14. Яхнеева И. В. Интеллектуальная автоматизация маркетинга: угроза или возможность? / И. В. Яхнеева, А. В. Павлова // *Вопросы инновационной экономики.* – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 155-166. – DOI 10.18334/vines.12.1.114116. – EDN OCYJJY.

15. Zhao T., Lyu J., Jones S., Garber H., Pasquali S., & Mehta D. (2025). AlphaAgents: Large Language Model based Multi-Agents for Equity Portfolio Constructions.

IMAGES OF POST-HUMAN ECONOMY: A HISTORICAL RETROSPECTIVE OF TECHNOLOGICAL DELEGATION¹

Is the economy possible without people? This question itself sounds like a joke, but the authors of the essay try to approach it seriously. In order for the economy, as a combination of politics, institutions, relations between people, to exist without us, it must be delegated. Delegation is one of the many ways we interact with technology, and this essay focuses on it. Studying the theoretical grounds for the possibilities of such delegation, the study only superficially touches on practical issues, focusing on the conceptual aspect. The purpose of this theoretical approach is to define the framework of the discussion about posthumanist economics and to reveal its basic concepts. Such reflection makes us once again think about the main issues of a purely human economy, what are its basic conceptual boundaries, what is the role of technology and human in its existence? Without a broad discussion about the economy without people, it is impossible to fully realize the place of human in the traditional economy, so even if posthumanist economics remains something between science fiction and theoretical utopia, it will allow us to get a look from the outside.

Keywords: posthumanist economics, digitalization, technological delegation, personalized production, economic futurology, knowledge economy, media, posthumanism.

References

1. Avtomatizaciya proizvodstva v sovremennoj ekonomike i ee vliyanie na rynek truda (2024) [Auto-mation of production in the modern economy and its impact on the labor market]. In: *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie.* – № 1(64). – P. 93-100.

2. Emelin V. A. (2013) Kiborgizaciya i invalidizaciya tekhnologicheskogo cheloveka [Cy-borgization and disability of a technologically enhanced human being]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal.* – № 1(9). – P. 62-70.

3. Freud Sigmund (2002) *Civilization and Its Discontents*, Penguin.

4. Krivcov A. I., Gromov M.S. (2024) Tekhnologicheskie instrumenty v ramkah komandnogo menedzhmenta: sovremennye resheniya dlya povysheniya proizvoditel'nosti [Technological tools within the framework of team management: modern solutions for increasing productivity]. In:

¹ The paper was prepared with support from the Russian Science Foundations, project no. 23-78-10093.

Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. – Т. 7, № 8(149). – P. 171-177.

5. Leshkevich T. G. (2025) Cifrovое «rasshcheplenie» povsednevnosti [The digital "splitting" of everyday life]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya.* – Т. 29, № 2. – P. 446-459.

6. Mazin V. A. (2018) *Mashina vliyaniya* [The influence machine]. М.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. - 256 p.

7. McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man* (1st ed.). New York: McGraw Hill.

8. Mitryuhina E. A. (2025) *Primenenie mashinnogo obucheniya i statisticheskikh metodov v krat-kosrochnoj birzhevoj trgovle* [Application of machine learning and statistical methods in short-term stock trading]. In: *Kant.* – № 1(54). – P. 114-122.

9. Sidorov A. M. (2012) *Pol' Viril'o: telo, skorost' i sovremennoe iskusstvo* [Paul Virilio: Body, Speed, and Contemporary Art]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* – Т. 2, № 3. – S. 137-144.

10. Sokolovskij S. V. (2018) *Chelovek 2.0 v fokuse antropologii* [Human 2.0 in the Focus of Anthro-pology]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya.* – № 3. – P. 65-78.

11. Suhij V. V. (2025) *Cifrovaya revolyuciya, krizis ekonomicheskoy teorii i vozvrashchenie utopij* [The digital revolution, the crisis of economic theory, and the return of utopias]. In: *AlterEconomics.* – Т. 22, № 1. – P. 54-65.

12. Timofeev A. G. (2017) *Rynok gotovitsya k algoritmicheskoy trgovle* [The market is preparing for algorithmic trading]. In: *Transportnoe delo Rossii.* – № 5. – P. 57-59.

13. Tret'yakov Ya.A. (2025) *Pravo i moral' v epohu transgumanisticheskogo perekhoda* [The Law and Morality in the Era of Transhumanism]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* - № 6. P. 83–90.

14. Yahneeva I. V. (2022) *Intellectual'naya avtomatizatsiya marketinga: ugroza ili vozmozhnost'?* [Smart Marketing Automation: A Threat or an Opportunity?]. In: *Voprosy innovacionnoj ekonomiki.* – Т. 12, № 1. – P. 155-166.

15. Zhao T., Lyu J., Jones S., Garber H., Pasquali S., & Mehta D. (2025). *AlphaAgents: Large Language Model based Multi-Agents for Equity Portfolio Constructions.*

Об авторе

Чертовских Матвей Григорьевич — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России (Россия), E-mail: matt780@mail.ru

Chertovskikh Matvey Grigorievich — PhD in Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy named after A.F. Shishkin, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia), E-mail: matt780@mail.ru

УДК 94(47).02

Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского (Россия)

Майоров А.А., доктор исторических наук, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина (Россия)

ОБ УГРОВСКОМ И ИНЫХ ВАРИАНТАХ ПЕРЕХОДА С ВЕРХНЕЙ ОКИ НА ВЕРХОВЬЯ ДНЕПРА И ВОЛГИ В ЭПОХУ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Данная статья посвящена анализу и пополнению аргументации ранее вышедшей работы соавторов о существовании и активном функционировании в месте смыкания окского и днепровского речных бассейнов в последние столетия I – первые столетия II тысячелетия н.э. развитой системы водных и сухопутных транспортных маршрутов и переходов, связывавших воедино не только указанные системы, то также деснинские, волжские и ряд других водных систем. Статья посвящена изложению и анализу археологических, нумизматических, топонимических аргументов, не приводившихся в прошлой статье. Результаты анализа сведений, приводимых в настоящем тексте, позволяют прийти к выводу, что изложенная ранее гипотеза о существовании и функционировании в указанный период так называемого «угровского перехода» между различными частями восточноевропейской торгово-транспортной системы выглядит вполне обоснованной и дополняется, как минимум, существованием в указанный период прямым путём с Оки на Волгу через Угру, минуя Днепр. С другой стороны, Угровский переход в разные периоды и времена года дополнялся водным маршрутом по Десне и сухопутным – по Угро-Деснинскому междуречью. Важным поворотным пунктом на Деснинском пути был Брянск, от которого можно было попасть не только в Смоленское Поднепровье, но и в Черниговское Подесенье.

Ключевые слова: транспортные пути, Древняя Русь, Угровский переход, речные системы, археология, топонимика, вятичи.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-03-110-125

Введение. В предыдущей совместной статье соавторами, основываясь, в первую очередь, на археологических, историко-географических и нумизматических данных обосновывалось положение, что «в IX–X веках существовала реальная возможность функционирования северо-западного маршрута Окского торгово-транспортного пути, проходившего по течению р. Угры («угранский переход») и выходившего в верховья Днепра» [20, с.132]. При недавнем обращении к тексту упомянутой статьи внезапно стало заметно, что в тексте в чрезмерно малой степени присутствуют некоторые «ветки» аргументации, фигурировавшие в ходе подготовки к написанию указанного текста. Речь идет о топонимике, данных археологии и металловедческого анализа. Они в приведённой аргументации очевидно не являются основными, но, без сомнения, их значение весьма высоко для любого исследования, затрагивающего вопросы поднимаемые во-

просы. Для исправления этого досадного упущения был подготовлен данный текст.

Объект и методы исследования. Следует напомнить отдельные положения аргументации, приведённой в упомянутой статье. Первое: в настоящее время существует уверенность в функционировании в период IX–X веков целой системы оживлённых торгово-транспортных маршрутов по речным бассейнам рр. Оки, Днепра, Западной Двины и ряда других, выступавших в качестве составных частей восточноевропейского участка трансконтинентального торгово-транспортного пути, известного в настоящее время под различными именами, описывающим, по преимуществу, отдельные части (Austrweg, Волжский либо Волжско-Балтийский торговый путь, Донской маршрут, путь «из хазар в немцы», зарождавшийся в это время «из варяг в греки» и т.д. и т.п.). В то же время, большая часть карт и описаний реконструированной сети маршрутов не включает в число существовавших связь между Окой и Днепром

(и далее на запад, север и юг) по р.Угре.

Второе: к настоящему времени силами археологов и нумизматов собраны и обработаны данные, подкрепляемые также целым рядом весомых историко-географических аргументов, подтверждающие предположение о длительной экономической и административной освоенности территорий, прилегающих непосредственно к течению р.Угры, а также о существовании постоянной устойчивой её связи с землями в верховьях Днепра, которые заведомо являлись частью упомянутой трансконтинентальной транспортной системы. Третье: данные археологии подтверждают наличие тесных торгово-экономических связей между Верхним Поднепровьем и Средним Поволжьем, естественным «мостом» между которыми мог выступать «угровский переход», прочность и устойчивость которого явно повышались вследствие определённой этнической однородности большей части маршрута по рр.Оке и Угре в виде вятичского этно-потестарного объединения.

Четвертое: в 60-е гг. X в. прослеживается активизация действий князя Святослава и фактически синхронное ему сокращение выпадения восточного монетного серебра в находках Гнездовского археологического комплекса, иных местностях к западу от р.Осетр, хотя «...прохождение куфических монет по данному участку Окского пути в Посестье продолжилось» [10, с.23]. Данное обстоятельство косвенно подтверждает положения выдвинутой в статье гипотезы об использовании в предшествующий период «перемычки» по р.Угра в качестве одного из актуальных транзитных транспортных маршрутов. Подробности и детали прочие положения статьи следует рассматривать, обращаясь непосредственно к её тексту [20].

Методической основой настоящей статьи выступают традиционные методы исторического исследования - историко-генетический, сравнительно-исторический, системно-аналитический с широким применением междисциплинарного подхода, основанного на применении в работе данных археологии, нумизматики, топонимики, гидрографии, металловедения.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение дополнительной аргументации (точ-

нее, новые доказательства «старой») предлагаем начать с последнего, четвертого, пункта. Проведенный в лаборатории Брянского университета заведующим кафедрой химии С.В. Кузнецовым с помощью энергодисперсионного метода (Energy-dispersive X-ray spectroscopy, EDX) рентгеновских флуоресцентных спектров химический анализ отобранных экземпляров разных типов лучевых височных колец X в. из Среднего Подесенья дал, помимо прочего, интересные материалы по этой группе положений упомянутой выше статьи. По результатам анализа кольца, происходящего из могильника роменской культуры на «Благовещенской горе» в г. Вщиж, получены данные о наличии в его составе 96,6% серебра. Само кольцо датируется серединой-началом второй половины X в. Для сравнения – несколько более поздние, датирующиеся 70-ми годами X в., кольца группы IV (по типологии Е. Шинакова) имеют содержание серебра только 32 % и 37%, кольцо группы V из Выползово под Черниговом – всего 30% серебра [30; 31; 21, с.154].

В то же время, кольца этой же группы и ее ранних (рубежа X –XI вв.) типов из Среднего Подесенья (Вщиж, Кветунь, Любожичи) состоят из серебра соответственно на 87,3%, 82,6% и 83,8%. Химический анализ кольца из Гнездова, и типологически (оно является более грубой копией позднероменского кольца из Вщижа) и стратиграфически (по византийскому милиарисию 969 г., найденном в закрытом комплексе вместе с ним) относящегося ко второй половине X в., показал, что его сплав, условно названный «латунью», состоит из 85% меди и 11% свинца при полном отсутствии серебра [24, с.156].

Полученные результаты означают, что большая часть серебра, поступавшего по Окскому пути из (и через) Волжскую Булгарию в предполагаемое северянско-вятичско-радимичское предгосударственное образование, оседало на его северных границах, лишь частично продвигаясь в Посестье и, во всяком случае, для 60-70-х гг., вообще не попадая к резидентам Гнездово. С другой стороны, большое количество кладов с самыми «молодыми» монетами, относящимися к середине X в. и включающими монеты болгарской чеканки либо сделанные в Волжской

Булгарии подражания саманидским дирхемам (т.е. явно связанные с местной вятичской элитой) найдено либо к югу, либо к востоку от «острия» большой излучины Оки, где в нее впадает Угра, что косвенно подтверждает возможность оперирования князя Святослава в этом регионе [9].

По-новому освещённые материалы нумизматики позволяют предположить более раннее – в конце 10-х годов X в. – использование «угровского перехода» вероятными норманнами-русами (по всей видимости, не киевскими, а верхневолжскими) для попытки ликвидации конкурирующего с ними и находящегося в руках вятичей (в вероятном контакте с булгарами) южного «окско-донского» перехода на Восточном пути [11, с.164]. Имеются в виду несколько кладов этого времени с волжско-булгарскими подражаниями в северной части Верхнего Поочья, к югу от устья Угры, а также Супруты на р.Упа. Конечно же, в теории, русы с Верхней Волги могли попасть в этот регион и другим путем – с востока, вверх по Оке. Однако на Средней Оке от устья Угры до Рязани клады именно этого периода отсутствуют (что не касается более ранних и поздних).

Что же до более южных вариантов пути через Гнездово на Оку, то маршрут по р.Десне проходил через достаточно плотно заселенную «роменцами» территорию, включая укрепленный Вщиж (что лишало поход эффекта неожиданности), дорога же по Угро-Жиздринскому междуречью проходила через освоенное вятичами Мещовское ополье, к тому же была чисто сухопутной, находясь частично в бассейне р.Серены. Кстати, на Гнездово и радимичский, с середины X в., Верхний Сож эти пути из Поочья фиксируются как материалами нумизматики, так и данными археологии – однако проходили они через территорию северянско-вятичско-радимичского объединения, а не через «русские» или «ничи» в потестарном плане земли (как на Угре). Важное значение в этом аспекте имеет единичная находка дирхема 934/935 гг. чеканки болгарской династии Алмыш-Джафара (Кулешов 2019: 237), основатель которой упомянут Ахмедом ибн Фадланом, в с. Б.Алешино на водоразделе Серены и Угры [18, с.237].

Если единичная находка привески с тератологическим орнаментом в еллинг-стиле,

найденный в Шатунах на р.Угра – возможно, прямое свидетельство похода на вятичей либо Святослава в 964 или 966 г., либо Владимира в 981 или 982 г., то болгарский дирхем – отражение внутреннего для северянско-вятичско-радимичского образования монетного обращения и приоритетных внешних контактов [22, л.25 об., 26, 32]. В конце того пути, который начинается в бассейне Серены, находится сгусток кладов к северу от р. Остер (приток Сожа) у сел Барсуки Смоленской и Старый Дедин Могилевской области. Хотя эти два клада разделяют современная государственная граница и около полусотни километров, относятся они к одному периоду – концу X в. Они различаются по композиции: первый состоял из почти 250-ти целых и фрагментированных саманидских дирхемов при 6-ти монетах «христианского мира» (византийские, чешские, английские), отчеканенные в целом не ранее 967, но не позднее 999 года, и, самое главное, включал дирхем суварской чеканки Талиба бен Ахмада 338 г. х. и подготовленный для чеканки чистый кружок [19, с. 423-437]. Второй включал неизвестное точно количество (несколько сот?) саманидских дирхемов, большинство из которых были обрезаны в кружок по местным (вероятно, радимичским) денежно – весовым нормам [32, с.66]. Клады находятся в северо-западном «углу» границы северянско-вятичско-радимичского предгосударственного объединения и, по всей видимости, маркируют процесс её ликвидации путем удара из Гнездова вниз по р. Сож.

Кроме того, весь микрорегион по р.Остер представляет собой поворот (переход) на путях из Поочья – как в «землю радимичей», так и в сторону Гнездова. О последнем дополнительно свидетельствуют и находки на самом южном, деснинском варианте роменско-гнездовского направления контактов X в. (во Вщиже, но не только). Судя по находкам в Гнездово лучевых височных колец почти всех периодов их развития и даже некоторых их прототипов, эти культурные контакты не прерывались до 70-х годов X в. [24] Более поздних типов этих украшений, собственно «северянских», «радимичских», «вятичских» здесь уже нет. Но их нет и в, частично функционально сменяющим Гнездово

на рубеже X-XI вв. и в частично с ним сосуществующим с начала IX в., Смоленске. В то же время на Северо-Востоке Руси, в Верхнем Поволжье и даже Подмосковье, эти кольца появляются и развиваются, но явно минуя и Гнездово, и Смоленск. Какими путями? Об этом – после экскурса в топонимику.

Речь идёт о группе региональных топонимов, косвенно подтверждающих возможность использования рассматриваемых территорий в качестве зоны транзитной торговли. Ещё относительно недавно, почти все топонимы, описывающие реалии транспортных маршрутов, типичных для конца I – начала II тысячелетия н.э. в данном регионе (месте смыкания границ современных Тульской, Смоленской и Калужских областей вокруг бассейна окского притока р.Угры) без всякого сомнения включались в число следствий функционирования легендарного маршрута «из варяг в греки» [4, с.100-103]. Какие-то иные причины их возникновения в последние почти сто лет рассматривались относительно редко. В последние же десятилетия, благодаря получению новых, прежде всего археологических, данных, уже на новом уровне началось возвращение к пониманию транспортного значения р.Угры в период славянской колонизации и начала становления древнерусской государственности.

Предварительно полагаем необходимым отметить два методических аргумента, важных для нашей аргументации: связь топонима с путями, волоками и т.д. и наличие с двух концов определённого участка пути, особенно «переходной» его части, одинаковых топонимов. Первое в пояснениях не нуждается. Второе предлагаем рассмотреть на наиболее типичном, доказательном и, как будет ясно в дальнейшем, связанном с нашей «угровской» темой, примере. Речь идёт об участке Волжского, или «восточного» пути, переходном между верхней Волгой и Клязьмой, два конца которого «оформлены» Нерлью Волжской и Нерлью Клязьминской. На водоразделе между ними находится Клешино озеро с одноимённым городищем, откуда шло ответвление на Ярославское Поволжье через Сарское городище. По материалам последнего, это «пучок» путей существовал уже сначала IX в. [13, рис.31, с.133]. Без-

условно, этот двойной «переход» существовал и позднее, о чем свидетельствует, в частности, находка позднего (переходного к лопастным) височного кольца группы V (постсеверянских) в могильнике Купанское у с.Усолье у северо-западного края озера Клешино [17]. Однако во время бытования колец этой группы (XI - начало XII в.) они достаточно часто встречаются и южнее, в бассейне р. Москва. А вот их непосредственные предшественники, кольца группы IV, статусные крашения северянской элиты в 60-80-е гг. X в. на всем Севере Руси (к северу от Десны и Оки) встречены лишь дважды – на западном и восточном концах нерлинского «перехода» в курганах 2-го Пекуновского могильника у с. Крева на Волге (почти напротив устья Нерли) и Кубаево в Суздальском ополье.

В принципе, северянские украшения могли попасть сюда и с юга, с Оки. Однако явное превалирование здесь предметов не юго-восточного, а северо-западного происхождения свидетельствуют в пользу иного пути проникновения колец группы V на «нерлинский переход» в конце X в. И здесь мы вновь возвращаемся на «большой водораздел» Днепра, Волги, Оки. Если бы кольца относились к типам, бытовавшим до 70-х гг. X в., все было бы ясно: они есть в Гнездово и через него могли проникнуть на Верхнюю Волгу через Гнездово северное, тверское, от которого путь, проходивший сюда от Гнездова южного, смоленского, разветвлялся – с одной стороны, шел на Новгород Великий, с другой, по р. Медведица, на Верхнюю Волгу в районе Пеклино и устья Нерли. Из Новгорода по этому пути, вплоть до Суздальского ополья, могли проникать вещи словен новгородских, западных славян, скандинавов. Гнездово южное, смоленское, да и сам Смоленск для этого нужны не были.

Как свидетельствуют упомянутые ранее данные гидрологии и топонимики, путь на Верхнюю Волгу, минуя Гнездово и верхнее Поднепровье в целом, существовал и из Юго-Восточных регионов, в частности – с Оки по Угре. В большую излучину последней впадает последовательно несколько речек (Воронка, Лосьминка, Утка)[выражаем благодарность за ценную консультацию доценту кафедры географии, экологии и землеустройства БГУ Г.В. Лобанову]. Таким образом, с

учетом весенне-осенних разливов образуется не только сухопутный, но и почти сплошной водный путь от излучины Оки до Верхней Волги. Судя по находкам в курганах Пекуново-2 лучевых височных колец группы V, им пользовались не только в конце X в., но и в XI в. От истока последней до р.Вязьма на окраине одноимённого города – несколько километров. От Вязьмы до истока р.Касня, притока Вазузы, 5-6 км. Вполне возможен и иной, более прямой, путь - от Угры до Касни: по притоку первой р.Жижалы, исток которой от Касни отделяет всего 6 км.

Река Вазуза впадает в Волгу выше по течению от с.Кревы (Пекуново), устьев Медведицы и Нерли. И вновь, данные гидрологии и археологии в ощутимой степени дополняются топонимикой. С балтских языков слово «вазуза» переводится как «проезд», «продвижение» [27, с.241]. Кроме того, на Вазузе присутствует древнерусское поселение с характерным названием «Гнездилово» – такое же, как одноимённый торгово-ремесленный центр рядом с будущим Суздалем (и его предшественником) на «Нерлинском переходе» Волжского пути [3, с.179, №343; 13, с.133]. Конечно, с Вазузы можно попасть не только на Угру, но и на Верхний Днепр – через р.Вязьма, но если на последний с верховьев Волги можно попасть несколькими путями, то на Угру, а, значит, и на Оку – только через Вазузу [2, рис.2]. Кроме того, подтверждают особое, «переходное», транзитное значение не только Вазузы, но и Угры и данные гидрологии. Лосьминка «угровская» имеет аналогичную пару севернее, на переходе со среднего течения Вазузы у Сычевки на верховья Днепра. Восточнее Лосьминки (Вороновки) в Угру впадает Воря, имеющая небольшой приток – р. Истра, одноименный подмосковной реке –притоку р. Москва. Истоки рек Воря и Москва очень близки (6км), что позволяет говорить о возможном наличии волока либо сухопутного водораздельного перехода. Но с бассейном р. Москва связана не только Угра, но и Вазуза – через впадающую в нее р. Гжать и ее притока р. Яуза, чьи истоки подходят близко (на 9км) к истоку р. Руза - притоку Москвы. Имеется р. Яуза и в городе Москва, являясь малым притоком р.Москва и своим истоком приближаясь на 12км к р. Клязьма, нижнее течение которой (после впадения

Нерли) являлось частью Великого Волжского, или «Восточного» пути. Впрочем, и истоки самой Гжати близко (хоть и не настолько, как у вышеупомянутых рек – 12км) расположены от истоков р. Москва. Все это предполагает возможность наличия прямого пути из верхнего Поволжья (через бассейн Вазузы) и Поднепровья (через бассейн Вазузы либо «Угровский переход») в Подмоскowie и (опосредованно) – в середину Волжского пути.

О южном варианте перехода с Верхнего Днепра на Верхнюю Оку косвенно свидетельствуют гидронимы Свинец, Свинка, Свинь, встреченные и в Гнездово, и на большой излучине Десны напротив Брянска [6, с.40; 5, с.12-13; 28]. Этимология данного слова вполне прозрачна, несмотря на некоторые разночтения в его написании – наиболее вероятное название Гнездовского поселения в его переводе и, по сути, транскрипция, в скандинавских языках «Sy'nes» («Свиной мыс») [12, с.124]. Истоки Десны, как известно, очень близко расположены к левым притокам Днепра выше Гнездова, но от деснинского «выхода» на Днепр можно двигаться не только вниз по его течению к Гнездову, но и вверх – к волоку на Вазузу и Волгу. Археологически документированная связь Верхнего Подесенья с Гнездовым уже отмечалась, в том числе и в этой статье. От большой (брянской) излучины Десны до Оки (и обратно) путь по Снежети и Нугри фиксируется как археологически, так и по письменным источникам.

Не исключён также поворот от водораздела этих притоков Десны и Оки на меридиональную дорогу Путивль - Севск - Карачев - Козельск на север вдоль р. Вытебеть (приток Жиздры). На водоразделе этих трёх рек, неподалёку от летописного Хотимля, было найдено дорогое навершие булавы – предмет дружинного либо даже княжеского вооружения XII в. [23, с.22, 27-28, карта 2, обр.3].

С водоразделом бассейнов Десны, Болвы, Угры и Оки связан поход Святослава Ольговича 1147 г. – после получения помощи от Юрия Долгорукого и половецкого рода Токсобичей с целью возвращения утерянных в начале этого года земель Поочья и Подесенья. Поход, вероятно, затронул как самый северный Угровский переход, так и самый южный, между Брянском (Добрянском) на его

деснинской стороне, Домагощем, Десягорском и Мценском – на окской [22, л.126]. В августе 1615 г. этой же дорогой из Брянска на Карачев, а затем «верхней дорогой» [вероятно, по водоразделу – А.М., Е.Ш.], возможно – вдоль рек Орлик или Цон на Орёл, навстречу Д. Пожарскому, прошёл польский полковник А. Лисовский [15, рис.2; 34, с.251]. Что же касается брянской Свини, то она маркирует не только конец деснинского участка южного варианта перехода с Днепра на Оку, но и поворот на юг – в коренные Черниговские земли. Об этом свидетельствует одноименный гидроним между устьем р.Снов и Черниговом, отражённый в летописных сообщениях под 1152 и 1158 как явный рубеж перед Черниговом в походах Юрия Долгорукого на Юг Руси [22, л.164, 165, 176].

Возможна, конечно, и иная точка зрения, утверждающая, что идентичность гидронимов под Брянском и Черниговом в первую очередь связана с миграцией части населения из Нижнего Подесенья в Среднее, Брянское [28, с.76-77]. Она, однако, не исключает высокую вероятность того обстоятельства, что оба гидронима (как и третий – гнездовский) связаны и с их особым военно-стратегическим значением в древнерусской логистике. Косвенно в пользу последнего утверждения говорит летописная статья, повествующая о событиях мая 1177 г., связанных с возвращением на Владимирский стол братьев Андрея Боголюбского. «Поиде Михалко и Всеволод, брат его, из Чернигова... и поя его болезнь велика на Свине и взложивше его на носилище несяхуть токмо еле жива идоша с ним до Кучкова рекше до Москвы и ту стретоша и Володимерьци с Андреевичем Юрьем» [22, л.211об]. Речь здесь явно идёт о брянской Свини, ибо черниговская находится всего в нескольких километрах от пункта отправления, и успеть заболеть просто не было времени. В то же время путь через Брянск (и Свинь) был единственным целиком водным путём из Чернигова на северо-восток, что позволяло транспортировать до брянской Свини даже заболевшего князя. А вот даль-

нейший маршрут был сухопутным, что и заставило «перегрузить» Михалко на носилки. До конечного пункта – Москвы – путь по Оке и её притоку вновь мог быть водным, а вот добраться до Оки могли сначала вдоль Снежети, далее – вдоль Нугри либо по Вытебети-Жиздры.

Обратимся к топонимическим аргументам, непосредственно связанным именно с угровским переходом. Упомянутые в ранее вышедшей статье данные и доводы в пользу гипотезы о наличии транспортной связи между в месте наибольшего сближения р. Угры и р.Осьмы (ранее Восьма, Вома) – текущего на запад левого притока р.Днепр, расположенного буквально в нескольких верстах от притоков р.Угры – органично дополняются данными местной топонимики.

По данным Генеральной карты Смоленской губернии от 1773 г. в осьмо-угровском междуречье наблюдается наличие сразу нескольких населённых пунктов с говорящими названиями: Торжок, Волочок, Немерсь. Неподалеку от Волочков наблюдается деревня Торжок, очевидно соотносимая с торговым путём. Чуть далее, в разных сторонах от этой местности, расположены хорошо известный Дорогобуж и менее известное село Городищи [8]. Волочок, ныне не существующий, в своё время дал название и был центром целой волости, относившейся к Дорогобужскому уезду и занимавшей пространство между рр. Осьмой и Угрой.

Рассмотрение имеющегося картографического материала демонстрирует очевидные различия в написании топонимов, фиксируемое различными картами – Осьма (Восьма, Вома), Волочок. Несложно сразу увидеть прямое указание на существование волока между двумя речными системами, исходя из названия селя Волочок, ставшего позднее центром Волочковой волости Дорогобужского уезда. Менее известно, что помимо самого села, ещё в конце XIX в. размещалась владельческая усадьба с тем же названием [26]. Дополнительную информацию предоставляет рассмотрение карты Генерального межевания, приведённой далее [1].

Карта 1. Междуречье рек Осьма и Угра в 1773 г.

Картографический материал позволяет отчётливо разглядеть наиболее вероятный маршрут прохождения основной части перехода. При этом следует учитывать, что указанные реки и ручьи не являясь, по всей видимости, судоходными, выступали, в первую очередь, в качестве ландшафтно-формирующей основы – сглаживая рельеф и выпрямляя последствия перепадов высот на транспортном маршруте. На плане Генерального межевания Смоленской губернии чётко видна протекающая через село Валочовка речка Валочовка, впадающая далее в р.Осьма [1]. Фактически в этом же селе, за кладбищем на южном берегу упомянутой речки, начинается текущая в южном направлении р.Чернавка, неподалёку от истока впадающая в р.Угру. В месте впадения Чернавки в Угру находится деревня Городок, что говорит о возможности в прежние времена наличия здесь некоего укрепленного сооружения, оставившего очевидный топонимический след. Кроме того, на развернутом варианте Плана генерального межевания видна, на небольшом удалении ниже по течению Угры, впадающая в неё с севера небольшая речка Гостинка, своим названием прямо указывающая на высокую вероятность появления «гостей» (в значении «купцов», «торгующих»).

Эти данные органично дополняются

сведениями, касающимися тульской (приокской) Восьмы: к северу (за р.Ока) и к востоку от нее (за р. Осетр) наблюдается целый комплекс денежно-весовых кладов конца IX–X вв., в том числе содержащих лучевые височные кольца этого периода и волжско-булгарские монеты. Можно было бы полагать это случайным совпадением, но против этого говорит присутствие очевидно сходных гидронимов, которые явно и демонстративно «отграничивают» северо-западный и северо-восточный «углы» предполагаемой границы северянско-вятичско-радимичского предгосударственного образования середины-второй половины X в. (рр.Остер и Осетр).

Ещё одной топонимической подсказкой может быть название уездного центра – города Дорогобуж. История этого топонима богата, глубока и интересна. Дорогобуж относится к числу многочисленных старых русских городов-«тёзок», которые имеют одинаковые названия, но располагаются либо располагались в различных местах русских земель: Новгород, Владимир, Юрьев, Городец, Перемышль, Звенигород, Стародуб и т.д. Более того, в настоящее время в мире (с учетом смоленского) существуют четыре населенных пункта с таким именем – на Украине, в Сербии и Чехии, соответственно Дорогобуж, Drahobuz, Dragobužde, что говорит о явном большом возрасте термина.

Карта 2. Часть междуречья рек Осьма и Угра по плану генерального межевания 1792 г.

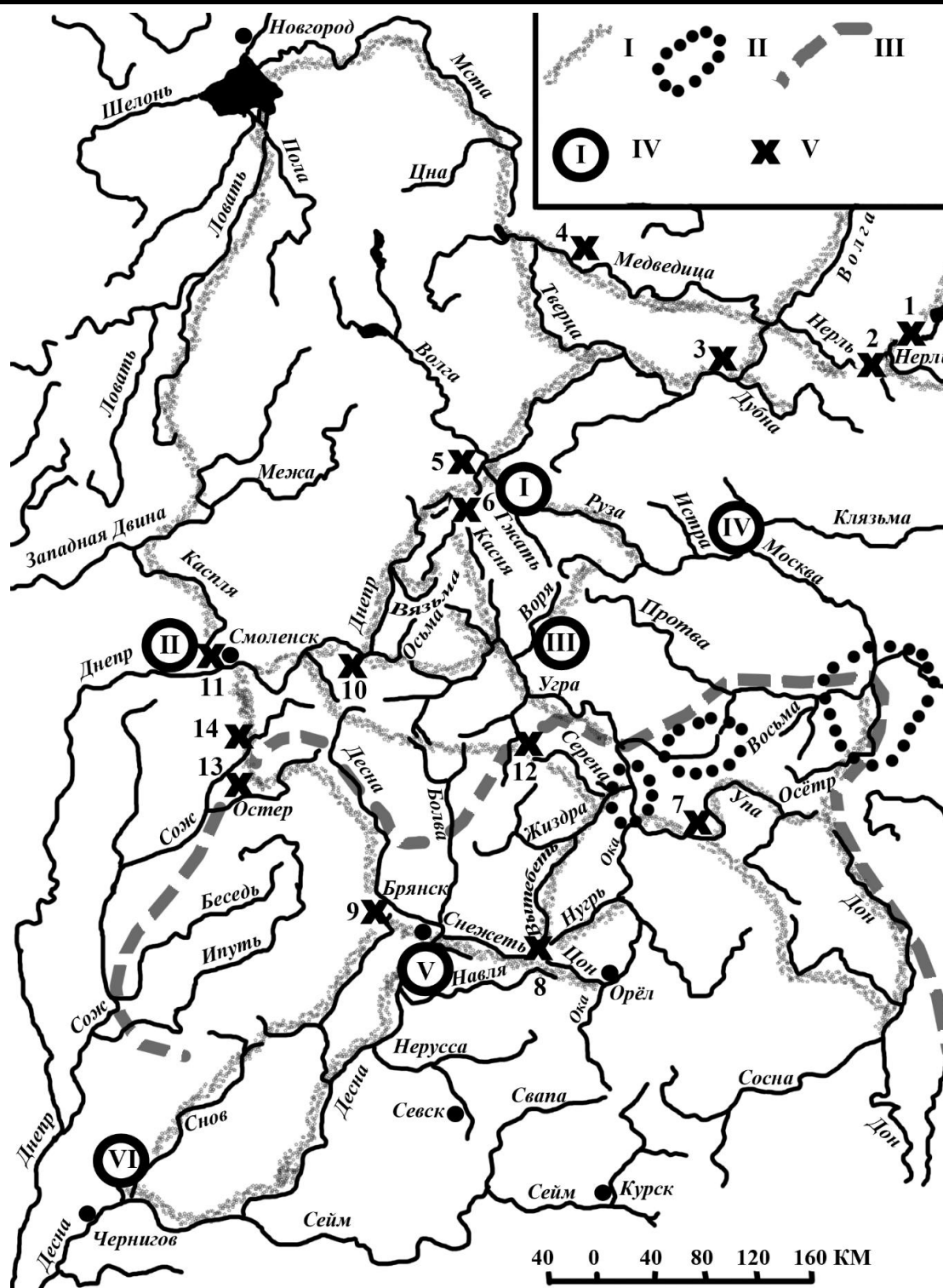
Наличивают две основные гипотезы происхождения топонима. Первая – «притяжательное прилагательное от имени *Дорогобудъ из праславянского *dorgobudjъ, известного в славянских языках, и суффикса принадлежности –jъ» [16, с.35]. Вторая – «собственное имя города содержит две части: дорога «путь, проезжий или пешеходный тракт» и буж... У Даля есть глагол бужать «рыть песок или глину; ломать из земли камень» и существительное бужать «яма, из которой добывают камень, песок» В таком случае Дорогобуж – это город, расположенный на пути, покрытом песком или глиной, или город, находящийся на дороге, выложенной камнем» [16, с.35]. Кроме того, представляется возможным рассмотрение связи перечисленных топонимов со славянским дръгати 'дрожать', дающую огромный ассоциативный ряд: «балканский этноним *dr̥gъvitji: Драγουβίται, Дроγουβίται, Дρουγουβίται (Македония)..., мн. Ντρεγούτια (Эпир, Янинна), сред.-лат. хороним Dragovitia, Druguvitia – историко-культурная область Македония <праслав.dr̥gъvitji, производного с суф. -itji от ис Дръгъва...; гидроним Дроγουβίτης Drogobitis" (сев.-зап. Фракия) – скорее всего, производное с суф. -ита от первичного Дръгъва (ряка)» [29, с.92].

Наиболее древний из ныне существующих «тёзок» смоленского Дорогобужа – летописный южно-русский Дорогобуж известен из летописей второй половины XI в., возник не позднее X в. из более ранних славянских поселений и располагался, в числе прочих т.н. погоренских городов Волынского княжения в бассейне р.Горынь, являясь их фактической столицей [33, с.54-63]. Для нашего рассмотрения важно, что «среди важных факторов, влиявших на развитие Дорогобужа в эпоху Киевской Руси, можно назвать его статус административно-политического центра Погорынья, центра удельного княжества, удобное размещение на перекрестке путей – водного по Горыни и сухопутного, который вел из Киева в Владимир-Волынский, пограничное положение Погорынской волости (курсив наш – Е.Ш., М.А.) на границе Киевского и Волынского княжеств» [33, с.67]. Отсюда возникает возможность предполагать,

что название города является следствием нахождения поселения на перекрестке нескольких дорог. Кроме того, следует учесть, что пути (дороги) на Руси, длительное время чётко привязанные к речной сети, долгое время не строили, а, скорее, находили (прокладывали) и сопровождали (обслуживали), отчего выглядит возможным применение рассматриваемого топонима в качестве указания места нахождения индивидуального либо коллективного «контролера-путепроходца».

Какие-же пути могли пересекаться в Дорогобуже, расположенном в самых верховьях Днепра? Первая известная дорога – речной путь через р.Вязьма, соединённую с верхневолжским бассейном системой волоков, который действовал ещё в XV в. и мог существовать в более раннее время [25, с.77]. А вот в качестве второго настойчиво запрашивается именно дорога через Угру и далее в Оку с возможным продолжением по Волге и Дону. Вероятный выход с Днепра в Десну является вариантом днепровского маршрута, обусловленного некими военно-политическими обстоятельствами. В то же время также возможный путь с Угры в верховья Десны может иметь в определённых условиях некую ощутимую значимость [14, с.105-106, 110].

Выводы. Совокупный анализ приведённой дополнительной аргументации позволяет сделать вывод о том, что изложенная в статье «Днепро-Окский путь ("угровский переход") конца IX - начала XI века» гипотеза о существовании и функционировании в указанный период так называемого «угровского перехода» между днепровской и окской торгово-транспортными системами, помимо изложенных в вышеуказанной и настоящей статье археологических и нумизматических подтверждений обоснованности, имеет также подтверждающие её аргументы топонимические. Функционирование описанного ранее «Угровского перехода», по всей видимости, являлось частью работы крупного транспортного узла (в настоящее время в логистике используется термин «хаб»), существование которого не было жёстко привязано к единственному торгово-транспортному маршруту.

Карта 3. Пути сообщения на востоке славянского мира в конце IX– начале XI в. (к востоку от Днепровского участка пути «из Варяг в Греки» и к северу от Баваро–Хазарского пути).

Условные обозначения: I – водные, сухопутные и смешанные пути сообщения; II – районы наибольшей концентрации денежно-весовых кладов конца IX–X вв. в среднем Поочье; III – реконструируемые северная, западная и восточные границы северяно-вятничско-радимичского предгосударственного образования середины – второй половины Xв.; IV – мелкие реки, названия которых связаны с «путеводным» фактором; V – пункты, упомянутые в статье. Римскими цифрами в кружках обозначены: I – р. Язуза Гжатская; II – р. Язуза Московская; III – р. Истра Угровская; IV – р. Свинец (Свинка) Гнездовская; V – р. Свинь Брянская; VI – р. Свинь Черниговская. Арабскими цифрами на карте обозначены пункты, упомянутые в статье: 1 – Сарское городище; 2 – Усолье (Купанский могильник); 3 – Крева (2-й Пекуновский могильник); 4 – Гнездово Тверское; 5 – Гнездилово; 6 – Сычевка; 7 – Супруты; 8 – Хотимск; 9 – Вщиж; 10 – Дорогобуж; 11 – Гнездово Смоленское; 12 – Большое Алешино; 13 – Старый Дедин; 14 – Барсуки

Вариантами перехода с верхней Оки на Днепр и Волгу могли быть также фиксируемые нумизматикой, археологией и топонимикой пути по водоразделу Угры и Серены (сухопутный), по Десне (водный) с переходом на правые притоки Днепра, или – по р.Остер – на Сож в землю радимичей. Возможен также самый северный и южный переходы. Северный – с большой излуины в среднем течении Угры, по ее правым притокам, через р.Вязьма в Вазузу и Волгу. Южный – по р.Снежить и через ее водораздел по притокам Оки рр.Нугрь и Вытебеть с поворотным пунктом

у р. Свинь под Брянском либо на северо-запад, в Смоленск, либо на юг – в Чернигов. В разное время он использовался, с разной степенью загруженности, для перехода из окского бассейна в бассейн Верхнего Днепра (и далее на север, восток, запад или же юг) либо для продолжения пути по Десне и её притокам. Собственно, Окский путь являлся универсальным и мог выступать, в разное время или одновременно, в качестве продолжения пути Днепровского, Донского либо Волжского – на восточном, южном и, вероятно, в меньшей степени, западном направлении.

Список литературы

1. 1792. План генерального межевания Смоленской губернии 1780-1792 гг. Санкт -Петербург, 1792. <https://book-olds.ru/BookLibrary/41000-Smolenskaya-gub/1792.-Plan-generalnogo-mezhevaniya-Smolenskoy-gubernii-1780-1792-gg.html>
2. Алексеев Л. В. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси. К 70-летию М.К. Каргера. Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Ленинград: «Наука», 1974. С.5 -11.
3. Археологическая карта России.Тверская область. Часть 1. под ред. Кашкина А.В. Москва: ИА РАН, 2003. 528 с.
4. Бойцов О Н. Путь “из варяг в греки” в топонимии Смоленского края // Русская речь. 2001. №5. С.100-103.
5. Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) //Культура средневековой Руси. К 70-летию М.К. Каргера. Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Ленинград: «Наука», 1974. С. 11-17.
6. Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс Гнездовского поселения (по материалам раскопок И.И.Ляпушкина) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. Отв. ред. В.В. Мурашева. М., 2001. С. 40-53.
7. Виноградов И. П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно): с прилож. плана города 1779 г., родословной князей Вяземских, описания древней крепости и мног. друг. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1890. VIII, 140 с.
8. Генеральная Карта Смоленской Губернии на уезды разделенная 1773 / Сочинял Акад. Наук Адъюнкт Я.Ф. Шмид; Вырез. Н. Зубков. [Санкт-Петербург], 1773. 1 к. (1л.) https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008732414?page=1&rotate=0&theme=white
9. Гоглов С.А., Шинаков Е.А., Чубур А.А. Влияние Волжской Болгарии на особенности денежно-весовой системы Юго-Востока славянского мира X в. // Stratum plus, 2025 - в печати.
10. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Потоке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С.23.
11. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с., ил.
12. Джаксон Т.Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий. Раздел I. Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: «Наука», 1987. С.5 -128.
13. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Ленинград : *Издательство Ленинградского университета*, 1989. 257 с.
14. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России : Историко-геогр. исследование Н.П. Загоскина, заслуж. орд. проф. Казанск. ун-та : С прил. атласа карт. - Казань : Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог, 1910 (обл. 1909). -XIV, 464, 27 с.
15. Зорин А. В. Орловская битва и начальный этап рейда Александра Лисовского // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья:

Материалы Международной научной конференции, село Монастырщино, 13-17 ноября 2012 года. Тула: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры "Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник "Куликово поле", 2014. С. 203-213.

16. Картавенко В. С. Летописные древнерусские топонимы / В. С. Картавенко // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 32-41.

17. Куза А.В., Никитин А.Л. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переславля-Залесского // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 104. Средневековые памятники Восточной Европы. М.: Наука, 1965. С.117 -120.

18. Кулешов В. С. Фрагменты генеалогии правителей Волжской Булгарии X века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции, Москва, 11–12 апреля 2019 г. / Редакционная коллегия: С. В. Зверев и др. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 235–238.

19. Лебедев В.П., Галанов В.И. Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Сборник научных работ. Донецк: Донецкий национальный университет, 2005. С.423–437.

20. Майоров А. А., Шинаков Е. А. Днепро-Окский путь ("угровский переход") конца IX - начала XI века // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 125-139.

21. Орлов Р.С. 1988. Художественный металл Чернигова (семантика оковки из Черной могилы) // Чернигов и его округа в IX-XIII вв.: сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археологии; отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1988. С.152–165.

22. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 88 с.

23. Попов С., Шинаков Е., Пискунов В. Булавы и кистени на севере Черниговского княжества в контексте военно-политической географии // Пловдивски исторически форум. Година IV (2020). Книжка 2. Гл. ред. Г. Митев. Пловдив: Пловдивский университет «Паисий Хилендарски». 2020. С. 18-63.

24. Пушкина Т. А. Лучевые височные кольца Гнёздова //Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [редкол.: П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.]. Москва; Вологда : Древности Севера, 2015. С.155 - 160.

25. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб.

26. Список населенных мест Смоленской губернии. С прил. карты Смолен. губ. Смоленск: Издательство Смоленского губернского стат. комитета, 1904. Объем 8, 499 с.

27. Топоров В.Н. "Baltica" Подмоскovie // Балто-славянский сборник. М.: Издательство «Наука», 1972. С.217-280.

28. Чубур А.А. Свинь Брянская и Свинь Черниговская // Studia Internationale. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X - XX вв.». Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: БГУ. 2015. С.75 – 77.

29. Шапошников А. К. Восточнославянское языковое состояние – что, где, когда// Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. с.92-93.

30. Шинаков Е.А. Типология, хронология и ареал пяти- и семилучевых височных колец. Дипломная работа. М.: МГУ, 1977.

31. Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. №3. 1980. С.110 – 127.

32. Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего

Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: материалы научной конференции / науч. ред. А.З. Винников. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 64–67.

33. Прищепа Б. А. Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне : ПП Дятлик М., 2016. 297 с. (на укр.яз.)

34. Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615-1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1938. T. X. S.250 - 255. (на польск. яз.)

ABOUT THE CROSSING ALONG THE UGRA RIVER AND OTHER OPTIONS FOR CROSSING FROM THE UPPER OKA RIVER TO THE UPPER REACHES OF THE DNIEPER AND VOLGA RIVER

This article is devoted to the analysis and supplementation of the arguments for the previously published work of the co-authors on the existence and active functioning of a developed system of water and land transport routes and transitions at the confluence of the Oka and Dnieper river basins, during the period from at least the last centuries of the 1st – first centuries of the 2nd millennium AD. These routes connected not only the above-mentioned systems, but also the Desna, Volga and other water systems. The article is devoted to the presentation and analysis of archaeological, numismatic, toponymic arguments that were not presented in the previous article. Results. The results of the analysis of the information presented in this text allow us to conclude that the previously presented hypothesis on the existence and functioning of the so-called "Ugra transition" between different parts of the Eastern European trade and transport system during this period seems quite reasonable and can claim recognition by historians. The indicated routes are supplemented, apparently, by a direct route from the Oka to the Volga via the Ugra, bypassing the Dnieper, which existed in the indicated period. In addition, the Ugra crossing was supplemented in different periods and seasons by a water route along the Desna River and a land route along the Ugra-Desna interfluve. An important turning point on the Desna route was Bryansk, from which one could get not only to the Smolensk Dnieper region, but also to the Chernigov Podsenye.

Keywords: transport routes, Old Rus', crossing the Ugra River, river systems, archeology, toponymy, Vyatichi.

References

1. 1792. Plan general'nogo mezhevaniya Smolenskoj gubernii 1780-1792 gg. [1792. General survey plan of Smolensk province 1780-1792]. Sankt-Peterburg, 1792. <https://book-olds.ru/Book-Library/41000-Smolenskaya-gub/1792.-Plan-generalnogo-mezhevaniya-Smolenskoj-gubernii-1780-1792-gg.html>

2. Arheologicheskaya karta Rossii.Tverskaya oblast'. Chast' 1. pod red. Kashkina A.V. [Archaeological map of Russia. Tver region. Part 1. edited by A.V. Kashkin]. Moskva. IA RAN, 2003. 528 p.

3. Alekseev L. V. (1974) «Okovskij les» Povesti vremennyh let. Kul'tura srednevekovoj Rusi. K 70-letiyu M.K. Kargera. Otv. red. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport. ["Okovsky forest" Tale of Bygone Years. Culture of medieval Rus'. On the 70th anniversary of M.K. Karger. Responsible. eds. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport]. Leningrad. «Nauka». pp.5 -11.

4. Bojcov O. N. (2001) Put' "iz varyag v greki" v toponimii Smolenskogo kraja [The route "from the Varangians to the Greeks" in the toponymy of the Smolensk region]. RUSSKAYA RECH' №5. pp.100-103.

5. Bulkin V.A., Lebedev G.S. (1974) Gnezdovo i Birka (K probleme stanovleniya goroda). Kul'tura srednevekovoj Rusi. K 70-letiyu M.K. Kargera. Otv. red. A.N. Kirpichnikov, P.A. Rappoport [Gnezdovo and Birka (On the problem of the formation of the city). The culture of medieval Rus'. On the 70th anniversary of M. K. Karger. Responsible. editors A. N. Kirpichnikov, P. A. Rappoport]. Leningrad. «Nauka». pp. 11-17.

6. Veshnyakova K.V., Bulkin V.A. (2001) Remeslennyj kompleks Gnezdovskogo poseleniya (po materialam raskopok I.I.Lyapushkina). Gnyozdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy GIM. Vyp. 124. Otv. red. V.V. Murasheva [Craft complex of the Gnezdovo settlement (based on the excavations of I. I. Lyapushkin). Gnezdovo. 125 years of monument research. Proceedings of the State Historical Museum. Issue 124. Ed. V.V. Murasheva]. Moscow. pp. 40-53.

7. Vinogradov I. P. (1890) Istoricheskij ocherk goroda Vyaz'my s drevnejshih vremen do XVII v. (vklyuchitel'no): s prilozh. plana goroda 1779 g., rodoslovnoj knyazej Vyazemskih, opisaniya drevnej kreposti i mnog. drug. [Historical essay on the city of Vyazma from ancient times to the 17th century

- (inclusive): with an appendix of the city plan of 1779, the genealogy of the princes Vyazemsky, a description of the ancient fortress and much more]. Moscow. Tipo-lit. D. A. Bonch-Bruevicha. VIII, 140 p.
8. General'naya Karta Smolenskoj Gubernii na uezdy razdelennaya 1773. Sochinyal Akad. Nauk Ad'yunkt Ya.F. Shmid; Vyrez. N. Zubkov [General Map of the Smolensk Province divided into districts 1773. Compiled by Acad. of Sciences Adjunct Ya. F. Schmid; Cut by N. Zubkov]. [Sankt-Peterburg], 1773. 1 k. (11.)
https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008732414?page=1&rotate=0&theme=white
9. Goglov S.A., Shinakov E.A., Chubur A.A. (2025) Vliyanie Volzhskoj Bulgarii na osobennosti denezhno-vesovoj sistemy Yugo-Vostoka slavyanskogo mira X v. - v pechati. [The influence of Volga Bulgaria on the features of the monetary and weight system of the South-East of the Slavic world of the 10th century]. Stratum plus - in print
10. Gomzin A.A. (2013) Vostochnoe monetnoe srebro IX - nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e [Oriental Coin Silver of the 9th - early 11th Centuries in the Middle and lower Oka region]: abstract of the thesis ... ph.d. (history). Moscow. 28 p.
11. Grigor'ev A.V. (2005) Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I - nachale II tys. n. e. [Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium AD]. Tula: Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole». 207 p., il.
12. Dzhakson T.N. (1987) Drevnerusskie goroda v drevneskandinavskoj pis'mennosti. Teksty. Perevod. Kommentarij. Razdel I. Otv. red. A.P. Novosel'cev. [Old Russian cities in Old Norse writing. Texts. Translation. Commentary. Section I. Ed. A.P. Novosel'tsev]. Moscow. «Nauka». pp.5 -128.
13. Dubov I.V. (1989) Velikij Volzhskij put' [The Great Volga Route]. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 257 p.
14. Zagoskin N.P. (1910) Russkie vodnye puti i sudovoe delo v dopetrovskoj Rossii : Istoriko-geogr. issledovanie N.P. Zagoskina, zasluzh. ord. prof. Kazansk. un-ta : S pril. atlasa kart [Russian Waterways and Shipping in Pre-Petrine Russia: Historical and Geographical Research by N.P. Zagoskin, Honored Professor of the Kazan University: With an appendix from the atlas of maps]. Kazan' : Upr. vnutr. vod. putej i shossejn. dorog (obl. 1909). -XIV, 464, 27 p.
15. Zorin A.V. (2014) Orlovskaya bitva i nachal'nyj etap rejda Aleksandra Lisovskogo. Voinskie tradicii v arheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, selo Monastyrshchino, 13-17 noyabrya 2012 goda [The Battle of Oryol and the Initial Stage of Alexander Lisovsky's Raid. Military Traditions in an Archaeological Context: from the Late La Tène to the Late Middle Ages: Proceedings of the International Scientific Conference, Monastyrshchino Village, November 13-17, 2012]. Tula: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury "Gosudarstvennyj voenno-istoricheskij i prirodnyj muzej-zapovednik "Kulikovo pole". pp. 203-213.
16. Kartavenko V.S. (2012) Letopisnye drevnerusskie toponimy. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Chronicle Old Russian Toponyms. Bulletin of the Smolensk State University]. № 3(19). pp. 32-41.
17. Kuza A.V., Nikitin A.L. (1965) Slavyanskij mogil'nik v pos. Kupanskoe bliz g. Pereslavlja-Zalesskogo. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. Vyp. 104. Srednevekovye pamyatniki Vostochnoj Evropy [Slavic Burial Ground in the Settlement of Kupanskoye Near the City of Pereslavl-Zalessky. Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 104. Medieval Monuments of Eastern Europe]. Moscow. Nauka. pp.117 -120.
18. Kuleshov V. S. (2019) Fragmenty genealogii pravitelej Volzhskoj Bulgarii X veka. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 11-12 aprelya 2019 g. [Fragments of the Genealogy of the Rulers of the Volga Bulgaria of the 10th Century. Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge: Proceedings of the XXXII International Scientific Conference, Moscow, April 11–12, 2019]. Redakcionnaya kollegiya: S. V. Zverev i dr. Moscow. IVI RAN. pp. 235–238.
19. Lebedev V.P., Galanov V.I. (2005) Dva klada kuficheskikh dirhamov i ih fragmentov iz-pod Smolenska. Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 4. Sbornik nauchnyh rabot [Two hoards of Kufic dirhams and their fragments from near Smolensk. The steppes of Europe in the Middle Ages. Vol.

4. Collection of scientific papers]. Doneck: Doneckij nacional'nyj universitet. pp.423–437.
20. Mayorov A. A., Shinakov E. A. (2023) Dnepro-Okskij put' ("ugrovskij perekhod") konca IX - nachala XI veka. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [The transport route Dnieper - Oka ("passage along the ugra") at the end of the 9th - beginning of the 11th centuries]. № 1(61). pp. 125-139.
21. Orlov R.S. (1988) Hudozhestvennyj metall Chernigova (semantika okovki iz Chernoj mogily). Chernigov i ego okrug v 9-13 vv.: sb. nauch. tr. [Artistic metal of Chernigov (semantics of the binding from the Black Grave). Chernigov and its environs in the 9th-13th centuries: collection of scientific papers]. AN USSR, In-t arheologii; otv. red. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1988. pp.152–165.
22. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T.2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. V. 2. Ipatiev Chronicle]. Moscow. Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1962. 88 p.
23. Popov S., Shinakov E., Piskunov V. (2020) Bulavy i kisteni na severe Chernigovskogo knyazhestva v kontekste voenno-politicheskoy geografii. Plovdivski istoricheski forum [Maces and flails in the north of the Chernigov principality in the context of military-political geography. Plovdivski istoricheskogo forum]. Godina IV (2020). Knizhka 2. Gl. red. G. Mitev. Plovdiv: Plovdivskij universitet «Paisij Hilendarski». pp. 18-63.
24. Pushkina T. A. (2015) Luchevye visochnye kol'ca Gnyozdova. Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova [Gnezdov's radial temporal rings. Cities and villages of medieval Rus': archeology, history, culture: on the 60th anniversary of Nikolai Andreevich Makarov]. Ros. akad. nauk, In-t arheologii; [red. kol. : P. G. Gajdukov (otv. red.) i dr.]. Moskva; Vologda : Drevnosti Severa. S.155 - 160.
25. Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. T.35. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom v carstvovanie Velikogo Knyazya Ivana Vasil'evicha. Ch. 1 [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 35. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state during the reign of Grand Duke Ivan Vasilyevich. Part 1]. SPb.: Tip. F. Eleonskogo i K°, 1882. 6, VI, XXII, 870 p., 116 column.
26. Spisok naselennykh mest Smolenskoj gubernii S pril. karty Smolen. gub. Smolensk Izdatel'stvo Smolenskogo gubernskogo stat. Komiteta [List of populated areas of the Smolensk province From the appendix of the map of the Smolensk province], 1904. Ob'em 8, 499 p.
27. Toporov V.N. (1972) "Baltica" Podmoskov'ya. Balto-slavyanskij sbornik ["Baltica" of the Moscow region. Balto-Slavic collection]. Moscow. Izdatel'stvo «Nauka». pp.217-280.
28. Chubur A.A. (2015) Svin' Bryanskaya i Svin' Chernigovskaya. Studia Internationale. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyah X - XXvv.». Otv. red. S.I. Mihal'chenko. [Bryansk 'Swin' and Chernigovskaya 'Swin'. Studia Internationale. Proceedings of the IV International Scientific Conference "The Western Region of Russia in International Relations of the 10th - 20th Centuries". Ed. by S.I. Mihalchenko]. Bryansk. BGU. pp.75 - 77.
29. Shaposhnikov A. K. (2014) Vostochnoslavyanskoe yazykovoe sostoyanie – chto, gde, kogda. Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': V Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 18-21 marta 2014 g.): Trudy i materialy [East Slavic Linguistic State - What, Where, When. Russian Language: Historical Fates and Modernity: V International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 18-21, 2014): Works and Materials]. Sostaviteli M. L. Remnyova, A. A. Polikarpov, O. V. Kukushkina. Moscow. Izd-vo Mosk. un-ta. pp.92-93.
30. Shinakov E.A. (1977) Tipologiya, hronologiya i areal pyati- i semiluchevykh visochnykh kolec. Diplomnaya rabota [Typology, chronology and area of five- and seven-ray temporal rings. Diploma work]. Moscow. MGU.
31. Shinakov E.A. (1980) Klassifikaciya i kul'turnaya atribuciya luchevykh visochnykh kolec. Sovetskaya arheologiya [Classification and cultural attribution of radial temporal rings. Soviet archeology]. №3. pp.110 - 127.

32. Shinakov E.A., Zaitsev V.V. (1993) Klady kak istochniki po politicheskoy geografii Srednego Podesen'ya v drevnerusskuyu epohu [Treasures as Sources on the Political Geography of the Middle Desna Region in the Old Rus Era]. Archeology and History of the South-East of Ancient Rus' (materials of a scientific conference). Scientific ed. A.Z. Vinnikov. Voronezh: Publishing House of VSU. pp. 64–67

33. Prishchepa B. A. (2016) Pogorins'ki mista v 10-13 st. [Pogorynsky towns in the 10th-13th centuries]. Rivne: PP Dyatlik M. 297 p. (in ukrainian)

34. Lisowski A.J. (1938) Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615-1616. Przegląd Historyczno-Wojskowy. Tom X. pp. 250 - 255. (in polish).

Об авторах

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), email: shinakov@mail.ru

Майоров Анатолий Александрович – доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Россия), email: aamajorov@rambler.ru

Shinakov Evgeny Aleksandrovich – Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), email: shinakov@mail.ru

Mayorov Anatoly Aleksandrovich – Doctor of History, Acting Head of the Department of History, Philosophy and Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin (Russia), email: aamajorov@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования**;

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов **и их значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

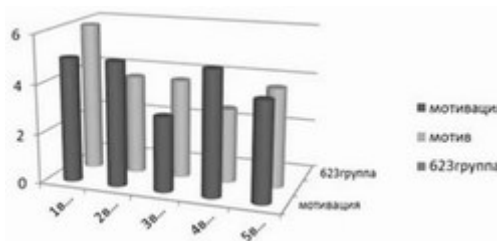

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (65) 2025

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.09.2025.

Дата выхода журнала в свет: 30.09.2025.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 16,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+